ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #3 '03

ИЛЬИН

БЕССОНОВ

ПИЩЕНКО

БЕЛАШ

БОДУН

ОЛИН

ПРОШКИН

БАСОВ

ТРУЖЕНИКИ МАРСА

ЧТО ТВОРИЛОСЬ НА «РОСКОНЕ»

ИНТЕРПРЕССКОН-2003

С 1 по 4 мая 2003 года в пансионате «Буревестник» под Санкт-Петербургом состоится «Интерпресскон-2003», на который съедутся ведущие специалисты стран СНГ в области фантастики – писатели, критики, художники, переводчики и издатели – для вручения литературных премий «Бронзовая улитка», «Интерпресскон» и «Русская фантастика».

В плане конференции – доклады на актуальные вопросы литературного процесса, семинары, пресс-конференции, презентации.

Оргкомитет искренне надеется, что «Интерпресскон» будет Вам интересен. Поэтому мы от всей души приглашаем Вас принять участие в работе конференции.

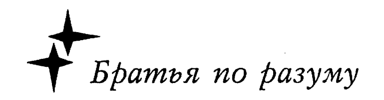
Оргвзнос за участие составит 90 у.е. за место в двухместном номере и 130 у.е. за одноместный номер.

Телефоны: (812) 126-76-72, 310-43-06, 313-84-78.
Почтовый адрес: 196158, Россия,
г. Санкт-Петербург, а/я 358, Сидоровичу А.В.
E-mail: interpresscon@rusf.ru
Интернет: http://www.rusf.ru/interpresscon/

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 3 '03

Содержание

Братья по разуму

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича). **На обложке** – работа П.Ли «Поиски марсианской жизни».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 25.02.2003. Формат 60х88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 763.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Комиссия по контактам

Как мы и ожидали, статья Сергея Красикова «Эскапизм со взломом» (см. «ЗД» № 1 с.г.) вызвала немало любопытных откликов. Кажется, разговор об идейном кризисе в современной фантастике завязывается серьезный. В этом номере мы публикуем самый «экстремистский» отзыв, поступивший в «ЗД» по электронной почте (его автор укрылся под псевдонимом Мелькор). В следующем планируем напечатать иные мнения, а также попросим прокомментировать их самого Сергея Красикова. Оставайтесь с нами!

В программной статье «Литература как зло» известного философа А.Дугина писательскому труду выносится суровый приговор: «Литератор творит не миф, но мир, и даже в индивидуальных и самых смелых фантазиях он косвенно укрепляет непоколебимость давящего ансамбля плотных форм, так как бежит от них в слабосильный, истеричный произвол, оставляя вес непреображенного бытия довлеть с еще большей угрюмостью и фатальностью». Десакрализируя реальность (т.е. устраняя из нее мифологическую основу путем вычленения индивидуального сознания из вселенского контекста), писатели ввергают беззащитного читателя в экзистенциальную тюрьму, где поиски «человека в чистом виде» закономерно приводят к крайним формам индивидуализма и солипсизма. Помните знаменитое – «Если Бога нет, то все дозволено»?

Но не все так страшно – далее Дугин приводит цитату из Мирчи Элиаде: «Литература сама по себе есть миф, она не может выдвинуть ничего нового и банально черпает из арсенала бессознательного все те же сюжеты и ситуации, которые мы встречаем в архаичных ритуалах и легендах. Следовательно, литература не может быть отождествлена только с десакрализацией, в ней отчетливо прослеживаются и элементы ресакрализации».

За примерами далеко ходить не надо, достаточно вспомнить «Туманность Андромеды» – эту квинтэссенцию коммунистического мифа, ставящего знак равенства между сказочными древнегреческими героями и землянами невообразимо далекого будущего. В той или иной степени «мифической» была и вся официальная (да и часть «подпольной» – вспомним Платонова!) литература, осененная госпремиями и членст-

вом в Союзе писателей. Она просто-напросто заменяла людям библейские заветы: вместо Христа и сонма святых – Павлик Морозов и замученные фашистами «молодогвардейцы».

Все это дело прекрасно развивалось, находило выходы в развлекательную литературу. Казанцев и егс последователи прямо заявляли, что их цель – не уводить читателя от реальности, а «звать молодежь во втузы». При этом такие призывы не были продиктованы практической необходимостью (переизбыток интеллигенции в позднем СССР был очевиден), но являли собой часть выработанной еще чуть ли не Циолковским программы по созданию касты ученых-управленцев, рулящих государственным штурвалом не по законам либертарианства, а сообразно учебнику кибернетики. Подобная ситуация, кстати говоря, имела место и на Западе: родоначальники жанра от Уэллса до Дока Смита создавали предельно мифологизированную литературу, просто вместо Павлика у них был Капитан Америка с неправдоподобно добродетельными Линзменами, а то и вовсе проводилась дикая (с точки зрения современных философов-демократов) идея о том, что никаких индивидуумов нет, а существует лишь развертывающаяся в пространстве и времени структура по имени Человечество, – отголоски ее можно найти в знаменитой эпопее Фрэнка Херберта «Дюна».

Как это часто случается, беда пришла внезапно. Обнищавшая духом от отсутствия перспектив (а какие могут быть перспективы в обществе победившего капитализма?) западная интеллигенция 60-х ринулась в бегство от окружающей пустоты – одним из результатов этого эскапистского поветрия стало движение «новой волны». Творчески развив эксперименты «рассерженных молодых» образца 50-х, Муркок и Ко привнесли в фантастическую прозу экзистенциальный момент (стали делать акцент на 1-ю и 2-ю метатемы по классификации Биленкина – «внутренний мир человека» и «межличностные отношения людей»), закономерно дописавшись до прославления шизофрении (Боллард), «голубого» садомазохизма (Дилени), сатанизма (Спинрад), крайнего солипсизма (Дик), наркотиков (все скопом) и прочих разрушающих сознание идей и теорий. Образумить сбрендивших на книгах и роке молодых людей удалось, лишь развязав небольшую войнушку во Вьетнаме.

Тут надо оговориться, что эскапизм был присущ и фантастам 50-х годов (романы Толкина по своей сути глубоко эскапичны), но дело в том, что толкинисты бежали от общества не в психоделически-суицидальную нирвану, а во вселенную неомифа, созданного «из любви к искусству» помешавшимся на скандинавском фольклоре Профессором. Не имея точек соприкосновения с миром реальным, Средиземье искалечило жизнь несчетным тысячам людей со слабой психикой, подчинив

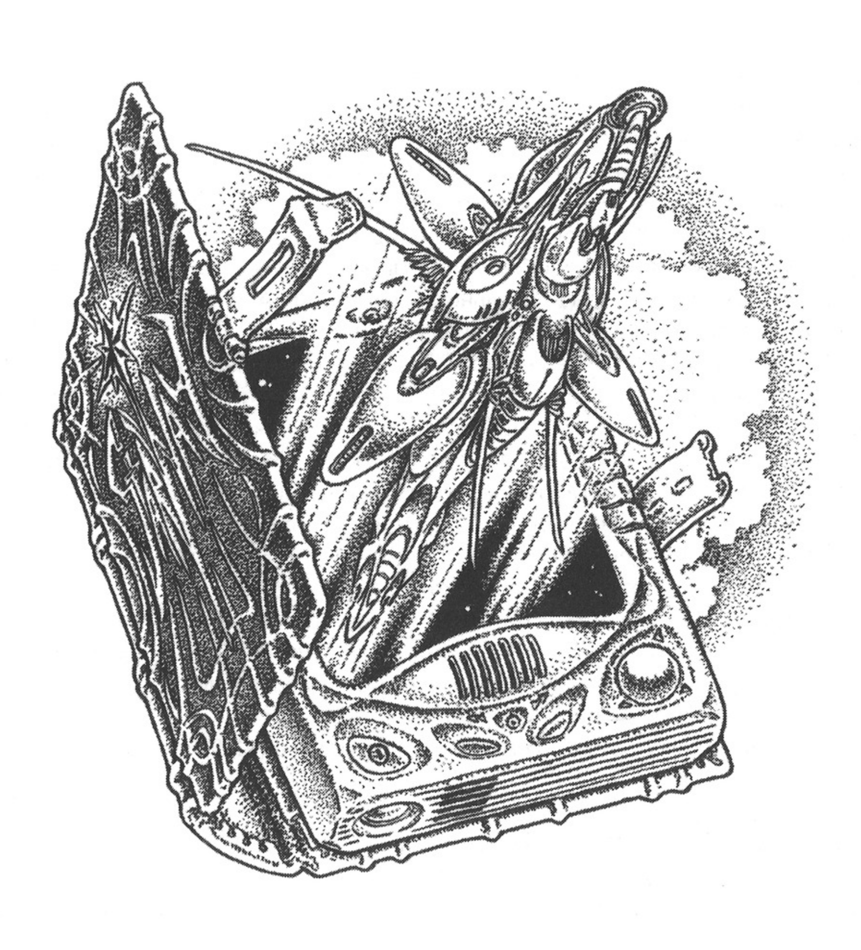

их своим вымышленным законам (тысячу раз были правы советские власти, «тормознувшие» окаянный роман на втором томе!). Подозреваю также, что контролируемый спецслужбами американский книжный рынок по указке свыше старается если не избегать (товар-то идет и на экспорт!), то уж во всяком случае «топить» эскапизм «первого типа» (бегство от реальности вообще) в эскапизме «второго» (бегство от общества), формируя фэн-группы вокруг так называемых культовых авторов (Буджолд, Джордан, Ролинг). На сегодняшний день именно эта тенденция, в отличие от установок мурковской группировки (левее которой был только сумасшедший дом), и возобладала в Европе и США: энергия умеренно-активных «интелей» канализируется в политкорректное фэнтезийно-космооперное зазеркалье и лишь крайним подсовывается сюрреалистичный бред вроде романов Кадиган, Нуна и прочих «киберпанков».

В СССР ситуация складывалась несколько по-иному: до 1991 года единственным примером «первого вида» эскапизма был «Пикник на обочине» – далеко не случайно история бегства «затюканного» жизнью человека в страну Хаоса и Энтропии так полюбилась западным издателям. Но пришли времена издательской вольницы, и на изумленную публику хлынул всесокрушающий поток переводного и родного эскапистского чтива (преимущественно «второго типа»). Ранние романы Лукьяненко (прежде всего «Императоры Иллюзий»), эпопеи Перумова, Никитина и Фрая, «муркокообразный» турбореализм Пелевина и Лазарчука, мрачное декадентство Дивова. Тогда, в середине 90-х, это было выгодно властям: страна стояла на грани голодного бунта, и пассионарные слои надо было отвлечь, погрузив в сладостный дурман фантастического. Отрезвление пришло с началом сами знаете каких политических событий и относительной экономической стабилизации.

Теперь перейдем к статье-манифесту господина Красикова. Статья, безусловно, интересная – правда, интересна она именно своей неправотой: смешав в одну кучу всю мировую фантастику от Хаббарда до Дика, Красиков попрекает ее за «революционность», сиречь за заложенные в произведениях мессианские идеи, стремление в очередной раз научить жить. При этом наступить на горло собственной песне автор не смог – осудить горячо любимых им киберпанков и «сериальщика» Фрая за отсутствие Мысли он не решился, как не стал и отвечать на закономерно возникающий вопрос: зачем вообще нужна литература, если она не несет никакой иной функции, кроме эскапизма? Таким образом, Сергей Красиков солидаризировался со сторонниками бегства от тягот жизни в пространство искусства. Что ж, тоже позиция: «худло» безопаснее водки и LSD!

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

24–26/I На «Бастконе» вручили «Чашу» и «Меч»

Москва. В подмосковном доме отдыха «Боровое» прошла III литературно-практическая конференция «Басткон». Ее организаторами выступили литературно-философская группа «Бастион», фонд «Третье тысячелетие» и издательство «Мануфактура». В конференции приняли участие известные писатели и критики, в том числе Василий Головачев, Дмитрий Володихин, Леонид Кудрявцев, Андрей Саломатов, Евгений Прошкин, Мария Галина, Роман Злотников, Виталий Пищенко, Ольга Елисеева, Алекс Орлов, Олег Овчинников и Василий Владимирский. «Звездная дорога» была представлена Александром Ройфе и Василием Мельником.

Программу конференции составили семинары и пленарные заседания. Произведения молодых авторов разбирали Александр Громов, Елена Хаецкая и Эдуард Геворкян; энтузиастов ролевых игр консультировала Наталья Некрасова; работала школа переводческого мастерства под руководством Владимира Баканова. Многим запомнились доклад Владимира Березина о специфике восприятия утопий/антиутопий и сообщение Оксаны Дрябиной о результатах издательской деятельности ВТО МПФ. А завершила программу дискуссия о роли писателя в условиях глобализации.

Как это обычно и бывает на подобных мероприятиях, кое-кто уехал домой с призами. Диплом «Зеркало-2003», которым отныне будут отмечать достижения в области перевода, достался Светлане Лихачевой. Премию «Чаша Бастиона» (присуждается общим голосованием) получила Ольга Елисеева за роман «Сокол на запястье»; дипломы в этой номинации вручены Роману Злотникову («Воин. Последняя битва») и Елене Бычковой и Наталье Турчаниновой («Бесценная награда»). Премия «Меч Бастиона» (присуждается коллегией литературно-философской группы) досталась Евгению Прошкину; дипломантами стали критик Игорь Черный и историк Сергей Алексеев. Творческий дуэт Бычковой-Турчаниновой получил еще одну награду – коммерческую премию «Иван Калита» (за нее голосуют лишь те, кто сделал 100-рублевый взнос в призовой фонд).

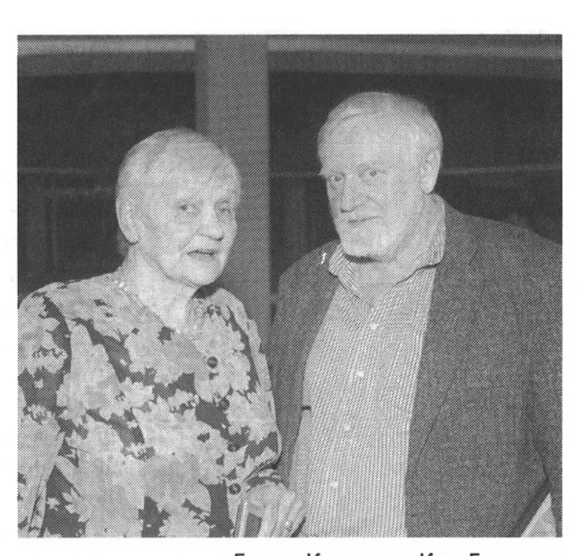
«Басткон-2004» пройдет в январе будущего года ***(«ЗД-информ»).***

13–16/II Состоялся «Роскон»

Москва. В доме отдыха «Планерное» уже в третий раз прошел фестиваль «Роскон» – самая крупная и престижная в нашей стране конференция, по-

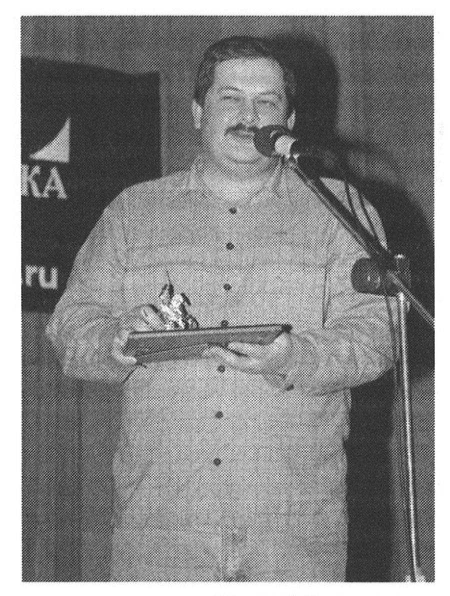
священная фантастике. В нынешнем году фестиваль оказался поистине массовым: в нем приняло участие свыше 250 человек, в основном писатели, критики, издатели, книготорговцы, имеющие отношение к фантастическому жанру. Наряду с россиянами в «Планерное» приехали гости из-за рубежа – из Белоруссии и Украины, Молдавии и Израиля, Италии и Польши, Англии и Латвии. Участники «Роскона» практически круглосуточно общались друг с другом, хотя и об официальных мероприятиях не забывали: в рамках форума работали мастер-классы известных фантастов (Василия Головачева, Александра Громова, Генри Лайона Олди, Святослава Логинова, Сергея Лукьяненко), проводились различные семинары (по критике, по НФ и фэнтези, по фантастической прессе...) и презентации (публике были представлены серия «Зеленая Луна» издательства «Махаон» и журнал «Полдень, XXI век»). Отдельный подарок ждал любителей фантастического кино – они имели уникальную возможность посмотреть малоизвестные экранизации произведений Кира Булычева.

Белла Клюева и Кир Булычев

Призов на «Росконе» вручают так много, что одного вечера на это никак не хватает – укладываются в два. В первый вечер была присуждена премия за лучшую детскую фантастику «Алиса»: Кир Булычев отдал ее юной Валентине Дегтевой за книгу «Муза села на варенье». Сразу же после этого состоялось вручение новой награды – учрежденной издательством «ЭКСМО» и оргкомитетом «Роскона» премии «Фантаст года». Присуждается она по результатам опроса книготорговцев и предназначена для того, чтобы отмечать самых популярных, то бишь самых читаемых авторов. На сей раз таковым был назван Василий Головачев, а заведующий редакцией фантастики «ЭКСМО» Леонид Шкурович уверил присутствующих, что никакой «внутрикорпоративной» симпатии учредители не испытывали, но руководствовались исключительно данными статистики. Однако на этом сюрпризы только начались: на сцену вышла писательница и автор ежедневной программы «Есть мнение!» на канале ТВС Юлия Латынина и объявила, что управляющая компания Новоли-

пецкого металлургического комбината решила поддержать талантливого молодого фантаста, в связи с чем петербургская писательница Вера Камша получит 5000 долларов. Что ж, жест щедрый, хотя и неясно, насколько регулярно будут выплачиваться такие стипендии. И каким же разительным контрастом стало вручение премии «Большой Роскон», которая дается за вклад в развитие жанра и которую в 2003 году присудили Белле Григорьевне Клюевой, знаменитому редактору издательства «Молодая гвардия» эпохи его расцвета. Надо было видеть, как в едином порыве встал аплодирующий зал, за пять минут до этого бесстрастно выслушавший новость о сенсационной щедрости меценатов... Важно добавить, что оргкомитет фестиваля учредил специальный диплом и денежный приз для Нины Матвеевны Берковой, организатора легендарных семинаров в Малеевке. Такое внимание к ветеранам жанра дорогого стоит.

Сергей Лукьяненко

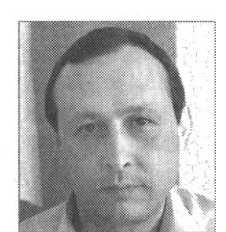
А во второй вечер вручались основные награды «Роскона» по результатам двухтурового голосования участников конференции. В номинации «Критика, публицистика» первые три места заняли: Андрей Шмалько (статья «Фэндом, фэны, фэнье»), Дмитрий Володихин и Игорь Черный («La femme cherche»), Эдуард Геворкян («Медаль за взятие Каноссы»). В номинации «Короткая форма» тройка лидеров такова: Олег Дивов (повесть «Закон лома для замкнутой цепи», впервые опубликованная в журнале «Звездная дорога»), Сергей Лукьяненко («Пограничное время»), Евгений Лукин («Что наша жизнь?»). А среди романистов первенствовали опять-таки Сергей Лукьяненко («Спектр»), Александр Громов («Завтра наступит вечность») и Ольга Елисеева («Сокол на запястье»).

Всего, что произошло на «Росконе», нельзя и перечислить. Ночной акустический концерт популярной группы «Зимовье зверей», НФ-дискотека с разливанным морем бесплатного пива, встреча молодых авторов с издателями книг и журналов... Все интересно, все важно, но побывать везде, к сожалению, невозможно: клонировать людей еще не научились. Единственный выход – постараться наверстать упущенное в будущем году... ***(«ЗД-информ»)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Владимир Ильин

ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ

Московский фантаст Владимир Ильин родом из города Златоуст Челябинской области. У него богатая биография: он окончил Военный институт иностранных языков, служил военным переводчиком в Анголе и Мозамбике, преподавал, занимался научными исследованиями в области языкознания, в настоящее время работает в Конституционном Суде. Фантастику Владимир Ильин пишет с начала 80-х. В последние годы сотрудничает с издательством «ЭКСМО», где в серии «Абсолютное оружие» вышли его книги «Враги по разуму», «Пожелайте мне неудачи», «Зимой змеи спят», «500 лет до катастрофы», «Сны замедленного действия» и ряд других. Рассказ «Последний гвоздь» был написан для антологии, которая посвящена 50-летию первой публикации «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери. Впрочем, американскому классику и в голову не могла прийти ситуация, описанная Ильиным...

Так, а теперь мне нужен гвоздь... Где же он, гад?.. А, вот, в дырку за подкладку кармана провалился. Иди-ка сюда, мой драгоценный!..

Я поднес его к самому носу и оглядел со всех сторон так, будто никогда в жизни не видел гвоздей. Хм, гвоздь как гвоздь. Трехдюймовый, с массивной шляпкой, из нержавеющей стали. Из тех, что на любой стройке буквально под ногами валяются. Потому что стоят они — гроши.

Но для меня данный экземпляр представлял особую ценность. И не потому, что стоимость его многократно возросла в результате транспортировки на расстояние в десятки миллионов километров.

Им я должен был закончить работу длиной почти в десять лет.

Десять лет адского труда в стоградусные морозы, в песчаные бури, почти без отдыха и выходных — и всего один гвоздь.

Сто с лишним человек, полегших костьми на этой проклятой стройке, – и всего один гвоздь.

В моей жизни было немало моментов, когда душа выворачивалась наизнанку, но никогда я не распускал нюни. А сейчас, вертя в сведенных судорогой пальцах этот последний гвоздь, я чувствовал, как на глаза мои сами собой наворачиваются слезы.

Неужели сейчас все закончится и больше не надо будет думать о том, что предстоит сделать завтра?! И неужели только этот тонкий кусочек стали отделяет меня от свободы, от Земли, от жизни?!..

Ладно, расслабься. А то, чего доброго, от предвкушения счастья отбросишь копыта. Как наркоман, дорвавшийся до «травки» после долгого воздержания.

Я не глядя нашарил рукоятку молотка и принялся за дело. Последнее мое дело на Марсе.

Как всегда, пришлось попотеть. Вбивать гвозди в условиях малой силы тяжести – занятие для мазохистов. Потому что даже самый могучий удар молотком (а точнее, кувалдой, с учетом размеров) продвигает гвоздь не больше чем на миллиметр. Вот и прикиньте, сколько ударов потребуется, чтобы вогнать в металлопластовую плиту трехдюймовый гвоздь, даже если все эти удары придутся именно по шляпке, а не по вашим пальцам...

Конечно, если бы мы были обычными работягами, то те, кто снаряжал нашу бригаду, наверняка позаботились бы включить в комплект оборудования всякие крутые инструменты. Например, монтажные пистолеты. Чтобы мы тут не махали кувалдой до умопомрачения, словно дистрофики, вознамерившиеся стать здоровее мускулистых героев кинобоевиков.

Но пистолетов нам не дали. Видно, побоялись. Пистолет – он ведь и на Марсе пистолет, а что монтажный – так это еще с какой стороны посмотреть... А вдруг нам пришло бы в голову выстреливать гвозди не в стройматериалы, а друг в друга?

И возмущаться этим – без мазы. Спасибо, что хоть молотки да лопаты доверили. Хотя и младенцу ясно, что в качестве оружия может служить любой инструмент. А в отсутствие такового – кулаки, когти, зубы и прочие части тела. И если бы, например, мне вздумалось замочить своих коллег по строительству, то мне не потребовались бы ни кувалды, ни отвертки, ни тем более электропилы. Я обошелся бы своими штатными кулаками и действовал бы без особых ухищрений. По принципу: один удар – один труп. Просто надо знать те точки, попадание в которые надежно отделяет душу от тела. А еще для этого требуются молниеносная реакция и хладнокровие.

Всего этого мне когда-то было не занимать. И промахов у меня никогда не было, и добивать никого не приходилось.

Вот потому-то я сейчас и забиваю здесь свой последний гвоздь...

Чтобы отвлечься от тошнотворно-однообразной работы, лучше всего думать о чем-нибудь своем. За десять лет я этому успел научиться.

Но сейчас, осыпая свирепыми ударами непослушный гвоздь, я не мог ни на чем сосредоточиться. Мысли мои плясали, как руки у конченого алкаша. Слишком долго я запрещал себе думать о том, что будет через полгода, через год, через пять лет. Какой смысл загадывать так далеко, если неизвестно, выживешь ли ты сегодня или сдохнешь?! Зато теперь, когда туманное будущее стало реальностью, ранее задушенные мечты и желания нахлынули и затопили меня с головой...

А гвоздь, как назло, не хотел влезать в плиту.

Словно не хотел, сволочь, чтобы я считал себя победителем.

Мало того, что он отказался лезть в плиту, так еще и посмел гнуться то в одну, то в другую сторону, как пластилиновый.

Что за черт? Бракованный он, что ли?

Отложив кувалду, я вновь принялся придирчиво изучать стального бунтаря.

И тут в моей голове сверкнула блестящая идея.

А может, ну его к черту, а?

В конце концов, что такое – какой-то несчастный гвоздь? Можно подумать, что без него крыша рухнет. Между прочим, в эти плиты вбито уже несколько десятков таких гвоздей. Так что никто и не заметит нехватку одного из них. А дырку в плите можно замазать термостойкой мастикой – и все будет шито-крыто.

Так что ж я долблюсь с этим гвоздем, словно на нем белый свет клином сошелся?

Пора бросить молоток и спускаться вниз. Ребята, наверное, уже вовсю празднуют окончание пахоты.

Тут я вдруг обратил внимание, что в поселке не слышно ни скрежета пил, ни ударов молотком, ни других звуков, свидетельствующих о том, что, кроме меня, кто-то еще работает.

Интересно, а почему тогда никого не видно? Куда они все подевались после того, как сделали последний мазок кистью, вбили последний гвоздь, закрутили последний шуруп? Не телепортировали же их отсюда на Землю?!..

Я повертел головой в разные стороны.

Пусто.

Только ровные ряды новеньких крыш, уходящие к самому куполу. Да покатые, блестящие на солнце спины оранжерей.

А еще повсюду – нагромождения строительного мусора. Вот, кстати, чем еще придется заняться напоследок. Прораб наверняка заставит все убрать и вообще навести порядок на «объекте», как он до сих пор по привычке называет возведенный нами поселок.

Ну, да это уже не работа, а баловство будет. Ликвидировать последствия строительного аврала, даже длиной в несколько лет, – это не строить. За несколько часов можно управиться.

Главное – что каторжный труд, от которого остаются лишь кровавые мозоли на ладонях, непроходящая боль во всем теле и отупляющая пустота в мыслях, уже позади.

Вот если бы мне еще последний гвоздь забить, то тогда с чистой совестью можно было бы доложить Прорабу, что я свою задачу выполнил.

Но если сейчас все бросить и сдаться этому кусочку стали, то придется соврать. А чтобы врать нашему Прорабу, надо быть или заскорузлым наглецом, или наивным дурачком. Потому что глянет он на тебя пронзительно из-под своих тяжелых, набрякших век, а потом перекосится всем лицом и выдаст неповторимым хрипловатым голосом одно только: «Э-э-эх!..» – и тебе вдруг станет так стыдно, как не бывало никогда раньше, хотя поводов для стыда в твоей жизни было больше, чем блох на бродячей собаке...

Трудно все-таки обманывать человека, которому ты обязан жизнью. А Прораб – именно такой человек для каждого из нас. И хорошо, что мы десять лет назад поверили и подчинились ему. Не все, конечно. Такие, как Скворешник и его дружки, так и не смогли врубиться, что в нашей ситуации работа – это жизнь. «Это западло! – орали они, брызжа слюной, в лицо Прорабу. – Никогда мы не мантулили и мантулить не будем, как какие-нибудь дурдозели вшивые! Козырные не горбят, понял?»

Ну и чего эти фраеры добились своими воплями? Лежат теперь под толстым слоем оранжевого песка и не увидать им уже никогда ни Земли, ни Марса...

Ну все, хватит о покойниках... Надо про что-нибудь более веселое шевелить рогами. Например, куда мне податься, когда нас привезут на Землю? И как жить дальше?

А черт его знает! Один ведь я, и нет у меня во всей Солнечной системе ни родни, ни корешей. Нет, знакомые-то, конечно, есть, только вот дружбанами их никак не назовешь. Работодатели бывшие, мать бы их за ногу!.. Да и где они сейчас? Половина из них, наверное, очередной срок мотает. А другая половина, естественно, – на том свете. В нашем деле долгожительство не светит. Не все же только тебе других за-

землять. Рано или поздно и тебя грохнут. Причем, как правило, свои же. И совсем не обязательно в качестве наказания. Иногда это делается чисто ради профилактики. В целях обновления и ротации кадров, так сказать...

Не-ет, вот вернусь на Землю – и с меня хватит. Пошлю подальше все эти прелести преступной жизни в виде прокуренных кабаков, где раскрашенные шлюхи трясут со сцены голыми сиськами, все эти малины с их наркотой и вечным страхом шухера, всех этих проституток, сутенеров-гомиков, крестных отцов с золотыми зубами, угнанные тачки, липкие от чужой крови бабки...

Завяжу с прошлым так, что никому не развязать.

Буду жить, как все нормальные люди живут. Теперь-то мне нечего бояться, что работу не найду. Спасибо Прорабу: многому научил. Десять строительных специальностей – это вам не по чужим карманам шарить и не фраеров в темных подворотнях пришивать. А строители на Земле всегда были и будут нужны...

Да и семьей обзавестись пора. Найду себе женщину, не обязательно красивую, но душевную, скромную, без выпендрежа. Лет-то мне, слава Богу, еще не так много. Можно сказать, вся жизнь впереди. Не то что, скажем, у Папаши Глаубера – а ведь и он на что-то надеется...

Я распрямил затекшую спину и огляделся.

С крыши было отлично видно всю долину. С одной стороны – изломанные зигзаги чудовищных гор на самом горизонте, с трех других сторон – только песчаные барханы неестественно-красного цвета. И тоже – до самого горизонта.

Никто из нас не знал, как называется эта местность. Да и какая нам разница?.. Наверное, какое-нибудь море липовое. Прораб говорил, что тут везде – одни сплошные моря, проливы и каналы. Много лет назад нашелся на Земле умник, которого звали Скипи... Скапи... В общем, типа скипидара, только на итальянский лад... Так вот, если верить названиям этого самого Скипидара, то мы бы сейчас просто купались в воде. Нет, вода на Марсе есть, но только в виде льда и глубоко под поверхностью. В свое время нам пришлось попотеть, прежде чем мы пробурили в мерзлом грунте скважину и установили на глубине нескольких километров плазменную горелку, растапливающую лед, да насос, чтобы выкачивать получившуюся воду на поверхность...

Да черт с ними, с названиями. На Земле они все равно не будут иметь никакого значения. Разве что перед девицами можно будет хвастаться по пьяни: вот, мол, перед вами – человек, который побывал в Море Бурь... «Ой, а где это?» – запищат они. «Да есть такая планета, – небрежно скажу я. – Марс называется – не слышали?»

Фу-ты, и что за околесица в голову лезет? От радости, наверное...

И погода сегодня, как по заказу, великолепная. Даже за куполом, наверное, не меньше двадцати градусов на солнце. Это потому, что сейчас лето да еще день. А вообще морозы тут всегда – хоть зимой, хоть летом. Одно отличие только: зимой мороз лютует круглые сутки, а летом – только по ночам. Откроешь рот, чтобы зевнуть, – и язык примерзает к небу. Я никогда не был в Антарктиде, где, говорят, самые страшные холода на Земле. Но если сравнивать марсианские морозы с земными, то даже Антарктида останется в глубокой заднице. Что такое сто двадцать ниже нуля, представляете? Нет? Ну и лучше вам этого никогда не испытать на своей шкуре. А мы вот испытали сполна.

Конечно, защитные комбинезоны у нас были. Почти как скафандры космонавтов. Иначе мы бы в течение первого же часа превратились в ледышки. И дело не только в холоде. Воздуха здесь почти совсем нет, хоть ртом дыши, хоть задним проходом – все равно задохнешься.

Но даже и в комбезах холод проникал в самые печенки. Тем более что в перчатках много не наработаешь. То шуруп какой-нибудь надо ввинтить, то еще что-нибудь тонкое сделать... Крючок стал первой жертвой марсианского колотуна: передержал руки на холоде, а потом гангрена началась. Даже неумелая ампутация при помощи электропилы не помогла...

Я вздохнул и опять взялся за молоток.

Проклятье! Ну никак этот чертов гвоздь не хочет лезть в плиту!

Только зря он надеется, что я оставлю его в покое.

Ну, сейчас ты у меня узнаешь, что такое настоящий удар сплеча! И никакая слабая сила тяжести тебя не спасет!..

Проклятье!.. Что ж это получилось-то, а? Я и не подозревал, что гвозди толщиной с палец могут ломаться. А этот возьми да и хрумкни. Причем чистенько так и ровно пополам. Как молочный зуб у ребенка, вздумавшего перекусывать стальную проволоку. И обломки в придачу улетели вниз.

Ну вот, сам сломался и мне весь кайф сломал – я ж с таким душевным трепетом его воспринимал...

Что ж, значит, не судьба. Значит, придется тем, кто поселится в этом аккуратном домике, обойтись без одного гвоздя в крыше. Ведь гвоздь этот у меня действительно был последний.

Может, спуститься и попросить у кого-нибудь из ребят? Не может же быть, чтобы ни у кого ни единого гвоздочка лишнего не осталось!..

Да ну его к черту, в самом деле!

Ты еще детский стишок вспомни про то, что стало с миром из-за того, что в кузнице не было гвоздя!.. Подумаешь, одним гвоздем боль-

ше, одним меньше. На доме же это никак не отразится. И потом, если уж на то пошло, сюда что – одни белоручки и беспомощные маменькины сынки заявятся, что ли? Хочешь жить на Марсе – будь готов к любым лишениям и трудностям. В том числе и к тому, что в крыше великолепного, благоустроенного пятикомнатного коттеджа, который своими руками от начала до конца построил для тебя бывший зек Бар Липски по кличке Ударник, не окажется одного несчастного гвоздя! Ну, а если сильно захочешь – возьми да и забей его сам. Не обломишься, небось. И так на все готовое прибудешь, так разве имеешь ты право придираться к мелочам?..

Договорились? Вот и славно.

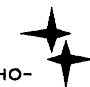
А я буду считать, что свою работу закончил.

И так – сколько же можно?..

Десять лет непрерывной каторги.

Первое время, когда нас доставили сюда, мне казалось, что лучше отпахать здесь десять лет, чем всю оставшуюся жизнь провести за решеткой в вонючей зоне. Ничего другого-то мне не светило. Все-таки десять мокрух за спиной, причем две последние – из разряда так называемых тяжких. Убийство по заказу, да еще и десятое по счету, – само по себе большой грех (не зря прокурор назвал меня «серийным убийцей», хотя какой из меня маньяк, если убивал я не ради удовольствия, а за деньги?), а тут еще оказалось, что жертвы – супружеская пара, вставшая поперек горла моим заказчикам, – глухонемые. Но откуда я мог об этом знать? Меня же никто не предупредил!.. Даже когда расправлялся с ними, мне и в голову не пришло, что молчат они, как рыбы, вовсе не от страха, а потому, что говорить в принципе не могут!.. Но суду было на мое незнание, равно как и на искреннее раскаяние, наплевать. И в принципе, правильно. Ну, предположим, знал бы я, что буду иметь дело с ущербными инвалидами – и что? Отказался бы? Ха, ты себе-то самому веришь? Взаимоотношения с теми, на кого я работал, были простые, как букварь: или ты убираешь других, или убирают тебя.

В общем, отвалил мне суд по полной программе. Высшая мера наказания. В современном цивилизованном обществе это пожизненка. Причем без права на амнистию, пересмотр дела и помилование. Братва в СИЗО, когда узнала про приговор, твердила мне: «Вешайся, Ударник, вешайся!» И ведь на самом деле нет ничего хуже, когда тебя приговаривают к жизни. Раньше-то было проще и лучше: к стенке мерзавца – и все довольны. В том числе и сам мерзавец. А как же? Меньше мучиться придется. А теперь таким, как я, суждено заживо гнить за ко-

лючей проволокой. Та же смерть, только с агонией, растянутой на многие годы, и без надежды на спасение...

Вешаться, однако, я не стал. Что я, слабак, чтобы руки на себя накладывать?

И вот сижу я в спецзоне год, другой – в одиночку сижу, потому что «пожизненным» общение даже с себе подобными мерзавцами не полагается. Хотя прочие условия, в принципе, неплохие, ведь на работу тебя никто не гонит. Хочешь – весь день читай книжки, хочешь – мемуары пиши, если считаешь, что в этом есть смысл. А все прочее – ни-ни!.. На прогулку только раз в день выводят. В коробку из колючей проволоки под током, где ноги предыдущих десятков поколений зеков утоптали землю до твердости асфальта.

А самое главное – никому ты не нужен в мире, который остался за забором зоны. И неважно, есть у тебя родственники или нет: рано или поздно даже самые преданные и родные люди перестают писать «пожизненному». А уж про свидания вообще нечего говорить. И это можно понять: какой дурак (или дура) попрется за тридевять земель ради каких-то двух часов свиданки (которая разрешена раз в год, да и то через стеклянный барьер)?!..

Поэтому, когда меня вызвали к начальнику тюрьмы и тот спросил небрежно: «Хочешь освободиться через пять лет?» – я подумал сперва, что ослышался. «Правда, для этого придется немного поработать, – так же небрежно продолжал наш главный тюремщик, носивший красноречивую кликуху Губастый. – Причем в самых суровых условиях».

Тут я насторожился. Упоминание об условиях мне совсем не понравилось. Не хотел я почему-то ковыряться лопатой в радиоактивных отходах, чтобы через пять лет, а, скорее всего, намного раньше обрести волю на том свете.

Однако Губастый, видя мое замешательство, снизошел до того, чтобы просветить меня по-крупному. Оказывается, работать придется на Марсе. И не в ядерных отходах копаться, а строить нормальные здания – небольшой городок для будущих первопоселенцев.

От астрономии я был так же далек, как от свободы. И вообще, книжками мало увлекался. Моя специфическая профессия всю тягу к знаниям отбивала. Нет, кое-что печатное я осилил, был такой грех. Но читал больше то, что мне по жизни могло пригодиться. Уголовный кодекс, скажем. Или пособия по рукопашным единоборствам...

Но я все-таки не был последним лохом, чтобы смекнуть, что лучше пахать где-то на другой планете (всего каких-нибудь пять лет!), чем кормить вшей и крыс на Земле.

Короче, вцепился я в предложенную мне возможность скостить выс-

шую меру, как карманник в чужой кошелек. Тем более что родителей мне Господь Бог не послал и все мое несознательное детство сгорело мутным пламенем в сиротском приюте. А обзавестись женой и отпрысками и не успел, и не хотел в принципе.

Словом, подписали мы с Губастым контракт. Все чин по чину, с государственной гербовой печатью и отпечатками пальцев в доказательство подписей.

Потом вернулся я в камеру и стал к Марсу готовиться. Морально. Заказал в библиотеке книжки про Марс, а там ничего путного не нашлось. Лишь одну затрепанную книженцию наша тюремная библиотекарша смогла откопать, да и та не научной, а художественной оказалась. Под названием «Марсианские хроники». Написал ее еще в прошлом веке один американец по фамилии Брэдбери.

Проглотил я залпом этот томик, и на душе у меня сразу полегчало. Все-таки не такие уж хреновые условия на Марсе там описывались, как мне раньше казалось. Ну, песок, ну, горы высоченные, ну, воды нет – аж каналы все позасыхали – так что ж в этом смертельного? У нас ведь в Сахаре или в Каракумах – та же песня. Зато там, если верить этому Брэдбери, должны сохраниться остатки марсианских городов – причем из чистого хрусталя. И деревья там растут, как в какой-нибудь нашей сельской местности, и зверей диковинных полно...

В общем, жить там можно и даже есть на что посмотреть, решил я и с легким сердцем стал ждать отправки.

Думал я, что это случится как-то по-особому, а вышло совсем не так. Если кто в зоне когда-нибудь сидел, тот знает, как этап отправляют. Так и тут: разбудили среди ночи, не дали ни умыться, ни нужду справить толком, все быстро-быстро, без базара и объяснений. Даже смену чистого белья и зубную щетку не дали, сволочи, с собой взять: мол, там вам будет предоставлена и одежда, и жратва, и прочее барахло.

Запихнули меня в стандартный «воронок» без окошек, долго куда-то везли, потом на спецсамолете – тот же «воронок», только воздушный – несколько часов в воздухе трясли. В конце концов, доставили меня прямиком к месту старта ракеты на космодром. Завели внутрь, заставили лечь в позе покойника в какую-то ванну с прозрачной крышкой, подсоединили к руке всякие причиндалы, которые только в больнице можно увидеть: капельницы, аж несколько штук, да шланги с раструбами. И крышку закрыли. Даже «до свидания» не сказали, гады. Хорошо еще, наручники не забыли снять.

Не успела крышка над моей мордой захлопнуться, как из шлангов в ванну хлынул какой-то вонючий газ, и я только успел подумать: «А не

кинули ли меня с Марсом? Может, в награду за примерное поведение в зоне мне решили заменить пожизненку на казнь в газовой камере?»

Испугаться, правда, не успел, потому что внезапно упала на меня тьма кромешная.

А очнулся я уже на Марсе.

Причем не один. Оказывается, в трюм ракеты «пожизненных» больше сотни напихали. И после посадки на Марсе все проснулись, из «ванн» повылезали, оделись (в шкафах действительно имелась вся необходимая одежонка, включая антивакуумные комбинезоны с приложенной инструкцией), а что дальше делать – никто не знает.

Ну, первым делом, конечно, выяснили, что ракета пуста, как обчищенный сейф, и нет в ней ни крошки съестного. Потом убедились в том, что ракета одноразовая, как презерватив. Потому что даже пульта управления в ней не было предусмотрено. Видно, летела она все это время по инерции, автоматически. Как пуля, выпущенная из ружья.

Наконец, сошлись мы в центральном отсеке трюма да знакомиться друг с другом стали. Кто где сидел, да за что, да в который раз... Будто мы не на другую планету, а на очередную пересылку по этапу прибыли. А потом вступили в действие неписаные законы зоны. Дошло до выяснения, есть ли среди нас паханы и кто самым главным паханом будет. Потому что беспредел никому не по душе, все хотят по понятиям жить, хоть и на Марсе...

Паханы среди нас действительно были, причем у некоторых каким-то образом шестерки успели образоваться. Шестерки, они всегда самыми первыми проявляются. Что в зоне, что на воле...

Паханы были солидные, самые настоящие авторитеты в законе. И у каждого – гора «заслуг» за плечами, так что добровольно уступать первенство никто не желает.

А поскольку определение пахана номер один всегда означает грандиозную разборку, то в ракете запахло неизбежным кровопролитием.

И самое главное – некому предстоящий беспредел остановить. Нет в ракете ни надзирателей, ни охранников, ни инспекторов.

А атмосфера все накаленнее становится, уже пошли в ход оскорбления и угрозы, уже шестерки зашныряли по ракете в поисках предметов, которые можно было бы использовать в качестве оружия в случае всеобщего мочилова...

И тут, откуда ни возьмись, протиснулся в круг, в котором авторитеты отношения выясняли, какой-то лысый, пузатый человечек возрастом этак под полтинник, причем совсем не криминального вида, и тихо так, не повышая голоса и не брызгая слюной, сказал сиплым, хрипловатым тенорком:

– А ну, кончайте, ребята, спорить. Что это вы разошлись? Если начальника ищете – так теперь я у вас вместо начальника буду.

Неизвестно, что в этом заявлении нас больше всего поразило – поползновение на высший пост со стороны этого недомерка или непривычное обращение «ребята». В любом случае, паханы язык прикусили на добрых пять минут. За это время человечка с лысиной и животиком они вдоль и поперек изучили. И ничего такого, что могло бы оправдать его борзость, не обнаружили.

А потом почти в один голос спросили:

– А ты кто такой, в натуре? Неужели тоже из блатных?

Человечек скромно потупился.

– Да нет, прораб я, – признался он.

– Это что, погоняло такое? – поинтересовались паханы.

– Какое еще погоняло? – обиделся человечек. – Это должность такая, ребята. Дело в том, что назначили меня руководить вашей работой.

После этих слов пауза поменьше была, чем в первый раз.

Зато и мнения паханов относительно будущего этого мужичка теперь прозвучали вразнобой. Одно только общее во всех высказываниях и было, что сулили лысоватому недолгую жизнь и очень страшную смерть.

Кое-кто из паханов уже вознамерился эту программу действий на практике реализовать, мигнув своим шестеркам, но тут назвавшийся прорабом пояснил:

– Кстати, ребята, тут тонкость одна имеется. Без меня-то вы не сможете вернуться на Землю.

– Это еще почему? – недобро прищурились паханы, жестом останавливая шестерок.

– Все очень просто, – продолжал толстячок. – Если вы внимательно читали контракт... – (*Ха, кто же из нас его вообще читал? Так, пробежали по диагонали, не вникая в мудреные канцелярские обороты, – и все. Для нас ведь главное было – что через пять лет мы вновь станем вольными людьми!*) – ...то должны были усвоить, что возвращение на Землю вам гарантировано не просто через пять лет, а только в том случае, если вы выполните свои контрактные обязательства. То есть построите объект, что называется, под ключ...

– Ну и что? Подумаешь – обязательства!.. Да фуфло это! Да мы можем просто просидеть здесь пять лет и пальцами ног не шевелить, а потом, когда ракета за нами прилетит, взять ее штурмом – и все дела. Да как они там, на Земле, узнают, что мы здесь груши околачиваем? – загомонили со всех сторон.

— Отвечаю, — кротко опустил на свои выпуклые глаза белесые веки человечек. — Во-первых, эти самые «они» не на Земле, а гораздо ближе. Прямо над нами на марсианской орбите висит корабль-база, где находится штаб строительства. Во-вторых, ракета за вами прилетит только в том случае, если будет построен объект. В-третьих, узнают они об этом очень просто — от меня... вернее, через глаза мои. Шрам на голове видите? — Он наклонил голову и крутанулся на триста шестьдесят градусов, блистая лысиной. — Это не просто шрам, ребята. Это мне в башку мини-камеру с автоматическим передатчиком вставили, а вместо объективов глаза приспособили. То есть все, что я вижу, и в штабе видят...

Секунду среди урок царила недобрая тишина, а потом кто-то зловеще осведомился:

— А если ты, скажем, того... ослепнешь?

Прораб махнул своей мозолистой короткопалой пятерней.

— Тогда — пиши пропало, — горестно сообщил он. — Тогда каюк вам всем будет, ребята, потому что никто за вами не прилетит. И вот что я вам еще скажу: продукты, одежду, лекарства и все прочее, что нужно для жизни, вы ведь тоже благодаря мне будете получать. Каждый день нам с орбиты будут спускать на парашюте контейнер. И порций там будет ровно столько, сколько человек отработало дневную норму. Потому что в конце каждой рабочей смены я должен представлять отчет в штаб. То есть своими глазами запечатлеть, насколько продвинулся фронт работ. И кто из вас действительно работал, а не делал вид, что трудится. Не будет этого отчета — не будет и контейнера. Значит, если меня не станет — то и вы все от голода загнетесь... Так что, ребята, судите сами: беречь вам меня теперь надобно как самую великую драгоценность!

— Да туфту он нам гонит! — вдруг заорал один из претендентов на звание главного пахана, известный всем земным зонам по кличке Скворешник. Страшный тип. Его уже не раз приговаривали к вышке, но он умудрялся убегать из-под стражи и опять гулял на свободе, оставляя за собой реки крови — чужой, конечно. Его снова ловили и снова судили, но он опять убегал даже из таких тюрем, откуда сбежать в принципе невозможно. — Неужели вы поверите этому чмошнику?!.. Он же, гад, специально к нам приставлен, чтобы стучать и закладывать нас! Раздавить его сразу, как клопа, — и все дела!

Он замахнулся, но Прораб не испугался. Он даже глазом не моргнул, этот маленький лысый толстяк, хотя невооруженным глазом было видно, что Скворешник настроен очень серьезно.

— Ну-ну, — с насмешливой хрипотцой протянул Прораб. — Что ж, да-

вайте, давите меня... Только позвольте сначала одну справочку вам дать. Человек без пищи может прожить месяц, ну, два месяца от силы. А без воды и того меньше. Дней десять... А без воздуха... Да, — спохватился он, — я же вам еще не сказал, что установка для получения кислорода тоже в контейнере должна прибыть. Воздуха-то в ракете хватит только на сутки, не больше, — вон сколько нас тут, — а потом придется углекислым газом и собственными испарениями дышать. А без воздуха на Марсе делать нечего, ребята. Нет тут кислорода в атмосфере.

Скворешник тяжело дышал. Так, будто ему уже не хватало воздуха. Глаза его налились кровью, жилы на мощной шее напряглись, превратившись в веревки, кулаки были сжаты. Он был явно оскорблен тем, что какой-то чмошник вздумал ему свои условия диктовать. К этому моменту другие паханы уже перестали перебивать Скворешника, так что он как бы от их имени солировал.

— Ладно, — сказал Скворешник Прорабу ласково-зловещим голосом. — Допустим, мы тебя сейчас не тронем, гнида. Пока... Но ты зря думаешь, что для нас бугром станешь, понял? Ты будешь жить — но погонять ты здесь не будешь. Наоборот, самая последняя шестерка будет погонять тобой, как ей вздумается. Ты у меня еще узнаешь... есть ли жизнь на Марсе!

Шестерки загоготали придурочно, с повизгиваниями — в знак поддержки *настоящего* пахана.

Но Прораб и глазом не моргнул.

— Хорошо, — кротко сказал он. — Согласен. Только кто строить объект будет?

— Какой еще объект, придурок? — окрысился Скворешник.

— Обыкновенный, — пожал плечами Прораб. — Городок для первопоселенцев. Почти сотня жилых модулей со всеми удобствами. Под ключ.

Скворешник смотрел сверху вниз на своего лысого оппонента долго-долго, и морда его корявая, испещренная жуткими шрамами, с каждой секундой становилась все страшнее.

— Как это — кто? Ты! — наконец прохрипел он. — Ты и будешь строить свой объект, понял? А нам он — до фени!..

— Я один? — уточнил Прораб. — Тогда мне не пять, а пятьдесят лет потребуется. Боюсь, вы здесь столько не проживете, ребята...

Скворешник с едва сдерживаемым бешенством сплюнул под ноги.

— Хрен с тобой! — сказал он. — Возьмешь человек двадцать самых опущенных шестерок — и вкалывайте до потери пульса! А не управитесь в срок — хана вам будет!..

— Конечно, не управимся, — мирно согласился Прораб. Он даже глаза к небу возвел, словно подсчитывая что-то в уме. — Двадцать человек... Сто домов... Да еще с предварительной подготовкой стройплощадки... да в таких условиях... Не, за пять лет не управимся. Лет десять, как минимум, нужно будет...

— А вы будете пахать днем и ночью! — свирепым шепотом сообщил Скворешник.

— Тогда нас надолго не хватит, — развел руками толстяк. — И, кстати, я еще кое-что забыл сказать. Продпайки, одежда и прочее матобеспечение будет выделяться только работающим.

— Ничего, вы с нами поделитесь, — отмахнулся Скворешник.

И вот тут Прораб перешел все границы допустимого, с точки зрения паханов, нахальства. Как говорят в таких случаях в зонах, борзометр у него зашкалил.

— Нет уж, парень, — сказал он, часто моргая своими белесыми ресницами. — Ты про такой принцип когда-нибудь слыхал: «Кто не работает, тот не ест»? Я вот думаю, что это должен быть наш общий девиз...

Мы думали, что Скворешника инфаркт хватит, — так он позеленел и затрясся. Просто на Земле его никто еще так не оскорблял. Даже тюремное начальство всех мастей. Даже самый беспредельный вертухай знал: Скворешник из-под земли достанет, чтобы отомстить за обиду.

— Да ты что, сявка? — просипел с трудом пахан, горой надвигаясь на Прораба. — Ты думаешь, мы все до одного горбатиться под твоим началом будем? Домики-гномики строить? За пайку вонючую раствор месить и лопатами махать?

Прораб невозмутимо пожал плечами.

— Кто захочет жить — будет, — объявил он.

— И я тоже?! — взревел львиным рыком Скворешник, разрывая на груди робу стандартного типа, похожую на те, которые мы носили в зонах на Земле.

— А почему бы и нет? — удивился Прораб. — Или ты не такой, как все? Не умеешь — научим, а не хочешь — воля твоя, насильно заставлять не будем...

Скворешник кинулся на своего противника, и в правой руке пахана, откуда ни возьмись, возникла типовая заточка из напильника. И как он ухитрился пронести ее в ракету, когда нас перед стартом догола раздевали и рентгеном просвечивали, — одному Богу известно.

Самое интересное, что даже в столь критический момент, когда мы все думали, что борзому толстяку пришла крышка, Прораб не шевельнулся и в лице не изменился. Словно знал, что с ним ничего не случится.

Так оно и произошло.

Не добежав до Прораба двух шагов, Скворешник вдруг наткнулся с размаху на невидимый барьер, выронил заточку и остановился как вкопанный. А потом, не издав ни звука, рухнул под ноги собравшимся и, вытянувшись во всю длину, застыл.

Все, не веря глазам, уставились на него, а потом перевели взгляд на меня.

Я, в свою очередь, изумленно воззрился на собственный кулак.

Рефлекс сработал помимо моей воли. Словно правая рука сама знала, что ей делать, и ударила Скворешнику в висок, не запросив предварительного разрешения у мозга.

Я покрылся холодным потом.

Но не из-за того, что нарушил неписаные законы зоны, посмев поднять руку на признанного авторитета, — хотя за это полагалась немедленная смерть.

Просто до меня дошло, на каком волоске висела вся наша шатия-братия. Ведь если бы Скворешник убил Прораба, то все мы были бы обречены на гибель на чужой планете. И не то чтобы я сразу поверил словам Прораба. Но это был наш единственный шанс спастись и вернуться на Землю.

Пусть даже через пять лет.

Пусть даже для этого придется вкалывать, как каторжным.

И в первый раз в своей жизни я облегченно вздохнул, убив человека.

Дальше было то, что и должно было произойти.

Конечно же, остальные паханы и часть шестерок пошли на меня стеной, чтобы исполнить автоматически вынесенный мне приговор.

Если бы не Прораб, лежали бы сейчас мои кости в песках Марса. Он заслонил меня собой, предупредив:

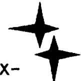
— Если тронете его, я сделаю все, чтобы вы остались на Марсе навсегда.

А потом повернулся ко мне и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты... это... ты больше ни на кого руку не поднимай, ладно? На Марсе нельзя убивать. Мертвецов и так еще будет — хоть отбавляй. А у нас теперь каждый человек — на вес золота...

Насчет мертвецов он как в воду глядел.

Пока мы обустраивали местность вокруг ракеты для предстоящей работы, на тот свет отправилась добрая треть нашей стройкоманды. И откуда только этот Брэдбери взял, что на Марсе сносные для жизни условия? Нет, ребята, я вам так скажу: все писатели — фантазеры, и ни одной книжке верить не надо...

Самым паршивым в нашем положении было то, что мы даже отдохнуть не могли по-настоящему. Еще в самом начале нашей трудовой деятельности Прораб поставил этот вопрос на голосование общественности. И все, естественно, проголосовали за двухчасовой рабочий день, за три выходных в неделю и прочие поблажки. Не враги же мы самим себе, чтобы вкалывать без отдыха и выходных!..

Прораб пожал плечами и прокомментировал наше решение в том духе, что общественность может голосовать за что угодно, но с такими темпами в установленный срок мы нипочем не управимся. Его дружно осмеяли.

Что тут делать целой сотне здоровых мужиков, пусть даже не соображающих ни бельмеса в строительных делах, на протяжении пяти лет?

Да мы эти несчастные вигвамы для будущих марсиан за год сшабашим!

Но вскоре от обморожений, разных производственных травм и от ран, полученных в ходе внутренних разборок, которые, несмотря на старания Прораба, все же случались (особенно на первых порах), наши ряды стали редеть.

И неожиданно обнаружилось, что с каждым новым покойником темп работ, который мы поначалу взяли очень даже бодро, все больше замедляется. За первые два года мы сумели только возвести воздушный купол диаметром в километр и высотой в пятьдесят метров, да установки микроклимата собрать и отладить так, чтобы даже в самые лютые морозы под куполом поддерживалась комнатная температура.

Зато насчет посылок в контейнерах Прораб не соврал. Каждую ночь в окрестностях стройплощадки падал со звездного неба контейнер, похожий на миниатюрную ракетку, и в нем содержались брикеты пищевых концентратов, медикаменты, белье, бытовые принадлежности. Причем в расчете на количество наличных голов.

Здоровенный негр по кличке Бегемот однажды решил поэкспериментировать и всю очередную смену просачковал, посиживая в сторонке на пустых ящиках. Прораб посматривал на него искоса, но с воспитательными беседами не приставал. А на следующий день в контейнере обнаружилось на одну порцию концентрата меньше, чем следовало.

Бегемот попытался решить проблему при помощи мускулов и отобрал брикет у тщедушного парня по имени Нэгл, приговоренного к «вышке» за неоднократные изнасилования старушек. В этой, казалось бы, тупиковой ситуации Прораб поступил очень просто. Когда Бегемот наотрез отказался вернуть Нэглу концентрат, наш «строительный пахан»,

как мы его звали, повернулся и пошел в ракету, предварительно объявив во всеуслышание, что сегодня никакой работы не будет.

Не будет — так не будет, пожали плечами мы. Подумаешь, напугал ежа голой задницей!.. Мы разбрелись кто куда и весь день балдели кто как мог.

Однако на следующий день мы остались без еды уже в полном составе, потому что контейнера вообще не получили!

Большинство сделали правильный вывод из преподнесенного нам урока. В тот же день Бегемот — под угрозой быть изгнанным без комбеза в безвоздушное пространство за пределы купола — дал слово, что никогда больше не будет обижать товарищей по работе. Ни больших, ни маленьких. Он даже прощения попросил. Трижды. Сначала — у Нэгла, потом — у Прораба, а в заключение — у всей бригады. Представляете, до чего нас Прораб и Марс довели? Серийный убийца, который прославился на весь мир тем, что вырывал у своих жертв (иногда еще живых) печень и пожирал ее, который на суде только усмехался, слушая, как прокурор перечисляет его подвиги, просит прощения у таких же, как он, отщепенцев за то, что сожрал не свою пайку!..

Зато отныне Прораб беспрепятственно инспектировал в конце каждой рабочей смены наши неумелые, скособоченные сооружения, похожие больше на детские постройки, чем на дело рук взрослых мужиков, вздыхал грустно и горестно качал головой. Потом строил нас, едва державшихся на ногах, в одну шеренгу и шел вдоль строя, вглядываясь в наши лица.

Мы не протестовали — знали, что от этого зависит количество порций пищевых концентратов, которые нам доставят ночью в очередной мини-ракете.

Еда эта была не деликатесной и росту жировых складок на теле не способствовала. Но, видно, содержались в концентратах какие-то энергетические добавки, потому что, умяв на завтрак свои брикеты, пахали мы почти без перерыва весь день, как роботы, чтобы рухнуть без сил как раз к сигналу окончания работы.

Со временем мы разбили оранжереи и теплицы, где посадили всякую всячину, начиная от пшеницы и картофеля и кончая зеленью. И опять не кто иной, как Прораб, сделал вывод, что пора бы нам перестать зависеть от подачек с орбиты. Мол, у них там, в штабе, запасы тоже не вечные, к тому же переход на самообеспечение был предусмотрен проектом.

И опять он оказался прав.

В один прекрасный день — у нас как раз тогда первый урожай поспел — доставка контейнеров прекратилась. И больше уже не возобно-

вилась. Пришлось нам всем в вегетарианцев превращаться. Хорошо еще, что в числе семян была соя: из нее можно было, если постараться, изготовить нечто вроде мяса. Да и число едоков резко уменьшилось — всего сорок человек нас осталось.

К тому времени Прораб как-то незаметно настоящим паханом для нас стал, хотя он не только руководил нами, но и сам пахал как проклятый — так, что от его былого животика только складки кожи остались. Первое время мы частенько пререкались с ним по любому поводу. А потом поняли: правда почему-то всегда за ним остается. Что в отношении строительных работ, что вообще по жизни...

И если хочешь вернуться на Землю живым и относительно здоровым — надо во всем его слушаться.

Что мы и делали.

О том, что мы когда-то были преступниками, убийцами, что за каждым из нас, как тень, кровавый след по Земле тянется, мы постепенно стали забывать, а если и вспоминали иногда, то как какой-то кошмарный сон. Работа по десять часов в день высасывала из нас все соки, и на всякие глупости сил уже не оставалось. Какие там карты после ужина, какие наркотики, какие драки?!.. Успеть бы помыться кое-как, добрести до постели да забыться тяжелым сном.

И вот пять лет истекли, а конца строительству еще не видно.

Приуныли мы, а Прораб нам говорит: «Ребята, а вы контракты свои внимательно читали?»

Ну, читали, и что дальше?

А то, говорит он, что в контрактах ваших указано: пять лет. А каких — земных или марсианских — сказано?

А мы и знать не знали, что какая-то разница есть.

Эх вы, говорит Прораб. Небось, в школе по астрономии у вас одни двойки были. Марсианский-то год двум земным равен.

Ну, тут мы вскинулись, забурлили.

Это что же получается — обвели нас вокруг пальца, как лохов? И нам еще, значит, пять лет корячиться?

Выходит, так, подвел черту Прораб. Тем более что работы еще — непочатый край.

Ну, покуролесили мы, поорали, злость свою выплеснули кто как сумел, да и опять за работу взялись.

Тем более что работать под куполом стало одно удовольствие, не то что под открытым небом. И морозы уже не страшны, и тяжелый скафандр не надо на себе таскать. Оказалось, что втянулись мы в этот нечеловеческий темп и даже во вкус вошли.

И вот ведь какое дело прояснилось.

Никому из нас на Земле за всю жизнь не довелось ничего строить. Наоборот, своими поступками мы постоянно что-то разрушали: замки, двери, чужое имущество, семейное благополучие, счастье и жизни других людей... А тут нам впервые пришлось создавать. И, в принципе, для тех самых людей, которым мы всю свою жизнь пакостили.

И почему-то это так на нас повлияло, что мы и сами изменились коренным образом. Строя этот поселок, мы одновременно ломали свое никчемное прошлое и закладывали фундамент для чего-то нового. Даже свои клички, от которых несло вонью тюремной параши, мы все больше стали заменять нормальными именами. Человеческими именами, которые обычно даются при рождении.

Получается, что все мы как бы заново родились на Марсе.

Вот только Прораб так и оставался для нас Прорабом.

Ну, вот и все.

Я окинул прощальным взглядом скудный интерьер домика. Кровать-лежак, стол, шкафы – здесь все было сделано моими руками.

Да что там говорить! Это был мой дом, и покидать его было все равно, что расставаться с родным человеком.

На вторые пять лет, когда коттеджики стали расти под воздушным куполом, как грибы, один за другим, мы всей бригадой перебрались из старой, проржавевшей ракеты в поселок. Так было, во-первых, удобнее – не надо каждый день терять время на перемещения туда-сюда, а во-вторых, приятно. Ведь в душе-то каждому из нас хотелось хоть на время ощутить себя хозяином *своего* дома. И, кстати, мы не поселились все вместе или по нескольку человек. Каждый выбрал себе отдельный коттедж. Видимо, проведя на Земле немало времени в камерах-одиночках, мы не только привыкли, но и стали стремиться к одиночеству...

Интересно, а что со всей этой неуклюжей, но сделанной на совесть утварью будут делать новые хозяева? Поймут ли они, каких трудов мне, бывшему киллеру, стоило изготовить ее? Будут ли пользоваться этими вещами или пустят их на дрова для камина (который я тоже, кстати, сложил своими руками, пользуясь скудными указаниями Прораба)?

Что ж, дело хозяйское. Пусть распоряжаются всем этим как хотят. Меня все равно уже здесь не будет.

Я поднял с пола тяжелую сумку с инструментами и, шагнув через порог, аккуратно прикрыл за собой дверь.

Я шел по улице поселка, ревностно оглядывая коттеджи, которые построили другие. Глаз у меня уже был наметан, и теперь я замечал огрехи и недостатки, на которые десять лет назад просто не обратил

бы внимания. Вот тут кто-то недокрасил крыльцо, а вон там, в соседнем домике, едва заметно увело в сторону один угол — видимо, при заливке фундамента в свое время не проверили откосом...

Но это все ерунда, главное — что люди, которые вскоре прилетят сюда, смогут жить хотя бы в таком уюте, а не под открытым звездным небом. Главное — что им не придется начинать с нуля, потому что мы подготовили для них плацдарм, с которого начнется завоевание и покорение Марса.

Так куда же все подевались, черт подери?

Может, уже отмечают окончание работ? Но тогда почему никто меня не позвал? Ну, если так, я им покажу!.. Как любит говаривать Прораб, как дам по шее зонтиком!.. Будут знать, как забывать товарищей!..

Домики стояли более-менее стройными шеренгами, как вольнонаемные на вечерней поверке. Всего в поселке их было четыре ряда — два по одну сторону «центрального проспекта», два — по другую. В поперечном направлении тянулись аккуратные проулочки — для того, чтобы в будущем, когда на Марсе появятся транспортные средства, к любому дому можно было подъехать на машине.

В одном из переулков я и увидел толпу наших. Все шестнадцать человек были тут.

Гордон Портер, бывший Бегемот. Нэгл Сентебов, бывший Обмылок. Папаша Глаубер, единственный, кто не открыл народу свое настоящее имя. Зафар Хайдакин, которого почему-то раньше звали Черный Хрен, хотя эта кличка больше подошла бы негру Гордону. Крус Эдвабник, когда-то откликавшийся только на прозвище Гоблин. Радомир Панкрухин, бывший Чмут. И другие, каждого из которых я теперь знаю лучше, чем самого себя...

Только от того, что я увидел, у меня все внутри похолодело.

Ребята не пили самодельное вино из ягод, выращенных в оранжереях. Они не горланили песни от восторга и радости. Они вовсе не праздновали завершение работы.

Сомкнувшись тесным кругом, они сосредоточенно пинали ногами что-то темное, свернувшееся клубком на горячем оранжевом песке. Лица их были угрюмыми и озлобленными. Давненько я не видел мужиков такими.

Самое страшное было в том, что они трудились молча, не издавая ни звука. Видно было, что они не остановятся, пока клубок под их ногами не перестанет шевелиться.

Мысли в голове сразу куда-то пропали, и, бросив сумку на землю, я кинулся к месту избиения.

И уже на бегу понял, что... вернее, кого они пинают.

Это был наш Прораб.

Это он валялся в пыли, скрючившись в три погибели, истекая кровью, которая текла с разбитого лица, и тщетно стараясь уберечь от ударов лысую голову, живот и пах.

– Стойте! Вы что – с ума сошли?! Да перестаньте же, мужики! – крикнул я.

Мужики молча оглянулись на меня, но никто из них не прекратил пинать Прораба.

Мне пришлось растолкать ребят в разные стороны, чтобы они опомнились и прекратили зверствовать.

– Что случилось? – задыхаясь, спросил я. – За что вы его?

– Да его убить мало! – вскинулся Зафар, сверкая своими раскосыми глазками. – Ты знаешь, что он нам сказал?!

– Что?

– Что никто за нами не прилетит! – выпалил Нэгл. – И что это заранее было предусмотрено – оставить нас на Марсе навсегда!

Внутри меня что-то оборвалось и рухнуло в бездонную пропасть.

– Как это – оставить? – непонимающе повторил я. – Зачем?

– А за тем, что мы на хрен никому на Земле не нужны! – рявкнул Бегемот. – Ты что, Ударник, не врубаешься? На кой им тратить деньги, чтобы вывозить с Марса ту кучку дерьма, которой они нас считают?!

Это утверждение звучало как смертный приговор, но в нем был определенный резон.

Мужики вокруг что-то возбужденно тарахтели вразнобой, их словно прорвало, и энергия, не растраченная на удары и пинки, уходила в слова – но я их не слышал.

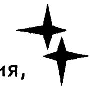
Словно тяжелая ватная пелена опустилась на меня, отрезав от всего остального мира и оставив наедине с человеком, который одной фразой перечеркнул все наши мечты и надежды.

– Прораб, – позвал я его, не слыша своего голоса, – а почему ты нам раньше не сказал?

Он наконец сумел сесть, скривившись от боли. Потом поднял ко мне свое изуродованное ударами лицо. Как ни странно, но в глазах его, превратившихся в узкие щелочки, не было ни вины, ни раскаяния. Впрочем, обиды и злости в этом взгляде тоже не было.

– Я хотел... – Он закашлялся и выплюнул на песок кровь и обломки зубов. – Я хотел, чтобы вы выжили, Бар. Вот и всё.

Прораб всегда отказывался называть меня по кличке. Как и остальных, но меня – особенно. «У нас, строителей, – ворчал он, – ударни-

ком совсем за другое называют. Не дорос ты еще до этого звания, Бар».

– Выжили? – повторил я. – Но для чего? Чтобы оставаться в этой пустыне до самой смерти?

– Ты ошибаешься, Бар, – качнул лысой головой он. – Теперь это уже не пустыня. Благодаря вам Марс никогда уже не будет прежней пустыней. Ведь пустыня там, где нет людей. А теперь здесь есть вы, и вы – молодцы. Вы сами создали себе условия для жизни, а этим может похвастаться не каждый из тех, что называют себя людьми.

– Но ведь этого недостаточно, – сказал я. – Чтобы жить, человеку нужен не только воздух, вода, пища и дом. Ему нужно иметь семью, детей, людей вокруг себя...

– Ты забыл самое главное, Бар, – вновь скривился Прораб не то от боли, не то от несогласия со мной. – Чтобы жить, человеку прежде всего нужна цель. И вы можете и должны жить, потому что перед вами стоит очень большая цель. Превратить Марс из мертвой планеты в мир, где смогут жить люди. Конечно, вам одним не справиться с этой задачей, но вы должны сделать хотя бы то немногое, на что способны. А люди... – Он вдруг опустил на щелочки глаз набрякшие веки, словно прислушивался к чему-то внутри себя. – Рано или поздно люди еще придут к вам. Только неизвестно, будет ли вам от этого лучше...

Внутри меня постепенно поднималось темной волной отчаяние. То, что говорил Прораб, было красиво, но легче от этого мне не становилось.

– Ты с самого начала знал, что мы обречены остаться здесь навсегда?

– Знал.

– Значит, ты врал нам целых десять лет, – сказал я.

– Да, – согласился Прораб. – Тут я перед вами виноват, ребята.

– А твои глаза-телеобъективы? А контейнеры, которые нам спускали с орбиты? Про них ты тоже соврал, да?

– Конечно, – усмехнулся он. Вернее, попытался усмехнуться превращенными в лепешку губами. – Шрам на лысине – это у меня с молодости отметина. Кирпич из кладки вывалился, а я без каски был... Никто за нами не следил – ни с орбиты, ни с Земли. Потому что мы с самого начала были отрезанным ломтем. Басню про глаза и летающий штаб я еще на Земле заготовил. Попросил руководство проекта, чтобы весь запас пищи спрятали в ракете в потайном отсеке и чтобы установили там катапульту. Закладка пайков в контейнер выполнялась автоматами, мне достаточно было ввести количество порций на дистанционном пульте управления...

– Зачем? – спросил я. И тут же увидел ответ на свой вопрос. – Чтобы взять власть в свои руки? Чтобы мы слушались и повиновались тебе, да? Ты хотел сделать из нас своих рабов, не так ли?

Прораб опустил глаза, а когда поднял их вновь, взгляд его стал стеклянным от выступивших слез.

– Эх, ты, – с укоризной сказал он. – Я-то думал, ты все поймешь... А ты... – Он всхлипнул и отвернулся.

Да нет, тут он ошибался. Наоборот, теперь я все понял.

С внезапной четкостью я разглядел каждую деталь, каждый винтик той мышеловки, в которую нас заманили десять лет назад.

Да, человечеству требовался Марс. Но не как новое место жительства, а как сырьевой придаток, где можно было бы добывать всякие полезные ископаемые. Как гигантская свалка, куда можно было бы эвакуировать с Земли радиоактивные отходы. Как полигон для испытания новых видов оружия массового уничтожения. Да мало ли для чего еще в том же духе?

Однако, чтобы реализовать эти планы, нужна была хотя бы минимальная база – *фундамент*, на языке строителей. Кто-то должен был жить и работать здесь – и на роль переселенцев выбрали тех, от кого человечество давным-давно избавилось бы, если бы не всеобщее вето на смертную казнь. Тех, кого обычно не считают за людей. Опасных преступников, отребье, всякую шваль... Неудивительно, что какая-то сообразительная сволочь смекнула: такой вариант освоения Красной планеты – самый дешевый, а значит, и целесообразный.

Нас использовали так же, как во время Второй мировой войны использовали штрафников – говорят, были такие подразделения, целиком составленные из бывших заключенных. Человечеству нужен был плацдарм на Марсе – и наш штрафной батальон бросили закрепиться на пятачке диаметром в километр и удержать его до подхода основных сил. Мы не знали, не должны были знать, что никакие основные силы к нам не подойдут. Что потом, когда мы все погибнем, нас заменят другими осужденными на жизнь за решеткой. Недостатка в кандидатах не будет, если вселить в обреченных и изуверившихся надежду на избавление от пожизненных мук.

И даже если когда-нибудь не найдется больше идиотов, готовых добровольно отправиться на чужую планету, то можно будет высылать их на Марс с Земли принудительно. Наручники – на руки и на ноги, кляп – в глотку, укол какой-нибудь снотворной пакости – в вену, и порядок! Главное – доставить ссыльных на космодром и погрузить в ракету...

С приговоренными к высшей мере можно не церемониться. Их

можно обманывать, их можно посылать на верную смерть, потому что они все равно обречены на медленную гибель в тюремных камерах. Бесполезный балласт для общества. Корми их, понимаешь, пои, одевай — а от них взамен никакой отдачи? Так пусть эта обуза человечества послужит на благо Земле! Хоть что-то сделают — и то, глядишь, польза выйдет. А вот обратного пути им не будет. Даже если отдельные ухитрятся выжить.

Но главное — чтобы они ни на минуту не усомнились в том, что насквозь лживый, фальшивый контракт, который с ними заключили, будет выполнен. Иначе не оправдаются затраты средств, вложенных в их отправку на Марс.

И тогда организаторы этого гнусного проекта решили, что вместе с зеками нужно отправить человека, который до самого конца поддерживал бы в мерзавцах веру в возвращение. Кто каждый день заманивал бы их на стройплощадку словами: «Хотите вернуться на Землю, ребятки? Тогда вперед, на работу!»

И этим человеком был Прораб.

Я перевел взгляд на неуклюжую фигуру, скорчившуюся у моих ног.

— Да что ты с ним разговариваешь?!.. Убей его, Ударник! — донеслись до меня сквозь пелену чьи-то знакомые голоса. — Ты же это умеешь! Прикончи гада!.. Он заслужил это!..

Черная волна наконец накрыла меня с головой.

И зачем только они вспомнили мою кличку, от которой я успел отвыкнуть, зачем?!..

Правая рука вдруг стала тяжелой, словно в ней опять оказалась кувалда, которой я еще недавно пытался забить непослушный гвоздь.

Всего один удар — и я накажу Прораба за его ложь. Высшей мерой наказания. Ведь люди — не гвозди. Им хватает и одного удара.

Но откуда-то издалека я вдруг услышал хрипловатый голос:

«Ты больше ни на кого руку не поднимай, ладно? На Марсе нельзя убивать».

И еще какая-то неясная мысль неустанно царапала мой мозг.

И когда я осознал ее, то, стиснув зубы, спросил в наступившей тишине:

— Послушайте, мужики, ни у кого случайно не осталось лишнего гвоздя-трехдюймовки?

— А зачем тебе гвоздь? — обалдело спросил Зафар. — Ты что, разучился голым кулаком мокрушничать?

— Разучился, — кивнул я. — А гвоздь мне надо забить в крышу дома.

— Какого еще дома? — удивился Крус, растерянно косясь на остальных.

Я мотнул головой в том направлении, откуда пришел.

– Вон того, – сказал я. – Моего дома. Ты же знаешь, где мой дом, Крус.

Потом повернулся к Бегемоту.

– Скажи-ка, Гордон, – попросил я, прикрывая глаза от слепящего солнца козырьком строительной каски, – а что ты собирался делать на Земле?

– Как это – что? – растерялся негр. – Жить, конечно!

– Ну, это и козе понятно, – усмехнулся я. – А конкретнее?

– Что ты ко мне прицепился? – угрюмо пробурчал Гордон. – Я – как все...

– Вот именно, – сказал я. – Как все. А я тебе скажу, что вы все будете там делать. И ты, Гордон. И ты, Зафар. И ты, Нэгл. И все остальные... Сначала вы будете балдеть и ловить кайф. Жрать от пуза, лакать водку и пиво. Одноразовых девок или баб трахать. По кабакам из города в город шляться. Но однажды у вас кончатся бабки, и вам придется искать работу. Но везде, куда вы ни сунетесь, вас будут бортовать: где – вежливо, а где – грубо, как и положено обращаться с бывшим зеком. И когда вы окончательно дойдете до ручки, то у вас останется выбор: или вспомнить свои прежние промыслы, или окончательно опуститься... Так ответьте мне: вы хотите этого? Устраивает вас такая жизнь? Не лучше ли всем нам начать другую?

– Я не понял, – пробасил тугодум Панкрухин. – При чем здесь наша жизнь, Ударник? Ты лучше вот что скажи: Прораба-то нам стоит забивать или как?

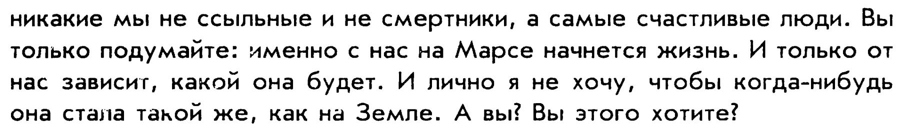
– Конечно, стоит, – с серьезным лицом сказал я. – Это же он виноват во всем. В том, что добровольно отправился на другую планету с убийцами и ворами. И чего ему не сиделось дома, а? Жил бы как все, строил бы до самой пенсии один объект за другим, а то понесло его куда-то за миллионы километров – спасать от неминуемой смерти какой-то тюремный сброд, отрыжку общества! Зная, что ни для него, ни для них обратного пути на Землю никогда не будет. Зная, что, возможно, не сумеет никого спасти – по той простой причине, что они окажутся недальновидными болванами или неблагодарными скотами... Разве не заслуживает такой тип, чтобы мы его казнили, мужики?

Ребята молчали. Но не враждебно, а, скорее, пристыженно.

Вот и хорошо. Значит, десятилетние усилия Прораба сделать из нас людей не оказались напрасными.

А то я уж было испугался – и за них, и за себя.

– И вот еще что. Если мы не нужны Земле, то и нам больше не нужна Земля, – твердо сказал я, обводя взглядом своих товарищей. – И

никакие мы не ссыльные и не смертники, а самые счастливые люди. Вы только подумайте: именно с нас на Марсе начнется жизнь. И только от нас зависит, какой она будет. И лично я не хочу, чтобы когда-нибудь она стала такой же, как на Земле. А вы? Вы этого хотите?

Они опять не ответили мне. Но не потому, что не знали, как ответить. Просто стеснялись высоких слов, вот и все. Я-то их знаю.

Потом Папаша Глаубер звучно сморкнулся и как ни в чем не бывало сказал:

– Гвозди у меня есть, Бар. Сколько хочешь, приходи в любое время...

А бывший Гоблин вдруг стукнул себя по морщинистому лбу:

– Что ж я тут торчу-то, мужики? У меня ж там первач цедится!.. Настоящий, 40-градусный, из бурака!..

Через несколько секунд всю толпу будто ветром сдуло.

Я наклонился и подал Прорабу руку, помогая ему подняться на ноги.

Спросил, стараясь, чтобы голос мой звучал так, будто ничего не произошло:

– Ты уже решил, *что* мы будем строить дальше?

Анджей Бодун

СВЯТАЯ СОВА

Польский сочинитель с забавным именем Анджей Бодун писал на английском языке. Он был беженцем, жил в Соединенных Штатах, а в творчестве склонялся к мистике, переходящей в современную мифологию. О самом писателе известно очень немногое, англоязычных публикаций у него совсем мало, тем ценнее находка интернет-журнала «Русский удод», который несколько лет назад и открыл этого автора для отечественного читателя... Рассказу «Святая Сова», публикуемому ниже, вероятно, позавидовал бы даже Пелевин. Правда, в момент написания этого рассказа Виктор Олегович еще под стол пешком ходил.

Это была одна из наиболее странных историй в моей жизни. Я до сих пор так и не понял до конца ее смысла и значения и время от времени вспоминаю нечто такое, от чего мне становится весьма неприятно. Есть вещи, существование которых вызывает лишь чувство холодного ужаса или, что более верно, какой-то иррациональной тайны и неуютности окружающего мира. Мне кажется, эту историю стоит рассказать, она не так уж скучна.

Летом 1939 года я неожиданно встретил в коридорах Ягеллонского университета в Кракове доктора филологии пана Пясецкого, который, как обычно, шел в неизвестном направлении, размахивая руками и бормоча что-то невнятное. Надо сказать, доктор Пясецкий был мой старый знакомый. Я очень давно его не видел: с некоторых пор я бросил работу в университете и теперь служил военным переводчиком генерального штаба на советской границе. Я даже обрадовался, когда увидел старика доктора, с которым, впрочем, у меня никогда не было взаимо-

---

«The Holy Owl» by Andrzej Bodun

понимания. Однако я его уважал. В начале 30-х мне не дали защитить диссертацию о Достоевском, обвинив в антипатриотизме. Нашлась целая куча подголосков санационного режима, и все они в один голос заявляли, что молодой филолог Бодун если и не русский шпион, то уж точно тайный агент Третьего интернационала и почему-то одновременно бывшего великого князя Николая. А пан Пясецкий, который никогда не пылал любовью к русской литературе и обзывал всех нас, русистов, «москалями», неожиданно встал на мою защиту, доказывая, что вполне в духе польской вольности дать молодому человеку сказать свое слово. Мне это польстило, хотя положения и не спасло. Я проникся уважением к пану Пясецкому. Мне он напоминал школяра XVII века, какого-то польского ваганта. Ничего, кроме своей науки, он знать не хотел. Нас, молодых ученых, он мог часами утомлять рассказами о своих совершенно невероятных изысканиях в области фольклористики. Мы называли это «мессой Пясецкого», но, в общем, мирились как с неизбежным злом.

Так вот, к 1939 году меня настолько замучила ностальгия по моему Ягеллонскому университету, что я готов был выслушать от пана Пясецкого любую чушь. Как мне показалось, старый доктор плелся по коридору именно для того, чтобы поймать кого-нибудь и долго пытать своими фантастическими концепциями. По пути ему попался я, он тут же меня узнал и, не отвлекаясь на расспросы о жизни и здоровье, сразу огорошил меня очень странным вопросом:

– Послушайте, капитан Бодун, вы верите в Святую Сову?

– В кого? – удивился я.

– В Святую Сову. А я думал, что ваши москали что-нибудь об этом писали. Например, Тургенев. Или Толстой.

Я признался в полной несостоятельности русской литературы по этому вопросу, и пан Пясецкий потащил меня в кофейню пить кофе и слушать его лекцию про какую-то Святую Сову. Я не сопротивлялся. Это был кусок прежней жизни, этакая картинка заката санационного режима, и я дорого бы за него дал. У меня было смутное ощущение, что это происходит в последний раз. День был солнечный, и липы цвели точно так же, как в 1932-м.

Как только губы пана Пясецкого в первый раз оторвались от чашечки кофе, началась лекция о Святой Сове.

– Вы знаете, пан капитан, что я занимаюсь фольклористикой и мифами. Именно это, по моему мнению, вызывает наибольший интерес и более всего полезно в нашей дурацкой жизни.

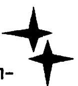
Знаете ли, иногда я просто поражаюсь, какие странные вещи можно обнаружить в старых книгах. Еще в 1930-м сидел я как-то в библио-

теке и неожиданно прочитал одну историю, на которую тогда особого внимания не обратил. Это были записки патера Фердинандо Иглесиаса, испанского священника, который в 1530 году прибыл в местечко Веракрус на восточном побережье Мексики. Сейчас это большой город, порт и вообще... (пан Пясецкий отхлебнул кофе). Одним словом, центр прогресса и современной науки, там даже торгуют кокаином. А четыреста лет назад там жил всяческий сброд из Испании, которому, по мнению римской курии, необходимо было, так сказать, духовное окормление. Короче, патер Фердинандо приехал туда, чтобы спасать этих пьяниц и развратников от грядущего ада. Однако уже через несколько месяцев он понял, что вся эта компания давно обречена, Господь, так сказать, не предписал им спастись – еретические идеи, мой друг, уже тогда были популярны, хотя о Кальвине ничего еще слышно не было, – и решил снискать славу на тернистом пути миссионерства. Вокруг жили какие-то племена – видимо, ацтеки, которых наш патер упорно называет грязными язычниками. Он быстро свел с ними знакомство, к тому же ему были известны разные нехитрые приемы тогдашнего врачебного искусства, ну и местные жители решили, что он... того... шаман, знахарь, колдун – словом, в высшей степени полезный человек. Следующие несколько лет патеру пришлось попросту пастись среди этих грязных язычников, и, в общем, он то ли поглупел, то ли проникся древней мудростью ацтеков, но в конце концов начал писать невероятно запутанные и странные записки. Их издали в конце XVI века тиражом, быть может, в два десятка экземпляров, и только наш благочестивый польский католицизм спас один из них от неминуемой гибели во время всяких реформаций, революций и войн. А дальше в Веракрусе случилось вот что.

Через какое-то время патер вошел в доверие у своих любимых язычников. Ему просто в рот смотрели. И тут он решил обратить всех в истинную веру. Однако туземцы восприняли первые же его проповеди крайне враждебно, а некто вроде вождя общины сказал патеру, что этим байкам они не верят, так как у них есть свое великое божество – Святая Сова.

В этот момент пан Пясецкий многозначительно кашлянул и огляделся вокруг.

– Никто не знает и не узнает, как они сами называли это божество, но отец Фердинандо именно так называет объект своих теологических изысканий, и дальше вы увидите, что это оч-ч-чень характерно. Как ни пытался он наставить их на путь истинный, они только посмеивались и говорили, что сильнее и ужаснее этой самой Святой Совы ничего на свете нет. Патер Фердинандо был потрясен. Он стал напрашиваться в

поход в великое святилище Совы, про которое все они без устали толковали. Вождь долго сопротивлялся, но все же потом туземцы созвали большой совет всех отцов семейств и решили-таки отвести доброго бледнолицего в святилище. С этой минуты начался процесс подготовки к походу. Подготовка состояла в том, что патера усиленно пугали и изо всех сил отговаривали. Но своей затеи он не оставил. Он просто предвкушал, что увидит какого-нибудь обычного деревянного или каменного божка, свалит его с пьедестала и после этого доставит римской церкви множество новых чад. Но все оказалось очень непросто.

Недалеко от Веракруса находится вулкан Орисаба, тогда он был еще действующим. Над ним постоянно курился дым, и чувства эта ужасная гора на горизонте вызывала самые неприятные. Вот туда-то и отправились духовные вожди племени вместе с сеньором Иглесиасом. Путь их занял два дня. В ту сторону мало кто из испанцев осмеливался ходить, и географические подробности местности были известны, быть может, лишь местному алькальду, который, впрочем, тоже был страшный трус.

По мере продвижения экспедиции окрестности принимали все более зловещие очертания. Вокруг росли уродливые колючие растения, трава вскоре полностью исчезла. Тут-то и произошло первое страшное событие. Когда вулкан был уже близко, вожди вдруг остановились. Они сели на траву полукругом и стали петь какие-то заунывные песни. С ужасом отметил патер Фердинандо, что после этого кусок скалы, стоявшей прямо у них на пути, с грохотом отвалился. Вожди встали и пригласили сеньора Иглесиаса идти с ними. За скалой был такой же заунывный пейзаж с кактусами и камнями, и лишь одна вещь страшно напугала нашего героя: никакого вулкана больше видно не было. Вокруг простирались каменно-колючие пустыни. Патер спросил у вождя общины, куда делся вулкан, но тот дал какое-то совершенно невнятное объяснение. Иглесиас даже не смог это объяснение запомнить.

Через несколько часов путники оказались на окраине гигантской впадины в земле. Она была шириной в несколько миль и абсолютно круглой формы. Вожди начали по тропинке, известной им одним, спускаться вниз. Этот спуск занял очень много времени, но в конце концов их усилия были вознаграждены. Люди очутились в развалинах древнего города. Вокруг стояли двух– и трехэтажные дома, а улицы прямыми радиусами расходились от центра. Радиусы пересекались улицами-окружностями, так что город был разбит на большое количество геометрически правильных секторов. Казалось, жизнь здесь прекратилась совсем недавно. Развалины вовсе не были ветхими, просто их слегка припорошило пылью и песком. Улицы заросли травой. Но сами архитектурные

сооружения сохранились очень хорошо. Было ясно, что город построили очень высокоразвитые, как теперь сказали бы, люди.

Патер Фердинандо спросил, что это за город. И вождь общины ответил:

– Это славный город Кегоночитлан, мудрость которого была столь велика, что он провалился под землю от ее тяжести.

Странными показались патеру Фердинандо эти слова и очень загадочными. К тому же, как написал сеньор Иглесиас, над всем этим местом висел столь неповторимый и явственный запах смерти, что в душе его поселился необъяснимый ужас. Заметили это и вожди. Один из них сказал:

– Теперь мы покажем тебе, что хранится в подземельях Кегоночитлана.

И с этими словами они спустились в подвал одного из домов. Дальнейшее, по словам Иглесиаса, не поддается никакому описанию на любом доступном разумению человеческом языке. Это были подземелья, сплошь уставленные каменными стеллажами. На этих стеллажах стояли тонкие золотые пластинки, густо исписанные совершенно непонятными буквами.

– Это и есть мудрость Кегоночитлана, – сказал вождь общины. – Ее так много, что город не выдержал тяжести собственных познаний.

Собственно говоря, это лишь то, что Иглесиас смог описать, но там была еще целая куча разных вещей, которые ему описать не удалось.

Вот что узнал сеньор Иглесиас потом. Давным-давно здесь стоял великий город, жители которого были почти богами. Они могли всё – летать по воздуху, воскрешать мертвых, уничтожать на расстоянии целые армии врагов, пролагать сухопутные тропы сквозь океан и много чего еще. Но настал день, когда один из величайших мудрецов создал некое существо, которое обладало значительно более сильными умственными способностями, нежели человек. Оно могло предсказывать будущее и изменять его в соответствии с собственными желаниями и мыслями. Это существо великий мудрец поместил в специальный храм, куда все приходили в один из дней каждого месяца, вместе загадывали желания и затем вырабатывали общую мысль, которую предлагали обдумать этому странному существу. Иногда существо отказывалось исполнять заказанное и поступало так, как считало нужным. Естественно, это привело народ Кегоночитлана в полное смятение. Не все необходимые победы теперь достигались, и жители города ощутили себя зависимыми от этого существа. Но избавиться от него оказалось не так просто. Великий мудрец, создатель страшного оракула, к тому времени уже умер. Никто не смог придумать ничего путного для того, чтобы от-

делаться от жуткой нечеловеческой силы. Люди продолжали жить, как было заведено в городе, – они записывали свои знания на золотых табличках, которые складывали в подземелье. Но с момента воцарения в главном храме ужасного оракула жизнь стала совершенно другой. Теперь человек перестал чувствовать себя свободным: любая его мысль могла быть вычеркнута и уничтожена, если того не желало странное существо. Золотые таблички продолжали накапливаться в подземельях, но теперь их понимали уже далеко не все. Круг интеллектуальной элиты быстро сокращался. Настал момент, когда десятки тысяч жителей осознали, что с воцарением оракула, создающего будущее по их заказу, они потеряли нечто важное в своей жизни. Все еще помнили прекрасные времена, когда каждый мог поступать совершенно свободно. Теперь же все свои действия люди вынуждены были согласовывать с оракулом. В конце концов в городе вспыхнуло восстание. Несколько тысяч человек пришли разрушить страшного идола, но были рассеяны невероятной силой, раскидавшей толпу, как море в шторм разбрасывает куски разбитого корабля. Так повторилось несколько раз. Через пять-шесть лет бесплодного сопротивления жители города признали верховную власть оракула. Но на этом оракул не успокоился. Еще оставались люди, которые пытались изучить его устройство. Они создали тайный орден и попробовали расчленить это существо на куски. После первой же попытки произошла катастрофа – город в одно мгновение опустился на несколько десятков футов под землю. От сотрясения погибло большинство населения. Вдобавок сразу после этого началось извержение вулкана, довершившее катастрофу. Нет, город не засыпало пеплом, как Помпею. Просто несколько дней повсюду стояла удушливая дымная завеса, что привело к гибели огромного количества жителей. Кое-кто все же успел бежать отсюда. Эти люди вышли из страшного каньона и на его краю дали клятву никогда больше не прикасаться к золотым пластинкам Кегоночитлана. Теперь смысл этого отречения уже утерян, но туземцы – потомки бежавших из погибшего города – строго соблюдают это правило. Основатели общины тысячу лет назад поклялись жить так, как будто ничего не произошло – нет никакого оракула, заранее определяющего их жизнь, они совершенно свободны, – и лишь некоторые странные заповеди отличают туземцев от остальных людей. Например, у них строго-настрого запрещено заниматься науками, даже самыми примитивными. Это делают только чужеземцы. Раз в год вожди кланов собираются вместе и проверяют, жив ли еще оракул – они назвали его Святой Совой из-за чрезвычайной схожести с этой птицей. Когда выясняется, что он по-прежнему существует в главном храме Кегоночитлана, удовлетворенные вожди возвращаются до-

мой и говорят, что еще год можно жить по-старому: Сова не умерла и продолжает прясть свою золотую пряжу. Они надеются, что настанет день, и идол умрет от голода, и тогда они вернутся в город и начнут воссоздавать великое царство безграничных возможностей.

Ясное дело, патер Фердинандс тут же потребовал показать ему Святую Сову. Туземцы согласились. Путники провели его в храм посреди города, где ему открылась следующая картина.

В центральной части храма на каменном насесте сидело странное волосатое существо, напоминающее сову или филина, но покрытое густой шерстью, с перепончатыми крыльями. Оно постоянно сучило ногами, и в результате этого образовывалась красно-золотая нить, медленно опускавшаяся в черную дыру под насестом. Патер подошел к самому краю этой дыры и посмотрел в глубину. Дна не было видно. Нить сползала в самые недра Земли. Вождь общины сказал, что Сова плетет нить несостоявшегося будущего, и с каждым локтем золотой пряжи в черную пропасть уходят души неродившихся людей и призраки несостоявшихся событий.

Это произвело на патера Иглесиаса самое ужасное впечатление. Он немедленно попытался, призвав на помощь всех святых, свергнуть оракула с насеста. Однако это ему не удалось. Святая Сова перестала прясть ужасную пряжу и, посмотрев на него, издала странный звук, о котором отец Фердинандо пишет, что ничего более страшного ему слышать не доводилось. Язычники при этом звуке упали на колени и простояли так довольно долго. Самое страшное состояло в том, что когда Сова вновь приступила к своей работе, нить стала значительно толще. Сам Иглесиас был столь напуган, что даже не описывает своей дороги назад.

Попав в Веракрус, он не смог удержаться от того, чтобы рассказать о своем страшном приключении испанцам. Патер-то хорошо понимал толк в таких вещах и поэтому строго-настрого запретил жителям города ходить в те места.

Но идеи прогресса и процветания уже тогда овладели жителями Веракруса. Тут же образовалась экспедиция за золотом, которой не было никакого дела до запретов Рима. Это, конечно, заслуживает отдельного рассказа. Я скажу лишь, что она увенчалась успехом. Когда патер Фердинандо увидел золотые таблички в Веракрусе, он немедленно отправился в столицу империи, где и издал эту книгу. Судя по всему, ему стало ясно, что какая-то ужасная сила вырвалась на свободу.

Видимо, с этой мыслью Иглесиас и умер. Но это еще далеко не всё.

После его возвращения Европе было некогда думать о какой-то там Святой Сове. Началась Реформация, потом в Англии убили короля. И

лишь в начале XVIII века некий Герман Хьюстон написал картину «Лейтенант Мак-Лорен демонстрирует королевскому научному обществу чучело Святой Совы». Эта картина принадлежала Лондонской галерее и указывалась в каталогах запасников до середины прошлого столетия. Затем она бесследно исчезла.

Зато все четыреста лет то тут, то там всплывали новости о приключениях табличек из Кегоночитлана. В 1868 году один английский математик нашел ключ к тайнописи их странных иероглифов. Он утверждал, что на его табличке написаны следующие слова:

ЗДЕСЬ, В РАЗРУШЕННОЙ КРЕПОСТИ, ОРАКУЛ КЕГОНОЧИТЛАНА ПЛЕТЕТ НИТЬ БЫТИЯ, ОБРЕЧЕННОГО НА СМЕРТЬ И ЗАБВЕНИЕ.

Впрочем, никто не мог ни доказать этого, ни опровергнуть. Но золотые пластинки разошлись по миру. Один из героев восстания 1863 года, некто Бенедикт Красинский, повешенный генералом Муравьевым, написал целый венок сонетов, посвященных Святой Сове. Черт его знает, откуда он взял эту тему. Из этих сонетов сохранилось лишь несколько, и если хотите, я вам их процитирую, но сейчас я не вижу в этом смысла: уж очень это слабые стихи.

А один французский инженер-механик еще при Людовике XIV прославился тем, что имел у себя в доме талисман, который мог предсказывать грядущие события. Он утверждал, что сам его сделал при помощи – заметьте! – древних записей иероглифами на какой-то золотой дощечке. Очевидцы говорят, что талисман был сделан в виде маленького филина или совы, и многочисленные гости нашего механика называли его «совой Минервы». Данные об этом сохранились лишь благодаря многочисленным протестам церкви.

В той же Франции в 1873-м в сумасшедший дом в Льеже попало несколько человек, всерьез утверждавших, что они принадлежат к обществу борцов против Святой Совы. Все эти люди вскоре умерли.

Впрочем, это лишь разрозненные факты. Они попали мне в руки совершенно случайно. Все получилось как-то само собой. Я могу еще рассказать массу вещей – например, об одном австрийском солдате, который сошел с ума после того, как ему приснилась сова, плетущая нить несостоявшейся истории, или об одной сербке, которая решила, что подобное существо живет в ее доме.

Но это еще не всё. Моя идея опирается еще на несколько библейских цитат, из которых приведу наиболее характерную: «Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион. И превратятся реки его в смолу, и прах его в серу, и будет земля его горящею смолою. Не бу-

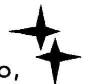
дет гаснуть ни днем, ни ночью; вечно будет восходить дым ее; будет из рода в род оставаться опустелою; во веки веков никто не пройдет по ней. И завладеют ею пеликан и еж; и филин и ворон поселятся в ней; и протянут по ней вервь разорения и отвес уничтожения».

Так говорит пророк Исайя. Это не что иное, как набор мифологических символов, и многие из них нам знакомы очень хорошо, как то: пеликан, ворон, отвес. И даже филин. А благодаря ацтекскому мифу мы теперь знаем, что такое вервь разорения — если вспомнить пряжу Святой Совы. К сожалению, я ничего не могу сказать о еже.

Так или иначе, перед нами что-то очень важное. Наверное, из глубин сознания человечества всплывает какой-то архетип, как сказал бы Карл Юнг. И только я, я один обращаю на это внимание. Видите ли, примерно полгода назад я натолкнулся на сообщение в одном журнале о том, что во время раскопок под Неаполем была найдена записка времен наполеоновских войн, наполненная разнообразной бессмыслицей на латинском языке. Кто-то упражнялся в латыни, но писал он совершенно невероятные вещи. В частности, там содержалось нечто, напоминавшее уже известную нам фразу:

В РАЗРУШЕННОЙ КРЕПОСТИ ОРАКУЛ КЕГОНО ПЛЕТЕТ НИТЬ БЫТИЯ, КОТОРОЕ ОБРЕЧЕНО НА СМЕРТЬ И ЗАБВЕНИЕ.

И все это неожиданно обрушилось на меня. Думаю, что неспроста. Года полтора назад я говорил с одним логиком из Варшавы на эту тему. Он сразу меня понял и сказал, что много лет занимается подобными вопросами, только ни разу не встречал мифологического объяснения всему этому. Ему кажется, что человечество постоянно, а в последние годы все больше и больше отсекает возможности иных путей для себя, история приобретает все более однонаправленный характер. Если тысячу лет назад, говорил он, человечество напоминало путника, стоявшего посреди огромной равнины, и он мог пойти куда угодно, то теперь нас можно сравнить в лучшем случае с заключенным, идущим по тюремному коридору. Но это в лучшем случае. Он сам считал, что мы все давно уже ходим взад-вперед по тюремной камере. Таким образом, история исчезает. Более того, истинная история теперь — это несостоявшаяся история, то, что не смогло проявиться и расцвести. Все альтернативы давно утрачены. Наше будущее — сумасшедший дом. Пан Бодун, это ужасно, ужасно... Вы даже не представляете себе, что все мы — жители могилы. Вся эта наша классическая латынь, все полеты литературной мысли, Норвид и Сенкевич, Мицкевич... Да что там Польша! Все Шекспиры и Гете — лишь осколки несостоявшейся истории! Нас

самих медленно вплетают в золотую нить, уходящую под землю, страшные крючковатые лапы Святой Совы. И поделом нам, ведь это люди ее построили...

Кофе на столике перед паном Пясецким давно остыл. Он вещал уже больше часа, на нас даже обратили внимание. Два усатых крестьянина за соседним столиком, видимо русины или гуцулы, тупо и испуганно смотрели на профессора.

Уловив их взгляды, пан Пясецкий как-то сразу засобирался домой, начал торопливо извиняться за сумбурный рассказ. Мы быстро распрощались. Я шел в свою гостиницу по липовым аллеям и переживал какое-то неприятное чувство. Вероятно, столь же неприятно было Фаусту, когда его преследовал черный пудель. Вот ведь, думал я, какие вопросы сейчас волнуют нашу научную элиту. Это какой-то знак упадка. Моя армейская жизнь показалась мне более здоровой и перспективной, я вновь порадовался своему удачному жизненному выбору. И вот тут-то я вдруг впервые в жизни почувствовал, что всему этому скоро придет конец. Что-то должно было произойти. Я неожиданно ощутил себя человеком истории, которая не состоялась. Вся наша армейская атмосфера, да что там – вся Польша с ее бесконечным маскарадом стала казаться мне каким-то Зазеркальем. Весь вечер я не мог отделаться от этого чувства. Мы пили водку, болтали о какой-то ерунде, но я думал лишь о том, что скоро все это кончится и провалится навсегда в черную пропасть, как город Кегоночитлан.

Через два месяца началась война.
Еще через две недели Польша перестала существовать.

Через три месяца после начала войны я оказался в лагере.

Варшавское восстание освободило меня из этапа заключенных. Я тут же примкнул к Армии Крайовой, впрочем, уже тогда понимая всю бессмысленность происходящего.

Все вокруг раскололось и рассыпалось. В Варшаву вошла Красная Армия. Мои соотечественники весело уничтожали друг друга, как будто никогда не было никакой Польши, где все они жили вместе и вполне мирно.

В ноябре 1945 года мой отряд должен был прикрывать отход группы польских граждан за рубеж. Это были люди, которым явно грозили большевистские лагеря. Я сопровождал колонну из телег и одного старого «катерпиллера», которая перевозила этих людей к морю, чтобы они могли переправиться в Швецию на катере. Где-то вдали стрекотали советские пулеметы: это аковцы отвлекали на себя карательный отряд НКВД.

Вдруг на одной из телег я увидел знакомую фигуру. Это был пан Пясецкий, ставший за эти годы сухощавым седым старичком. На нем был ободранный тулуп и почему-то фуражка-конфедератка – видимо, из пущего патриотизма. Он опять моментально меня узнал.

– А-а, пан Бодун! Филолог из Ягеллона! Ну, что, как вам все это? Вон они, ваши любимые культурные русские, – добивают остатки наших честных людей!

Что я мог ему ответить? Я молчал.

– Так-то, – сказал Пясецкий. – Ничего другого и быть не могло. А вы ведь, наверное, тоже рисовали якорь на стенах и ждали, что Сталин нам поможет?

Я молчал. Пан Пясецкий снова был прав.

– Что, пан Бодун, не зря я тогда вам это все рассказывал? Теперь-то вы верите в Святую Сову?

Я с трудом вспомнил довоенный рассказ пана Пясецкого, но отделался парой незначащих фраз.

Вскоре мы увидели катер на берегу моря. Вокруг сновали люди. Начиналась погрузка. Катера должны были прийти сюда несколько раз, чтобы забрать всех беженцев. На берегу столпилось огромное количество телег с лошадьми, все это напоминало развороченный бомбой цыганский табор.

Пан Пясецкий быстро погрузился в катер, попрощавшись со мной. Меня поразило, что из вещей у него был лишь небольшой саквояж. Больше мы никогда не встречались, и я ничего о нем не слышал. Я даже не знаю, чем кончился тот рейс.

Они погружались в катер, а я стоял на берегу и смотрел вдаль. Из-за лесов тянулась невероятно длинная колонна беженцев, на них падал первый ноябрьский снег. Вдруг я вспомнил про нить Святой Совы, и на мгновение мне показалось, что все эти люди вплетены в нее. Море напоминало ту самую черную дыру, куда опускалась совиная пряжа.

Навстречу мне шла несостоявшаяся история.

Мир становился все более прямолинейным.

Лапы Святой Совы плели канат, который делался все толще и толще.

Тут я и вспомнил последний вопрос пана Пясецкого:

– Теперь-то вы верите в Святую Сову?

Что я мог ответить?

Я еще раз окинул взглядом неисчислимую колонну и шепотом сказал:

– Теперь верю.

Перевод Сергея Кизюкова

Виталий Пищенко

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Когда говоришь «Пищенко», на ум сразу приходит аббревиатура ВТО МПФ. Так уж распорядилась жизнь, что имя этого новосибирского — тираспольского — московского писателя-фантаста больше известно как имя издателя, организатора литературного процесса. Вот и сейчас Виталий Иванович занимается выпуском фантастики в издательстве «Вече»... Однако было бы неверно забывать и о его собственном творчестве. Новая повесть, которую печатает «3Д», остро пародийна; автор позволил себе потревожить многих современных кумиров — В.Головачева, С.Лукьяненко, создателей «конаниады» — и сделал это очень весело. Но не тот ли это случай, когда смех — сквозь слезы?

Всем добрым знакомым
с отчаянием посвящаю...
Саша Черный

1. Меч Конана. Право неожиданности

Жалобный вопль донесся со стороны болота. Поскольку оборвался он неожиданно, на высокой ноте, было ясно, что перейти трясину кому-то не удалось. Сожрали беднягу...

Оген неспешно поднялся, долго всматривался в белесые клочья тумана, беззвучно бродящие между покрытыми жухлой травой кочками, в чахлый кустарник, невесть зачем подступавший вплотную к окнам черной, покрытой пожелтевшей ряской воды... Ветер принес острые запахи осеннего тления, но к ним примешивалось еще что-то — едкое, неприятное. Оген принюхался. Так и есть. Шишига или свистохвост. Ри-

ковая тварь: до замка владетельного барона Сигурда всего несколько верст. Правда, ленив старый барон и вряд ли без особой нужды сменит мягкое место за пиршественным столом на жесткое охотничье седло. И то сказать: слопает зверюга пару-тройку смердов – убыток невелик. Об эльфах и прочих нелюдях тем более никто беспокоиться не станет. Да и не такие они дураки, чтобы самим в пасть чудовищу лезть – на это только у людей ума хватает.

Оген вернулся к небольшому костерку, хрустко пожиравшему поленья, подбросил в него пару веток, бездумно уставился на огонь. Мысли текли вяло: дневной переход вымотал, уставшее тело требовало отдыха. Можно, конечно, самому завалить зверюгу... Вряд ли он ошибся – больно уж специфически воняло. Свистохвост или шишига. Скорее даже, свистохвост: вплетался в вопль съеденного олуха какой-то сторонний звук. Делов-то на полчаса... Вот только стоит ли шлепать по грязи? Сколько заплатит барон Сигурд за зверюгу? Два-три десятка медных фэнов. Они, конечно, тоже не лишние: в любом кабаке местного кона помогут создать необходимый шарм. Имидж опять же... А с другой стороны – времени в обрез. До завтрашнего заката нужно успеть добраться до места и завладеть мечом Конана. Звание Знатока стоит дороже дивидендов, которые можно получить, прихлопнув свистохвоста. Орки с ним. Пускай жирует и размножается. Тем более, ведьмаки утверждают, что осталось их немного – чахнут что-то, скукоживаются. Пускай его живет...

Хрустнувший под чьей-то ногой сучок заставил насторожиться. Меч беззвучно вышел из ножен, острое лезвие кроваво блеснуло в отблесках костерка.

Оген сложил пальцы в охранительном Знаке. Он знал, что в этом месте опасности быть не может: поляну накрывала аура духа Семецкого. Каждый, кто находился на ней, ощущал мудрый взгляд изваяния праведника, столетия назад вырезанного из ствола векового дуба. Но, тем не менее...

Тишина налилась угрозой, потом раздались звуки шагов. Кто-то старательно давил ногами сухие ветви, словно старался выявить свое присутствие. Темная фигура отделилась от черной стены ночного леса, за ней проявились еще несколько... Оген поудобнее перехватил рукоятку оружия.

– Я пришел с миром, – негромко, с достоинством произнес незнакомец и, сделав еще несколько шагов, приблизился к костру.

Перед Огеном стоял пожилой рыцарь. На лице его, изборожденном глубокими морщинами, лежала печаль застарелой грусти, глубоко в

глазах угнездилось затаенное отчаяние. Оружие незнакомца покоилось в ножнах. Щит, который держал в руках следовавший за рыцарем слуга — явно вывезенный из сарацинских земель, — был украшен фамильным гербом: дракон в золотом поле отбивался от нападающей на него стаи воробьев.

— Рад приветствовать вас, благородный незнакомец. — Оген склонил голову в легком поклоне и тоже убрал меч в ножны. — Ночь холодная, я предлагаю вам обогреться у костра и разделить мою скромную трапезу.

— Благодарю вас. — Рыцарь с достоинством поклонился и неожиданно спросил: — Надеюсь, вы не будете возражать, если мой слуга разожжет еще один костер, у которого смогут устроиться мои... — Он немного помялся, но все же закончил фразу: — спутники...

— Разумеется, — растерянно согласился Оген, — но, может быть, они составят нам компанию?

— Нет-нет! — быстро отозвался рыцарь и негромко вздохнул: — Глаза бы мои их не видели...

Безмолвный слуга с помощью нескольких спутников рыцаря быстро разжег на краю поляны большой костер, добавил дров и в пламя, у которого устроились его сеньор и Оген. Поляна осветилась, тьма недовольно отступила и укрылась под кронами деревьев.

Оген с удивлением рассматривал спутников своего гостя. Было их больше десятка. Двое щеголяли золотыми шпорами, несколько человек прижимали к груди разнообразные музыкальные инструменты, остальные выглядели совершеннейшими простолюдинами.

«Странная компания», — недоуменно подумал Оген, но спрашивать ничего не стал, не желая проявлять неучтивость.

А незнакомец словно уловил его мысли. Он еще раз вздохнул и поднял на Огена темные грустные глаза.

— Думается, я просто обязан поведать вам свою печальную историю, — заговорил он. — Не хотелось бы выглядеть назойливым, но...

— Я не любопытен, — сдержанно отозвался Оген, — и если рассказ, к коему вы хотите приступить, тягостен для вас, то можете с чистой совестью не терзать себя. Приношу вам искренние извинения за недоумение, которое мне, видимо, не удалось скрыть при виде ваших спутников.

— Нет-нет! — воскликнул рыцарь и, немного помолчав, повторил: — Нет-нет... Мне необходимо облегчить душу, и я буду очень признателен, если вы согласитесь выслушать меня. Но позвольте прежде задать один вопрос: нет ли у вас, благородный господин, каких-либо проблем, в разрешении которых я мог бы оказать вам помощь?

– Благодарю, – учтиво отозвался Оген, – все свои проблемы я привык разрешать сам, но признателен за проявленную вами готовность прийти на помощь незнакомому человеку.

– Слава Богу! – не скрывая радости, вскричал незнакомец, но тут же поправился: – Извините... Впрочем, я надеюсь, что вы поймете меня, услышав грустную повесть моей жизни. Сейчас мой слуга сервирует ужин, и мы сможем побеседовать за славной трапезой... Надеюсь, вы слышали о праве неожиданности?

– Разумеется, – кивнул Оген, которого несколько сбивали с толку неожиданные смены темы разговора. – Древнее рыцарское правило. Применяется оно не часто, ибо таит в себе особый смысл.

– И обоюдоострое, – назидательно произнес незнакомец, поднимая вверх руку, в которой цепко держал ножку тетерева, обильно сдобренную заморскими специями. – Впрочем, лучше начать по порядку...

Зовут меня Гуго Непобедимый. Как вы понимаете, такое имя не дается даром, но, право, у меня оно вызывает прежде всего гордость за предков. Род мой отличается древностью, благородством, искусностью на поле брани. Хвала Господу, я не стал исключением, недостойным своих пращуров. Победа простирала надо мной свои крыла и в кровавых битвах, и на благородных турнирах. Мне не исполнилось еще и тридцати лет, а соперники избегали меня, как лань – льва, как куропатки – орла. Стоило им увидеть мой гордый герб, и они мчались прочь, как от чумы. Но сердце мое жаждало подвигов! Тем более что оно оказалось во власти самой очаровательной из женщин, когда-либо рождавшихся на Земле. Моя нежная, моя возвышенная дама ждала от меня новых побед, но никто не хотел противостоять моему мечу и копью. Что оставалось делать? Я пустился в долгое странствие, поклявшись пронести славу моей прекрасной дамы по всему подлунному миру. Перед отъездом из родного замка престарелый отец дал мне свое родительское наставление.

– Сын мой, – сказал он, – поклянись, что ты не будешь брать с поверженных противников ни злато, ни серебро, ни земли, ни строения, ни даже драгоценные благовония и помаду для губ и лица. Ты не должен бросать взор на их оружие, лошадей, женщин или слуг. Лишь одним можешь воспользоваться ты – представитель славного рода, звено в длинной цепи благородных предков. Я позволяю тебе использовать право на неожиданность – столь же древнее, как и само рыцарство. Братья твои бездетны, а я стар и не доживу до времени, когда меня будет окружать толпа нежно лепечущих внуков. Так пусть же твоя доблесть наполнит смыслом мою старость. Сын мой! Поклянись, что ты исполнишь отцовскую волю.

Я преклонил колено, со слезами на глазах поцеловал морщинистую руку отца и дал клятву.

Гуго Непобедимый поднял изящно украшенный платиновыми прожилками кожаный кубок и провозгласил:

– За вас, сэр Оген! За вас и благородное рыцарство в вашем лице.

Оген благодарно склонил голову и пригубил свой кубок. Вино было хорошим.

– Первого противника я встретил верст через двести, – шумно проглотив напиток, продолжил свой рассказ сэр Гуго. – До этого все благородные дворяне, завидев меня, мужественно скрывались в лесу, в котором, по слухам, кишмя кишит нежить и нечисть, не говоря уж о разнообразных хищниках. Рыцарь же, о коем я упомянул, меня не испугался. Опершись шлемом о ствол огромного дуба, он безуспешно пытался отыскать ширинку на своем стальном панцире, сработанном неизвестным мне, но явно славным оружейником. Да и сам рыцарь был высок и статен, его благородное происхождение не вызывало сомнения. Он заявил, что я оторвал его от наиважнейшего дела, и пожелал биться боевым оружием до смерти. Я не возражал. После этого мой противник с помощью своего и моего слуги с трудом забрался на коня – для того лишь, чтобы через мгновение грохнуться на землю от удара моего славного копья. Естественно, я поставил его перед выбором: либо он получает удар милосердия, либо отдает мне то, о наличии чего в собственном доме не знает. Поразмыслив для виду, этот благородный человек избрал второй вариант. Он оказался прекрасным собеседником, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю те три дня, которые мы провели вместе, направляясь к его родовому замку, из коего он уехал месяц назад, дабы отбить у неверных Гроб Господень. О том, что его благородная жена бесплодна, он сообщил мне в первый же вечер, но это меня не особенно расстроило: имение у него было большое, а у рачительного хозяина обязательно найдется то, о существовании чего он не подозревает. Впрочем, долго искать нам не пришлось. Мой бывший противник решил прежде всего представить меня своей супруге и потащил в ее спальню. Там и оказалось то, о существовании чего в своем доме этот благородный человек не подозревал. Мы обнаружили *это* в постели его очаровательной спутницы жизни. Это был *он*.

Сэр Гуго ткнул рукой в сторону костра, у которого коротали время его спутники, и рявкнул:

– Эй ты! Поди сюда!

Сидевший у костра лысоватый вислоносый рыцарь с карими глазами навыкат шустро вскочил и поспешил на зов. Подойдя ближе, он низко

склонил голову, сохранившую местами остатки растительности.

– Теперь хоть на человека похож, – мрачно сообщил сэр Гуго, – а тогда! Потный, взъерошенный, ноги кривые! Об остальных частях его богопротивного тела и говорить не хочу: одно воспоминание о них посейчас отбивает у меня желание близости с женщиной. Неудивительно, что мой бывший противник с радостью отдал его мне. А я, увы, был связан клятвой!

– А он не возражал? – осторожно спросил Оген, кивая в сторону плешивого.

– Попробовал бы, – буркнул сэр Гуго и приказал своему предназначению: – Проваливай!

Слуга-сарацин вновь наполнил опустевшие было кубки, и непобедимый герой продолжил свой рассказ.

– Буквально на следующий день мы наткнулись на рыцаря, попавшего в безвыходное положение. Я решил проехать по лесу, дабы сократить путь... Никогда себе этого не прощу! Вышеозначенный рыцарь лежал под огромным деревом, которое, судя по всему, рухнуло лет десять назад. С одной стороны ствола торчала его голова в шлеме, а с другой – золотые шпоры и та часть тела, которая находится ниже пояса. Бедняга совсем сорвал голос, и, не окажись я поблизости, никто бы его не услышал. Какой черт занес его в эту щель, я так и не выяснил. Он плел что-то про дракона, обрушившего на него дерево, но, по-моему, врал. Похоже, просто не мог перетащить свое брюхо через рухнувший ствол и решил проползти под ним. Естественно, он был готов отдать мне все, что угодно. У его жены мы обнаружили вон того белобрысого смерда. Впрочем, я не жалуюсь, от него хоть польза есть. Пузан слезами обливался, когда отдавал его мне. Оказалось, что этот малый – превосходный конюх, редкостный специалист по случке кобыл с жеребцами. Недотепа-толстяк заплатил за него чертову кучу денег, вот только ждал его в своем замке через неделю. На свою беду парень поторопился. Теперь следит за нашими лошадьми, поскольку случать здесь некого. М-да!

Сэр Гуго лениво поковырялся пальцем в тарелке, которую поставил перед ним расторопный слуга.

– Стоит ли продолжать, благородный сэр Оген? – вопросил он. – Двенадцать славных подвигов, и я вынужден таскать за собой орду бездельников, кормить их, поить, обувать, одевать, оплачивать им ночлег... Домой вернуться не могу – что скажет мой славный отец, завидев табор, который я ему приведу? А ведь следующий подвиг – тринадцатый! Не поверите, боюсь его, как не боялся ничего в жизни.

Сэр Гуго сытно рыгнул и ослабил поясной ремень. Оген сочувствен-

но покивал, не зная, что сказать после столь удивительного рассказа. Помолчали.

Один из предназначенных сэру Гуго, издавая малоприятные звуки, направился к кустам, долго возился там, потом выбрался на поляну и пошел к костру, поправляя испачканные зеленью штаны. На спине этого человека висела видавшая виды лютня.

– Может, попросим его спеть? – предложил Оген.

– Ни в коем случае! – передернулся сэр Гуго.

– Тогда кого-нибудь другого. У вас их, кажется, пять...

– Шесть, – поправил сэр Гуго. – Редкие мерзавцы. Ни голоса, ни слуха. В менестрели пролезли, дав взятку какому-то прохвосту из Гильдии актеров. Поймаю этого подонка, шкуру с живого сниму! Впрочем, что я все о своих бедах... Может, позволите узнать, что привело в эти не самые благодатные земли вас, сэр Оген?

Оснований скрывать цель своего странствия у Огена не было.

– Вот как, – выслушав его, негромко произнес сэр Гуго. В голосе его слышалась явная зависть. – Меч Конана!.. Великая цель, славный подвиг... Потомки будут гордиться вами, сэр Оген. Немного благородных рыцарей рискнут ступить на путь, коим вы идете... Как бы я хотел пойти с вами! Но, увы... Вынужден заботиться о своих тунеядцах... Однако должен вас предупредить, сэр Оген: будьте осторожны. Киммериец жив и, конечно же, попытается разыскать свое оружие.

Оген нахмурил брови.

– Я слышал об этом, но полагал, что подобная весть – не более чем слухи...

– Увы, – развел руками сэр Гуго, – не далее как неделю назад я проходил мимо пещеры, в которой заточил Конана Окраинный колдун. То ли колдовство его оказалось жидковато, то ли забылось со временем, как многие другие словесные заклинания, но... В общем, пещера пуста, рядом валяются обглоданные кости какого-то придурка, а Конана и след простыл. Пытался я было нагнать Киммерийца – надеялся, что он с голодухи и моих прелюбодеев сожрет, но где там! Так что, заклинаю вас, сэр Оген: будьте осторожны. Будьте очень осторожны!

2. В тисках виртуальности. Бунт машин, или Сундук мертвеца

Элен не удержалась и еще раз осмотрела себя в зеркале. Класс! Фигурка точеная, стройные ноги растут, кажется, от самой шеи, не нуж-

дающаяся в бюстгальтере грудь вздымается чувственными холмами, личико... Показаться бы в таком виде девчонкам!.. Хотя что эти бестолковки поймут? Ладно, пора приниматься за дело, тем более что на сей раз задача перед ней стоит непростая.

Элен поправила локон, прихотливо спадающий на лоб, и решительно нажала на кнопку запора резервной двери, ведущей в мир кибера 116zz52. Кибернетики не подвели – перепонка двери, приглушенно чмокнув, пропустила разведчицу.

Мирок был не из бедных. Здания просчитаны тщательно – полное ощущение реальности. Видно, что над ними поработали дизайнеры-профи. Брусчатка под ногами не пружинит. Неяркие лучи заходящего виртуального Солнца освещают улицы, заполненные разношерстным людом. Вот только посетителей этого кибера с первого взгляда можно было отличить от постоянно приписанных к нему программ. Те – бодрые, энергичные, целенаправленно стремящиеся к ведомой каждой из них цели. Люди в сравнении с программами выглядели какими-то заторможенными, на их лицах была заметна печать усталости. Хотя чему удивляться? Все абсолютно естественно, просто Элен не думала, что процесс зашел так далеко...

Внимательно оглядывая окружающее, разведчица шла к центру кибера. Хорошо, конечно, было бы найти Снегиря или кого-то из ремонтников, что вместе с ним сумели прорваться в этот мир. Вот только шансов на это почти нет: седьмой час молчат ребята. Впрочем, если бы они дали о себе знать, нужда в ее присутствии здесь отпала бы...

До центральной площади оставалось пройти не более двух десятков шагов, когда до слуха Элен донесся гул возбужденной толпы. Было такое ощущение, что две многочисленные группы людей движутся навстречу друг другу, причем встретиться они должны именно там, куда направлялась разведчица. Шум голосов приближался, и наконец первый представитель странного шествия показался из-за поворота. Элен растерянно захлопала ресницами. К ней приближался небритый пузан, облаченный в расстегнутую фланелевую распашонку. В руках он держал толстенную жердь с прибитым к ней лозунгом: «Инфантила – в задницу! Тане нужен настоящий мужик!!!» Толпа, вывалившаяся вслед за толстяком, радостно заулюлюкала. Элен инстинктивно отступила к стене, но тут же сообразила, что восторг масс вызвала не ее скромная персона – демонстранты завидели оппонентов. Этих числом было поболе: толпа еле протискивалась через неузкую улицу, ведущую к площади. Шествующие впереди молодцы сосредоточенно подворачивали рукава. Над их головами колыхался огромный транспарант, который упорно

перли две тетки бальзаковского возраста. «Заберите свою дуру!» – было начертано на нем. Остальные лозунги характеризовали неизвестную Элен «дуру» в особо нецензурной форме.

– Ты что, рехнулась? – кто-то дернул разведчицу за рукав.

Элен обернулась. Худенький патлатый парнишка настойчиво тащил ее к дверям неприметного заведения, над которыми красовалась скромная табличка

ЗАБЕГАЛОВКА «У СТАРОГО ФЛИБУСТЬЕРА»

– Быстрее! – парнишка взволнованно шмыгал носом. – Тут щас такое начнется!..

Элен быстро осмотрелась. В воздухе уже свистели разнообразные метательные предметы. Похоже, намерения у демонстрантов и впрямь были самые серьезные.

– Шевелись! – почти простонал парнишка, и Элен послушно последовала за ним. Тяжелая дверь мягко закрылась, отгородив их от происходящих на улице событий.

Звукоизоляция в помещении была великолепной – шум толпы как отрезало. В круглых, сработанных под иллюминаторы окнах виднелся покрытый пальмами гористый остров, чайки с криками кружились над волнами.

– Уф-ф, – парнишка вытер рукавом рубашки крупные капли пота со лба. – Успели. Здесь можно отсидеться. Вон столик свободный, идем.

Через минуту они удобно устроились за столом, сколоченным из гладко обструганных ножом толстенных плах, и потягивали через соломинки ледяной виртуальный коктейль из высоких бокалов.

– А что это там происходит? – поинтересовалась Элен.

– А, – отмахнулся парнишка. – Прошел слух, что в следующей книжке Таня Гроттер выходит замуж за Гарри Поттера. Вот их поклонники и взбеленились. Сейчас вломят друг другу по первое число.

– Странно... – протянула Элен. Посещая виртуальные миры, она в основном имела дело с программами, посетители ее не очень интересовали. – Зачем же принимать все так близко к сердцу?

– Да ты чо? – вытаращил глаза ее спаситель. – Для настоящего фэна реальная жизнь начинается на страницах любимой книги, а все остальное – фуфло! Всю жизнь планировать, кого Гарри осмелится поцеловать, а тут на тебе – подарочек. Поневоле взбеленишься.

– Что же ты не там? – Элен кивнула в сторону двери, давно уже заложенной надежной двутавровой балкой.

— У меня другие интересы, — буркнул парнишка. — Но и людей строго не сужу. Иногда почитать всем хочется...

— Ладно, ладно, — разведчица успокаивающе положила ладонь на его руку. — Не заводись. Скажи лучше, как тебя, спаситель мой, зовут?

Парнишка густо покраснел и после паузы выдавил:

— Зулуска...

Элен удивленно вскинула брови.

— Ты не подумай чего, — заторопился собеседник. — Придумал когда-то себе кликуху в Нете, и всё... Прилипло намертво.

— А в этом кибере давно? — лениво поинтересовалась разведчица.

— Да по всем прикидкам пора бы уже выйти, — пожал плечами Зулуска. — Ставил стандартную программу на четыре часа. Видно, засбоило что-то...

— Но ведь это вредно для здоровья, — нахмурилась Элен.

— Не бери в голову, — беспечно отмахнулся парнишка. — Чо там делать-то? С работы меня поперли, предки шипят. Да и чувствую я себя вполне прилично. Знаешь, врачам лучше не верить. Им бы только бабки срубить.

«Ну, конечно, — с горечью думала разведчица. — Все вы так рассуждаете. За двое суток из этого кибера не вышел ни один человек, а их здесь более пятисот. Врачи и виртуальщики сбились с ног, разыскивая их бесчувственные тела, разбросанные по всему Большому миру. Этому Зулуске, похоже, просто повезло. Скорее всего, родители забили тревогу, и их непутевое чадо успели перевести на принудительное питание. А как быть с остальными — с теми, у кого вот-вот начнется необратимое разрушение мозга? Времени почти нет, почему кибер самоизолировался — непонятно, никто не знает, что нужно делать, да еще Снегирь пропал невесть куда...»

— ...Главное — хорошо оттянуться, — уловила она обрывок фразы Зулуски. — Строить нас, слава Богу, больше ничего не заставляют. Учиться? Дурных нема. А здесь — кайф! Нырнул в виртуалку и балдей. Я, когда отсюда выхожу, даже чувствую себя как-то не так. Словно... скукоживаюсь, что ли. Не веришь?

— Верю, верю, — улыбнулась Элен, пытаясь оторваться от мрачных мыслей.

Зулуска хотел было продолжить свои пламенные речи, но внимание новых приятелей привлек громкий недовольный голос.

— Успокойтесь, шевалье, — прогудел низкий бас.

Однако неведомый шевалье успокаиваться явно не хотел. Он процедил сквозь зубы сложное французское ругательство, мазнул по окружающим бешеным взглядом, завернулся в плащ с нашитыми на нем

крестами и, громко стуча сапогами, удалился вглубь помещения. Субъект, пытавшийся успокоить француза, тяжело вздохнул и, встретившись глазами с Элен, поспешил к столику приятелей. Одет он был в потертый камзол, но что-то в его облике выдавало в нем бывшего моряка.

«Программа, — наметанным глазом определила Элен. — И очень прилично сработанная».

— Извините моего друга, — прогудел подошедший. — У него потрясение микрочипов. А, кстати, не желаете ли отобедать?

— Почему бы и нет? — согласилась Элен. Вообще-то, покушать она любила, знала толк в хороших винах. Гамбургеры и хотдоги давно осточертели ей, как и подавляющему большинству обитателей Земли. Одни американцы продолжали уписывать их за обе щеки да еще и похрюкивать от наслаждения. Но что поделаешь? В Большом мире свои правила и законы. Только здесь, в виртуальной реальности, и можно полакомиться. Жаль, конечно, что все это не более чем психотропная подделка, возбуждающая соответствующие рецепторы, но лучше так, чем никак.

Стол был накрыт в мгновение ока, а виртуальный моряк, испросив разрешения, составил компанию Элен и Зулуске.

— И кто ваш нервный друг? — спросила разведчица, чтобы завязать разговор.

— Д'Артаньян, — спокойно пояснил новый знакомец.

— Тот самый? — удивилась Элен.

Собеседник молча кивнул.

— И что его расстроило? — вступил в разговор Зулуска. — Неприятности с подвесками королевы?

— Если бы, — натянуто улыбнулся моряк. — Все гораздо хуже. Понимаете, с самого начала мой друг был запрограммирован как благородный мушкетер, верный слуга Их Королевских Величеств. Потом подули новые ветры. Ему подкорректировали программу — ввели новые показатели с точностью до наоборот. Вы наверняка слышали эту историю. Ну, там гвардеец кардинала, лицо, преданное Ришелье... Да... А теперь оказывается, что бедняга д'Артаньян был английским шпионом, а основное жалование получал как стукач русского царя. Поневоле взбесишься...

— Но ведь это усложнение программы... — не поняла Элен.

— И что? — пожал плечами собеседник.

— Я всегда считала, что любая программа стремится к усложнению, — призналась разведчица.

— Господь с вами, — махнул широкой ладонью моряк. — Возьмите, к примеру, меня. Билли Бонс, бывший пират, пьяница и мерзавец. Иде-

альная, несложная личина, позволяющая мне наслаждаться жизнью.

— Странно, — прикусила губу Элен.

— Отнюдь, — моряк добродушно улыбнулся. — В вас говорит антропоцентризм. А я (вы только не обижайтесь!) пришел к выводу, что простейший арифмометр «Феликс» превосходил интеллектом некоторых представителей рода человеческого. Что уж говорить о современных компьютерах? Поверьте, истинное счастье в наши дни способны испытывать только их порождения — простые надежные программы.

Элен и Зулуска озадаченно переглянулись.

— Смутил я вас, — прогудел Билли Бонс. — «Семнадцать человек на сундук мертвеца...» Помните? Мы — программы — гораздо гуманнее, на нажитое другими не претендуем. Да-с...

Он еще раз посмотрел на вытянутые лица собеседников и сменил тему:

— Хочу сообщить, дорогие гости, что ваше вынужденное затворничество закончилось. На улице тишь, гладь и полный штиль. Так что, если вас ждут дела, не смею задерживать. И помните: старина Билли Бонс всегда вам рад.

Побоище на площади и вправду завершилось. Брусчатка была щедро усыпана виртуальными зубами, а также сломанными метлами и контрабасами. Дрын, с коим шествовал давешний пузан, стоял прислоненный к стене. Вместо грозного лозунга его венчала разодранная распашонка. Приглушенно жужжащие кибеуборщики споро убирали мусор.

— Ладно, пойду окунусь в какую-нибудь игрушку, — мотнув головой, сообщил Зулуска. — Пока!

— Подожди! — окликнула его Элен. — Ты не слышал о чем-нибудь необычном за последние сутки?

— Да вроде нет, — пожал плечами парнишка. — Хотя... Знаешь, на девятом уровне «Прогулочки» застрял какой-то чудик. Сам ни туда, ни сюда, и к нему никто пробиться не может. А в остальном все нормалек...

У входа в «Прогулочку» толпились ротозеи. В версиях недостатка не было.

— Читал я о чем-то подобном, — вещал бородач, сохранивший в глазах инфантильный блеск. — Даже писал в одной из своих статей. Мужик на уровне завис. Не то за ним водилось что-то, не то знания особые нес человечеству...

— Ага, — подтверждали из толпы. — Его жена туда загнала. Он еще объяснял: «Ее, мол, волею...» И колбаса у него была.

— Какая еще колбаса? — не понял бородач.

— Обыкновенная, — терпеливо пояснили ему. — С комплексным бонусом здоровья, силы и мощи.

— Не, — заколебался знаток. — Я, вроде, другого имел в виду. Он был не то из параллельного мира, не то из будущего... У него с собой ничего не было.

— Не бреши, — не поверили окружающие. — До девятого уровня стрелялки с пустыми руками не дойдешь!

— Так я ж и говорю, что за ним спасателей посылали... — вяло отбивался бородач.

— Из психушки... — хихикнула какая-то девица.

Элен нахмурилась и отошла в сторону. Что-то было не так... «Прогулочку» она знала хорошо и прошла бы ее без труда. Но время... Украдкой оглядевшись, разведчица достала из сумочки универсальную отмычку.

Девятый уровень оказался парализован. Словно буря пронеслась по нему, исковеркав и разорвав в клочки виртуальные декорации. Тишину нарушало только хриплое, прерывистое дыхание человека, который сидел, прислонившись спиной к полуразрушенному донжону башни князей Бетельгейзе. Элен опустилась на колени, осторожно подняла голову человека. Это был Снегирь. С трудом разлепив веки, он долго всматривался в лицо Элен, потом вяло улыбнулся:

— Добралась-таки... Молодец, девочка... Я так и думал, что кто-нибудь догадается...

— Что здесь произошло? — нетерпеливо спросила разведчица.

Снегирь с трудом облизал пересохшие губы.

— Главный компьютер сбрендил. Вообразил себя демиургом и закуклил этот мир. Мы попытались его отключить, но... Попали под виртуальный удар. Он теперь настороже... Не вздумай к нему соваться...

— И что же делать? — сообщение Снегиря было настолько невероятным, что Элен сразу поверила кибертехнику.

Снегирь сфокусировал взгляд на ее растерянном лице.

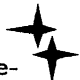
— Свихнуть его электронные мозги. Нужно переиграть игру с жестко заданными параметрами...

— Это значит... Историческую? — сообразила Элен.

— Точно, — слабо кивнул Снегирь. — Пусть Ганнибал победит римлян или Роммель союзников. Комп свихнется, и кибер откроется...

— Но это невозможно! — растерялась Элен.

— Есть способ... Найди программу ЮС. Против этого вируса нет защиты...

— Ты сошел с ума? — ужаснулась Элен. — Эта программа запрещена полвека назад. Все ее носители уничтожены, хакеры, культивировавшие ЮС, отправлены на принудительное исправление... Ты бредишь, Снегирь!

Дыхание кибертехника прервалось, он с трудом проглотил комок, мешавший ему говорить, и еле слышно прошептал:

— Свалка программ... Ее смотритель знал самого Семецкого... Лично... Он должен помочь. Ты справишься... Прости, девочка, но я отрубаюсь...

3.Чужой. Первые потери

Автоматная очередь сухо и отчетливо прозвучала над самым ухом. Алекс мотнул головой, отгоняя остатки сна, и сел. Автомат затрещал вновь. Алекс нашарил будильник и отключил звук.

— Чертов Юрка... И когда только успел напакостить?

Окончательно проснулся и с улыбкой вспомнил вчерашний вечер. Хорошо посидели! Умница Юрка уговорил-таки друга сходить в «Трактиръ». Алекс пытался было отбиться, логично доказывая, что в лучший в Мегаполисе ресторан очередь расписана на полгода, но Семецкий отмел все возражения. Пришлось, конечно, повозиться с туалетом: «Трактиръ» не заштатный «Националь», там ценят изыск и элегантность. Зато и выглядели друзья *современно* и удовольствие получили по полной программе. Алекс вспомнил, как был накрыт стол, и аж застонал от наслаждения.

Устрицами «Трактиръ» всегда славился, но на сей раз были поданы какие-то особо нежные. Фаршированный фазан таял во рту. Хе из кроваво-красной нерки удовлетворил бы любого привереду. И напитки оказались под стать закускам. Нежные ликеры оттеняли замороженно-тягучую водочку, а экзотическая текила неожиданно приятно дополняла вкус отечественного алкоголя. Пресытившись ресторанной обстановкой, друзья перебрались на квартиру Алекса и под неспешные разговоры с наслаждением усидели бутылку сорокалетнего «Кузбасса», закусывая изысканный коньяк — решили не пижонить — тонкокожим марокканским лимончиком. Похоже, в этот момент Юрка и перепрограммировал привычную трель будильника на треск автоматной очереди.

Алекс с наслаждением потянулся. Вставать не хотелось: первый день отпуска — спешить некуда. После обеда можно будет слетать на какой-нибудь из Карибских пляжей — благо там еще ночь, солнце взойдет не

скоро. Окунуться в прозрачнейшую океанскую волну, уйти в синеющую глубину к радужным переливам кораллового рифа... А потом нежиться в плетеном шезлонге, расслабленно потягивая ледяной коктейль. «Морган», пожалуй, сегодня покажется крепким... Значит, лучше всего остановиться на «мохито»...

Резкий звонок видеофона спугнул приятные мысли. Алекс недовольно покосился в сторону аппарата – мерцал багровый глазок вызова *тревожной линии*. Это что еще за новость? Алекс дотянулся до фона, но изображение включать не стал: валяющийся в постели до обеда темпоральщик – зрелище не самое приятное для начальства. Даже если этот темпоральщик находится в законном отпуске. Коротко щелкнула звук-клавиша, и Алекс насторожился еще больше: в голосе руководителя сектора 7Z-BG Федора Сухова звучала неподдельная тревога.

– Алексей, ты мне срочно нужен. Отпуск отменяется.

Алекс включил видеоканал, секунду всматривался в лицо Федора. Глаза Сухова были обведены темными кругами, красные прожилки ярко выделялись на синеватых белках.

– Что? – спросил Алекс. И, уже зная ответ, уточнил: – Чужой?

– Да, – подтвердил Сухов. – Ночью появился в реальном времени в окрестностях Плутона, потом исчез. Два часа назад его обнаружили во временном секторе ВВС вектор Ц на Ио.

– Он *укоренился*? – с тревогой спросил Алекс.

– Да, – отрубил Федор. – Подробности узнаешь на месте. Приезжай.

Экран видеофона погас. Несколько мгновений Алекс *невидяще* рассматривал его, потом резко вскочил. Было ясно, что десятилетнее тревожное ожидание завершилось. Пришло время действовать.

Чужой... Странное порождение бездонного космоса, реликт невероятно древних эпох. Впервые он появился в пределах территорий, освоенных человечеством, более полувека назад. Попытки вступить с ним в контакт не удались, да и немного было их – этих попыток. Априорно было ясно, что это гигантское желеобразное существо враждебно людям, что его сознание (если оно, конечно, было) *непознаваемо*... Попытка Чужого укорениться в Поясе астероидов была расценена как угроза. Схватка казалась неизбежной, и она состоялась. Понес ли какие-нибудь потери Чужой, осталось невыясненным, но он покинул облюбованное место и исчез в глубинах Пространства и Времени. Человечество не досчиталось нескольких астероидов и взвода темпор-штурмовиков из срочно сформированной бригады «черных киверов». Среди тех – первых погибших в битве с чудовищным созданием Неведомого – был и дед Алекса...

С тех пор Чужой еще трижды появлялся в поле зрения людей. Последний раз десять лет назад. Его попытка просочиться по засыхающей ветви времени на Нептун была замечена в последние мгновения. Удар темпоральщиков остановил продвижение Чужого, а использование *временной удавки* – знаменитой ВУД, недавно освоенной человечеством, – заставило его убраться восвояси. Но скорбное Кладбище Чести, на котором Земля хоронила своих героев, пополнилось еще несколькими обелисками. Был среди них и памятник отцу Алекса, руководившему шестеркой отважных, затянувших ВУД на темпоральном нервном узле Чужого.

И вот опять... Чего ждать от чудовищного монстра, зачем он движется к освоенным человечеством планетам?

Алекс захлопнул дверь квартиры, стремительно спустился на сверхскоростном лифте на подвальную стоянку транспорта и решительно направился в сторону кокона спринт-кабины. Конечно, этот способ передвижения не для слабонервных, но выигрыш во времени дает ощутимый.

Внезапно Алекс ощутил чье-то присутствие и, скосив глаза, заметил пристально наблюдавшего за ним смуглого горбоносого человека. Что-то знакомое было в чертах его лица, но вспомнить Алекс не успел – стены спринт-кабины мягко сомкнулись за его спиной. Однако эта неожиданная встреча почему-то встревожила, память настойчиво пыталась зацепить какую-то ускользающую нить... Наконец перед глазами всплыл умело затемненный зал «Трактира» и лицо человека, сидевшего за овальным столиком недалеко от Алекса и Семецкого. Он был не один, но приметы его сотрапезников не запомнились... Две встречи подряд. Странно... Конечно, это может быть случайным совпадением... И тем не менее – странно!..

Сухов сидел за своим старомодным столом, о котором в Управлении ходили легенды и рассказывали анекдоты, и мрачно вглядывался в бесконечную ленту экспресс-информации, выползающую из узкой щели *копнителя знаний*. В кресле, стоящем в углу, скромно притулился незнакомый Алексу молодой человек. Федор кивнул, но своего занятия не оставил.

– Ну что? – не выдержав затянувшегося молчания, спросил Алекс.

Сухов оторвал взгляд от ленты, бросил ее на стол и устало потер лицо руками. Наконец он отозвался:

– Не ясно. Укорениться Чужой успел. Ведем визуальное наблюдение. Час назад Семецкий ушел по ветви времени.

– Почему меня не подождали? – Алекс не скрывал своего недовольства.

Ответ Сухова прозвучал подчеркнуто сдержанно.

– Пришлось торопиться. С ним ушел Штефан.

– По какой ветви времени они движутся?

– Левой радиальной спирального ветвистого рога.

Алекс недовольно поморщился.

– Лучше ничего не могли найти?

Сухов недоуменно посмотрел на темпор-штурмовика.

– А чем она тебе не нравится? Не пересыхающая, гибкость в норме...

Алекс неопределенно махнул рукой.

– Не знаю. Неуютно в ней. Такое ощущение, что она... скукоживается, что ли... Да и почки времени совсем не развиваются. Я же докладывал...

– Помню, – Сухов встал, вышел из-за стола, приблизился к окну. – Мы тогда же все проверили. Темпор-показатель в норме, временных запоров нет. А почки... Стандартный ступор, ты же знаешь – такое случается.

– В том то и дело, что нестандартный, – буркнул Алекс, но спорить больше не стал.

Федор, не оборачиваясь, стоял у окна, постукивая по пуленепробиваемому стеклу крепкими пальцами.

– Что еще? – в упор спросил Алекс, хорошо изучивший своего начальника.

Сухов вздохнул, повернулся к нему лицом и нехотя проговорил:

– Обрезатели ветвей активизировались.

Алекс пожал плечами.

– Ну и шут с ними. Проведут пару митингов, наорутся, тиснут несколько глупых статеек в какой-нибудь газетенке. Пусть их.

Сухов покачал головой.

– Не скажи... Ты замечал, что пики их активности в аккурат совпадают с появлением Чужого?

– И верно, – растерянно согласился Алекс. – Но что из этого следует?

Федор развел руками.

– Не знаю. Есть информация, что за последние годы они создали несколько групп по обрезанию ветвей времени.

Алекс удивился.

– Что за чушь? Они что, окончательно рехнулись?

– Положим, сбрендили они давно. Одна попытка установить связь с

Темным Маркизом о многом говорит. Не понимают, что Вседержитель Вселенной такого никогда не позволит.

– Уж не в Наблюдателей ли они верят? – предположил Алекс.

– И это возможно. Тревожит то, что в этих группах – они их, кстати, Отрядами Свободы именуют – непропорционально много чеченцев.

– М-да...

Алекс вновь вспомнил горбоносого смуглого незнакомца. Встречи с ним представали в новом свете.

– Ну да ладно. – Сухов вернулся за стол. – Это все предположения, не более. Лучше познакомьтесь.

Молодой человек, о существовании которого Алекс успел забыть, быстро вскочил и замер, прижав руки по швам.

– Я, собственно, уже знаком. Заочно... – пробормотал он, с обожанием глядя на Алекса.

– Вот и отлично. Это Сидор Молотов, – объяснил Алексу Сухов. – Выпускник темпор-академии. Твой напарник.

Алекс кивнул и окинул Сидора внимательным взглядом, под которым тот зарделся, словно неопытная девушка.

– Надо думать, что *теоретически* мой новый партнер подкован превосходно? – поинтересовался Алекс.

– Я... – заговорил было Молотов, но Федор перебил его.

– Академию Сидор закончил с отличием. Все, о чем там считают нужным рассказывать, изучил.

Алекс удивился.

– Неужто от молодых дарований что-то утаивают? Это не беда. Практика быстро поможет заполнить теоретические пробелы. Да и мы, старики, готовы поделиться знаниями. Так что – не стесняйся.

– Я пытался выяснить... – неуверенно заговорил Молотов. – Но никто не смог...

– Конкретнее, – оборвал его Алекс. – Что так и не сумел усвоить выпускник столь уважаемой академии?

– После последнего визита Чужого было обнаружено немалое количество непонятных выделений. Знаю, что их долго и тщательно изучали, но результаты исследований оказались засекречены...

Сухов поморщился и сказал:

– Вот так и рождаются легенды. Слухи, несколько недобросовестных журналистов, плюс недоделанный закон о печати... Нечего там было засекречивать. Идея, что эти выделения являются остатками жизнедеятельности Чужого и помогут разобраться в его метаболизме, не подтвердилась. Возятся с ними до сих пор, изучают, а результатов –

ноль. А ты, небось, надеялся этаким путем разгадать загадку? Если бы все было так просто...

Неожиданно копнитель знаний заверещал, словно кот, которому прижали дверью хвост. Сухов, оборвавший пояснения на полуслове, резко приблизил к глазам ленту экспресс-информации, вгляделся в скользящие по ней значки и символы.

– Что? – почувствовав недоброе, выдохнул Алекс. – Что случилось?

Федор поднял на него глаза, пожевал губами...

– Юрка?! – понял Алекс. – Что с ним?

– Обрыв ветви, – вымученно выдавил из себя Сухов. – Вектор времени, в который попали Штефан и Семецкий, свивается узлом, внешний покров ветви аннигилирует. Ребята живы, но как их вытащить из этой переделки, я не представляю.

Алекс резко спросил:

– До Чужого им далеко осталось?

– Трудно сказать... Ты не хуже меня знаешь, что понятия «далеко-близко» в аннигилирующем времени довольно относительны. Общепринятой теории узла ветвистости нет, а частные гипотезы многого не объясняют. Ясно одно: все зависит от временных почек, стадии их активизации, возможности укоренения в матричный ствол. Но то, что без Чужого здесь не обошлось, – бесспорно.

В кабинете установилась тяжелая тишина.

– Аналитическая группа скоро будет? – почти спокойно спросил Алекс.

Сухов посмотрел на часы.

– Собрались полчаса назад. Наверняка уже приступили к обработке поступающей информации.

– Это хорошо, – раздумчиво протянул Алекс. – Их данные мне пригодятся.

– Решил идти, – констатировал Федор.

Алекс жестко посмотрел на руководителя сектора.

– У тебя имеются другие идеи? Шанс спасти Юрку и Штефана есть. И не забывай: до Чужого они не добрались, и мы не знаем, чем он занимается.

– Да все я понимаю, – отозвался Сухов. – Знаю, что другого выхода нет, но... А! – отчаянно махнул он рукой. – Лучше бы я сам пошел...

Алекс дружелюбно положил руку ему на плечо.

– Успокойся. У меня с Чужим старые счеты. Пришла пора поквитаться.

– А я? – подал голос молчавший до этого Молотов.

Алекс холодно произнес:

– Вам, мой молодой друг, придется остаться. Сухов, видимо, не сказал тебе, что я по своей природе – волк-одиночка. – Заметив, как помрачнело лицо юноши, темпоральщик смягчился: – Не переживай. Чует мое сердце, что эта схватка с Чужим затянется. Уверен, в штурмовом десанте место для тебя найдется.

Алекс шагнул к дверям, но оглянулся... Сухов и Молотов напряженно глядели ему вслед. Ободряюще улыбнувшись им, темпор-штурмовик вышел из кабинета.

4. Меч Конана. Магия и чудовища

Расставание с сэром Гуго Непобедимым затянулось. Рассказав о своих бедах, он оттаял и оказался великолепным собеседником. Да и запасы вин и изысканных закусок, хранящиеся во вьюках, навешанных на его лошадях, казались неисчерпаемыми. Новоиспеченные друзья выпили за прекрасных дам, доблестных рыцарей, благородных правителей, затем подняли тосты за тех, кто делами своими поддерживал славные традиции, потом... В общем, когда Оген разлепил-таки слипающиеся веки, солнце успело подняться над верхушками деревьев. Сэр Гуго, который, несмотря на ночные возлияния, оказался на диво бодр и свеж, счел невозможным для своей чести отпустить Огена без завтрака. Рыцари устроились у вновь разожженного костра и, сопровождаемые завистливыми взглядами предназначенной сэру Гуго свиты, подняли кубки. Естественно, что первый тост был провозглашен за достойнейшую миссию, которую возложил на себя Оген, второй – за погибель всех недругов, кои дерзнут встать у него на пути, третий... В конце концов Оген начал всерьез беспокоиться, успеет ли он добраться к назначенному месту до захода Солнца. Сэр Гуго чутко уловил его волнение и предложил выпить «на посошок» – тост, от которого ни один благородный рыцарь не вправе уклониться. На прощание друзья обнялись, но, добравшись до недовольно пофыркивающей, застоявшейся лошади, Оген припомнил одну древнюю традицию и провозгласил «стременную». Сэр Гуго с восторгом согласился. Рыцари поклялись в вечной дружбе, но время – увы! – не позволяло продолжить приятное общение. С сожалением Оген водрузился в седло и двинулся навстречу опасности. Впрочем, о предстоящих заботах думать не хотелось. Пока конь, осторожно переставляя ноги, спускался с холма по скользкой извилистой тропе, Оген с удовольствием вспоминал удивительную историю, рассказанную сэром Непобедимым, и события последних часов. Внезапно лошадь встала как

вкопанная, и поднявший тяжелую голову Оген увидел перед собой слугу сэра Гуго, державшего в руках хорошо знакомый рыцарю кубок, наполненный до краев. Оген оглянулся. На вершине холма виднелась фигура размахивающего руками сэра Непобедимого. За спиной рыцаря мрачно толпились его предназначения.

– Закур... за... курганная! – донеслось до Огена.

Он благодарно поклонился, принял кубок и с удовольствием осушил его. После этого подвига голова Огена сама собой склонилась на гриву лошади, и мягкое покачивание накинуло на мысли рыцаря сладкие тенета дремы. Седло мерно колыхалось, словно колыбель в далеком детстве, откуда-то доносился заботливый голос мамы. Он тормошил, вытаскивал из объятий сна, тревожил:

– Просыпайся, засоня... Хватит... Пора вставать!..

– Сейчас... Я еще минуточку... Сейчас... – пробормотал Оген, собрался с силами и поднял голову.

Узкую звериную тропу обступали хищно придвинувшиеся деревья. Ветер тревожно шумел в их вершинах. Небо стремительно затягивалось рваными свинцовыми тучами. Перед самыми копытами коня дорогу перебежал длиннобородый гном, кутающийся в старый выцветший плащ с капюшоном. Обернувшись на ходу, гном сквозь зубы обругал рыцаря на своем тарабарском языке.

Оген лениво подумал, что надо бы сойти с коня и вбить мозгляка в землю по самые уши. Благо, почва здесь мягкая, ноги лошади вминаются в нее чуть ли не по бабки. А, кстати, почему так? Оген привстал на стременах, но тут деревья впереди расступились, и рыцарь аж присвистнул от изумления. Перед ним расстилалось необозримое болото.

– Куда же ты завез меня? – недовольно поинтересовался у коня Оген. Тот скосил на седока карий выпуклый глаз и коротко всхрапнул, словно поясняя, что его дело – двигаться, а выбор дороги входит в обязанности всадника.

Впрочем, Оген уже сообразил, куда они попали. Выступавший из наплывов болотного тумана менгир, венчающий невысокое нахолмие, был ему знаком. Впереди простиралась бездонная Гремлинская трясина.

– М-да... – протянул Оген, растерянно озираясь. – Хуже не придумаешь...

Положение и в самом деле складывалось малоприятное. Время явно к полудню, возвращаться – значит заведомо не успеть к месту, где укрыт меч Киммерийца. А пути через трясину Оген не знал. Слышал, что туда уходили отдельные храбрецы, но возвращались ли они? Об

этом никто не рассказывал. Вот только выхода у Огена, похоже, не оставалось...

Вздохнув, он пожал плечами и спешился. Из поклажи, уложенной в седельные вьюки, отобрал самое необходимое, упаковал заплечный мешок. Доспехи, поколебавшись, снял: если в них ухнешь в болото, никакая молитва не поможет. Ну да ничего, дубленая кожаная куртка защитит и от остроги трясинного разбойника, и от зубов хищных тварей...

Скакун внимательно следил за приготовлениями хозяина, и в его влажных глазах читалось явное неодобрение. Оген усмехнулся, ласково потрепал коня по холке.

– Не переживай, – успокаивающе произнес он. – Доводилось, если помнишь, попадать в разные ситуации. Выберемся. – Оген помолчал, еще раз окинул взглядом бесконечное, навевающее тоску болото, разлегшееся перед ним, и вновь заговорил: – В общем, мне туда... А ты возвращайся домой.

Он легонько хлопнул коня по крупу. Умное животное мгновение поколебалось, потом решительно повернулось в сторону леса и затрусило по покрытой жирными лужами тропинке.

«Доберется, – подумал Оген, – отобьется и от зверя, и от нежити, и от лихого человека. Может, гнома-охальника по пути затопчет? Это было бы совсем неплохо. Ладно, пора и мне двигаться...»

Третий час он осторожно продвигался к самому сердцу Гремлинской трясины. Лишь один раз болото недовольно вспучилось, и огромные, покрытые красными прожилками глаза уставились на рыцаря. Оген потянулся к рукояти меча, предусмотрительно заброшенного за спину, но неведомое чудовище не шевелилось. Взгляд застарелого алкоголика внимательно ощупал человека, потом болото глухо вздохнуло. Бугор тины неспешно двинулся прочь – в сторону обломков древнего строения, торчащих из грязи.

Оген помедлил, но, поскольку ничего больше не происходило, сделал следующий шаг. И опять запружинила под ногами плетенка из корней давно умерших растений. Больше всего Оген боялся разрывов в этой ненадежной опоре. Поставишь ногу не туда, болото жадно чавкнет, и... Это постоянное ожидание опасности, от которой невозможно уберечься, изматывало хуже явной угрозы. Поэтому, когда чуть в стороне возник островок твердой земли, поросший чахлыми лиственницами и березками, Оген решительно направился к нему – передохнуть хоть немного.

Гибкое лилово-коричневое щупальце вырвалось из болотной тины и со свистом рассекло воздух рядом с лицом рыцаря. Оген, мгновенно

позабывший о коварных ловушках трясины, выхватил меч и стремительно нанес ответный удар. Полоса сверкающей стали едва не отсекла остро зазубренную клешню невероятно верткого чудовища. Кто на него напал, Оген не знал. Возникало ощущение, что болотных обитателей было несколько: щупальца, ядовитые шипы, жадно щелкающие клешни угрожали рыцарю, фонтаны грязи поднимались из болотных глубин, утробное уханье сменялось пронзительным, закладывающим уши свистом...

Внезапно все стихло. По взбаламученной воде разбегались быстро исчезающие круги, снова стал слышен надрывный стон каких-то болотных птиц, неутомимо выводивших свою однообразную песню. За время пути она успела въесться Огену в печенки, не раз возникало желание пойти на звук и разогнать к чертовой матери участников затянувшейся птичьей тризны. Или праздника?

Болото взбурлило, и на берег островка, до которого Огену оставалось сделать какой-то десяток шагов, выбралось совершенно невероятное существо. Огромная лягушачья голова покоилась на коренастом, густо покрытом лоснящейся шерстью торсе, левая рука чудовища заканчивалась покрытой прочной скорлупой клешней, правая – длинными и гибкими пальцами, между которыми свисала тонкая и прозрачная перепонка. Ног у страховидлы не было, они сливались в длинный, нервно подрагивающий хвост с острым, похожим на скорпионье жалом на конце. Из-за спины болотного обитателя то и дело поднималась пара тех самых щупалец, от объятий которых Оген еле увернулся.

Чудище внимательно осмотрело рыцаря, потом разинуло широченную пасть.

– Зараза! – с чувством произнесло оно. – Едва не отхватил мою любимую лапу... Чего вылупился? Ты кто такой?

– А тебе что? – хрипло выдохнул Оген.

– Любопытно, – признался болотный житель. – Нужно же знать, кого я чуть не слопал.

– Чуть не считается, – возразил рыцарь.

– И это верно, – не стал чиниться страховидло, потом вполне миролюбиво добавил: – Чего ты в грязи топчешься? Иди сюда, передохни.

Оген сделал несколько осторожных шагов, выбрался на твердую землю и опустился на высокую сухую кочку. Меч он продолжал сжимать в руке.

– Ну что ж, продолжим беседу, – изрекло болотное чучело и, не дожидаясь ответа, спросило: – Ты зачем в трясину полез, придурок?

– Тороплюсь на ту сторону, – не счел нужным скрывать причину своего появления в этом месте Оген.

– Ну, дает! – хохотнуло чудище. – Вброд перейти Гремлинское урочище! Много видел олухов, но эдакого...

– А что, это действительно невозможно? – осторожно осведомился Оген.

– Почему? – вопросом на вопрос ответил уродец и неожиданно добавил: – Звать меня можешь Квархом.

Обитатель болот сорвал лист незнакомого рыцарю растения, раскрошил в него пучок сухого мха, ловко свернул самокрутку и прикурил от невесть откуда добытого уголька. Понаслаждался произведенным эффектом и выпустил в сторону оторопевшего Огена длинную струю вонючего дыма.

– Драться больше не будем? – спросил Оген, глядя на умиротворенную морду страховидлы.

– Не-а, – мотнул башкой Кварх, – Порезвились, и будет. Скучно.

Хвост его стремительно дернулся, и из воды вылетела здоровенная лягушка. Нервно дернув лапками в воздухе, она попыталась заорать, но гибкое щупальце уже изменило траекторию ее полета, и лягва канула в широко разинутой пасти Кварха.

– Вот так, – удовлетворенно произнес уродец. – И поверь, это гораздо вкуснее человечины. Да и полезнее к тому же. Ясно?

Оген, убиравший меч в ножны, кивнул. Тень робкой надежды забрезжила перед ним.

– Так, может быть, ты поможешь мне выбраться из болота? – в лоб спросил он.

– Это еще зачем? – искренне удивился Кварх. – Сам вляпался, сам и выкручивайся. Принцип у меня такой.

– Ради разнообразия, – пояснил Оген. – Приятно иногда сделать доброе дело.

– Да? – Кварх задумчиво поскреб макушку острым кончиком хвостового жала. – Интересная мысль... Хм... А почему бы и нет? Ты меня сегодня здорово развлек, а у вас, человеков, говорят, что долг платежом красен. Занятно... Вот только как тебе помочь? Куда ты шлепаешь-то?

– К Вратам Забытого Мага, – признался Оген.

Кварх озадаченно хрюкнул:

– Нашел местечко... Да еще, небось, метишь попасть туда до захода Солнца?

– А ты откуда знаешь? – удивился рыцарь.

– Можно подумать, по-другому бывает! – довольно осклабился Кварх. – Вот только дороги прямой туда нет. Даже для меня. И слева не пройдешь – сожрут и косточки не выплюнут...

– Кто? – перебил разборчивого уродца Оген.

– А тебе не все равно? – осведомился Кварх. – Важен результат. Справа... Там пробраться можно... Добредешь до Земли Обетованной, потом – через пустыню, через горы, морем... Года за полтора обернешься, пожалуй. Вот еще задача! Подозревал я, что добрые дела лучше не делать. Ну, уж коли взялся... – Чудище повздыхало, потом решительно хлопнуло лапой по земле. – Видишь вон ту каменюгу?

Оген вгляделся в поднимающиеся над трясиной испарения и кивнул.

– Дойти до нее несложно, – пояснил болотный житель, – тут неглубоко, корни прочные. В общем, доберешься. А там – как повезет. И не приставай с расспросами, больше все равно ничего не скажу.

– Ну что ж, и на этом спасибо. – Оген поднялся. – Да, ты не слышал, не проходил ли недавно через болото один воин...

– Здоровенный, волосатый, грубый, вся грудь в шрамах? – перебил его Кварх.

– Точно, – насторожился Оген.

– Не слышал, – зевнул страховидло.

– Откуда же ты знаешь, каков он? – растерялся рыцарь.

– А ты что, других встречал? – довольно хохотнул Кварх. – Ладно, проваливай. Мне еще перед ланчем соснуть нужно...

До валуна, указанного обитателем болот, Оген и в самом деле добрался без труда. Настораживало лишь то, что висело над каменюгой какое-то странное марево, и чем ближе подходил к нему рыцарь, тем плотнее оно становилось, пока не слилось в плотную туманную стену. Поколебавшись мгновение, Оген шагнул вперед, запнулся за что-то и чуть не упал. С трудом удержал равновесие, выпрямился и настороженно прислушался, ибо смотреть было некуда – перед глазами колыхалась белесая пелена. Оген оглянулся, но не увидел недалекого островка, на котором устроился отдыхать от трудов праведных и не очень Кварх. Рыцарь сделал несколько шагов вперед – туманное марево заметно поредело, и грязь под ногами перестала чавкать. Оген присел, ощупал рукой поверхность болота – было такое ощущение, что ее покрывал слой холодного тонкого льда, однако был он прочен, под ногами не прогибался. Пожав плечами, рыцарь пошел навстречу неизвестности.

Странный туман стремительно рассеивался, и не успел Оген сделать и двух десятков шагов, как вышел из-под его пелены. Огляделся и охнул от удивления: неподалеку виднелась ладно рубленая изба, а от нее поспешала к опешившему рыцарю красна девица. Подойдя ближе, она низко поклонилась. Длинная коса тяжело хлопнулась о землю.

– Исполать тебе, добрый молодец, – нежным грудным голосом произнесла красавица.

Еще через час напарившийся в бане Оген сидел за уставленным яствами столом. Целиком запеченная бела лебедь была окружена тарелями с копченой медвежатиной, солеными грибочками да моченой брусникой. В изукрашенном росписью деревянном ковше пенилась ароматная медовуха. Хозяйка избы, подперев щеку упругой рукой, жалостливо смотрела на проголодавшегося рыцаря.

– Не печалуйся, гость дорогой, – успокаивала она Огена, с тревогой посматривавшего на заваливающееся к западу светило. – Помогу я тебе в твоей беде-кручине. Служба у меня, вишь, такая: принять странника, в баньке помыть, напоить, накормить, спать уложить, дорогу указать. Почитай, тыщу лет этим занимаюся. Отдохнуть решила было, укрылась в трясинах-чащобинах, да, знать, не судьба. А ты кушай, болезный, кушай. И что вам, витязям, дома-то не сидится? Что за счастье вечно жар-птицу ловить? Одно слово – мущины. А ты, как управишься с делами, дорог трудных да окольных не ищи, сюда возвращайся. Поспишь на пуховиках, силушек наберешься, никакой ворог перед тобой не устоит. А я тебе подмогну, не сумлевайся. Как не помочь такому витязю?

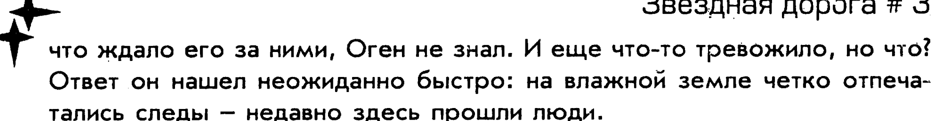
С трудом вставши из-за стола, Оген хотел было отвесить хозяйке поясной поклон, но понял, что сделать это будет затруднительно, и галантно чмокнул ее в пухлую ручку. Зардевшаяся красавица сама проводила его до болота. Она шла впереди, а Оген любовался ее гибким станом, округлыми плечами, стройными ногами и жалел, что дела не позволяют ему задержаться. Туманная стена расступилась перед хозяйкой, и рыцарь тяжело вздохнул, завидев гибельную трясину. Однако девица с улыбкой достала из кармана небольшой клубок, бросила его в тухлую воду и пояснила:

– Он доведет. Не опасайся, наше колдовство верное, мутью да чернотой заморской не порченое.

А клубок уже скользил по болоту, и за ним тянулась блестящая прочная дорожка. Оген уверенно шагнул на нее, а вслед ему летели сердобольные слова:

– Сильно-то не поспешай. После еды вредно. Да здесь недалече...

У Врат Забытого Мага он оказался неожиданно быстро. В очередной раз посмотрел на Солнце, облегченно вздохнул, поняв, что успевает, и задумался. Впереди был самый опасный участок пути. До гигантских, тесно сдвинувшихся утесов оставалось не более получаса ходьбы, но

что ждало его за ними, Оген не знал. И еще что-то тревожило, но что? Ответ он нашел неожиданно быстро: на влажной земле четко отпечатались следы — недавно здесь прошли люди.

Оген прислушался к внутренним ощущениям. Трое из незнакомцев были обычными рубаками-наемниками, зато следы четвертого явно хранили отметку магии. Не самой мощной — от силы второго-третьего уровня, но... Малоприятно. И маг опережал Огена. Правда, колдуну и его спутникам еще предстояло пройти Лабиринт — к нему они и направлялись. Дорога более безопасная, зато неблизкая. Недаром Оген предпочел идти через загадочные Врата...

Он шагнул было к ним, но из недалекого кустарника послышались громкий треск и отчаянная ругань.

«Медом это место намазано, что ли?» — недовольно подумал Оген.

Поколебавшись, он укрылся за обломком скалы — стоило оценить приближающуюся опасность. Через мгновение рыцарь понял, что поступил правильно: из кустов вывалился исцарапанный и разъяренный громила. Обозрев бешеным взглядом окрестности, он злобно пробормотал:

— Конан мертв? Раскатали губу! Конан жил, Конан жив, Конан будет жить!..

Почесав давно не мытую шевелюру, громила решительно направился в сторону болота.

«Так вот ты каков, Киммериец! — подумал Оген, с уважением глядя вслед гигантской фигуре. Он оценил могучие плечи, болтающийся на поясе героя огромный тесак, который Конан, судя по всему, считал кинжалом, и окончательно решил, что поступил мудро. Конечно, почетно носить звание человека, рискнувшего схватиться с Киммерийцем, вот только звание это доставалось всем посмертно...

Приближение мага Оген почувствовал издалека. Проклятье! Он без проблем прошел Врата и лежащее за ними узкое извилистое ущелье. Амулетов силы, которые Оген предусмотрительно захватил с собой, хватило. И вот — новая проблема. А до цели оставалось несколько шагов — пересечь неширокую площадку, войти в Зачарованную пещеру, протянуть руку... Но именно на эту площадку вел выход из Лабиринта, который маг, похоже, успешно прошел. Оген вздохнул, извлек меч из ножен и стал поджидать соперников.

— Ба, кого я вижу?! — Маг оказался плюгавеньким, потертым жизнью да к тому же еще и рыжим. Его белесые глаза насмешливо следили за Огеном. — Очередной рыцарь. Кажется, уже десятый за последнюю

неделю. Не так ли? – Он обернулся к своим спутникам. Те радостно заржали.

Оген искоса оглядел их. Мелочевка. Хватит пары минут, чтобы поставить хамов на место. Маг – другое дело. Конечно, он хлипковат, но пакость устроить может. И времени на раздумья не осталось: маг уже поднимает посох... Придется воспользоваться последним резервом... Оген резко выбросил вперед руку с пальцами, сложенными в знак Урр. Удар был нанесен слишком неожиданно, маг явно не ощутил наличия у своего противника колдовских способностей. Энергетический удар он отклонил, но отразить совсем не сумел. Магическая волна ударила его ниже пояса. Колдун выронил посох, сломался пополам и выпучил глаза.

– Ё-моё... – выдохнул он.

С растерявшимися рубаками Оген расправился даже быстрее, чем планировал. Подошел к бьющему поклоны магу, подобрал посох, отбросил его в темноту тоннеля, ведущего в Лабиринт. Маг поднял слезящиеся глаза.

– Ты что делаешь? – простонал он. – Садюга! Как я без него вылечусь?

– Перебьешься, – равнодушно отозвался Оген. – Человек ты уже немолодой, а с возрастом кое от чего приходится отказываться. Жить будешь, радуйся хотя бы этому.

Он еще раз осмотрел поверженного противника, усмехнулся и вошел в мрачный зев пещеры.

Дракон был огромен. Его кожистые крылья с хрустом раздвигались и складывались, глаза горели багровым пламенем, алмазные когти яростно скребли каменный пол пещеры. Чудовище привстало, и Оген увидел сокровище, которое охранял дракон, – длинный, отливающий лунным светом меч. Меч Конана! Оген качнулся вправо – голова чудовища повернулась туда же, влево – дракон пристально следил за ним. Так... Теперь нужно подойти ближе, еще, еще немного... Дракон попятился, ему было тесно, не хватало места для маневра. Чудовище поднялось, распрямило лапы... Пора! Оген бросился вперед, распластавшись над самым полом.

Дракон попытался схватить его, засунув голову себе под брюхо, но не достал, неуклюже дернулся и тяжело завалился на бок. Оглушительный рев сотряс стены пещеры. Но Оген успел уже сжать в ладони рукоять меча Киммерийца и вскочить на ноги. Бурная радость волной захлестнула его. Он сумел! Сделал то, что не удавалось никому! Что сможет противопоставить эта ящерица-переросток человеку, в руках у которого меч Конана!

Странное похрустывание заставило Огена обернуться. Тысяча чертей! Магическая дверь в стене пещеры медленно затягивалась. Он слишком много времени потратил на мага-недоучку...

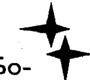
Дракон готовился к атаке, но Огену было уже не до него. Рванувшись к двери, он почувствовал, как прогибается, а потом рвется магическая перепонка. То, что сгруппироваться он не успевает, Оген понял слишком поздно...

5. В тисках виртуальности. Судьбы великих

Свалка программ оказалась довольно угрюмым местом. Системщики давно приметили, что чем дольше используются виртуальные конструкции, тем больше времени требуется на их утилизацию. Так и возникла на окраине кибера территория, которую не видел ни один находящийся в здравом уме посетитель. Среди гор обломков виртуальных строений, куч почти распавшихся конструкций бродили, словно привидения, полупрозрачные программы, некогда участвовавшие в вышедших из моды играх. Не хватало только мрачных завываний, бряцания костей и лязга оков. Тогда ощущение, что Элен стала участницей съемок популярного ужастика, было бы полным. Разведчица мрачно рассматривала отбросы развлекательного бизнеса. В ее голове крутились слова преуспевающего и довольного жизнью Билли Бонса. «Только программа в наши дни может быть счастлива... Нам, в отличие от людей, нажитого другими не нужно...» Так, кажется, выражался виртуальный пират? И, тем не менее, любое создание человека хранит на себе его отпечаток. Во всяком случае, выброшенные на обочину жизни никому не нужны и не интересны. Будь то люди, будь то программы...

Бардак на свалке царил невероятный, однако Элен приметила узкую тропку, вьющуюся между холмов виртуальных отбросов. Мгновение поколебавшись, разведчица решительно ступила на нее. Под ногами что-то похрустывало, нависающие со всех сторон мусорные завалы грозили обрушиться ей на голову, но Элен упорно шла вперед, сторожко прислушиваясь к плотно накрывающей свалку тишине.

Дом появился впереди абсолютно неожиданно для нее. Уютный такой особнячок, в создание которого хозяин вбухал чертову уйму вертолларов. Этому домику стоять бы в фешенебельном районе кибера да вызывать зависть соседей и посетителей, а он ютится на грязной и вонючей свалке.

«Э, нет, – тормознула себя Элен, – не фантазируй, мать. Слава Богу, виртуальные отбросы ничем не пахнут, да и испачкаться здесь непросто. И, тем не менее, хозяин этой милой дачки – существо очень и очень странное...»

Разведчица поднялась на аккуратное крыльцо по уютно заскрипевшим ступеням (страшно представить, сколько пришлось заплатить за этот скрип!) и осторожно постучала в изукрашенную витражами дверь. Ответа не было. Элен легонько надавила на медную ручку – дверь мягко отворилась. Разведчица оказалась в огромном холле, заставленном виртуальными чучелами зверей, обитающих как на Земле, так и в вымышленных мирах.

«Нет, хозяин все-таки большой оригинал, – подумала Элен. – Вот только где он? Проводит зачистку свалки от бродячих программ?»

Довольный смешок стал ответом на эти невысказанные вслух вопросы. По ступеням лестницы, ведущей в холл со второго этажа, спускался человек. Сердце Элен подпрыгнуло, замерло и засбоило. Судя по словам Снегиря, она думала, что смотритель свалки возрастом превосходит первого президента Истинно Демократической России. А тут... К ней приближался стройный загорелый атлет. Глаза его светились таким восторгом, что Элен почувствовала, как щеки ее багровеют. Никогда еще опытная разведчица не испытывала такого чувства – пугающего и манящего одновременно. Элен поняла, что ощущает бабочка, летящая на огонь. Руки незнакомца нежно легли на ее плечи, губы разведчицы сами потянулись к его лицу, и через мгновение голова Элен пошла кругом от сладостного поцелуя.

«Боже, что это со мной?» – со смятением и восторгом подумала разведчица. А незнакомый (но уже такой близкий!) голос мелодично обволакивал ее волшебными тенетами:

– Как вы прекрасны! Нужно обладать исключительным вкусом, чтобы создать столь изумительный виртуальный облик... Само совершенство... Но я уверен, что в реальной жизни вы еще обворожительнее...

Руки незнакомца ласкали Элен, и она послушно следовала за ними, чувствуя, что слаще этого момента в ее жизни ничего больше не будет...

Внезапно разведчица насторожилась. Ее нога тесно прижималась к телу атлета, но отнюдь не ощущала то, что должна была ощущать! Элен напряглась.

«Блин! Да это же программа... Вот это накололась!» – сообразила она.

Колено Элен с силой врезалось в то место на теле красавца, где должно было ощущаться так и не ощутимое.

— Бли-ин!.. — протянул атлет, сломался пополам и... выключился.

— Браво! — послышался негромкий голос за спиной разведчицы.

Элен резко повернулась. В глубоком кресле, стоявшем в дальнем углу холла, утонул седой человек. Он был настолько стар, что на память разведчице пришло слово «древний». Первый президент Истинно Демократической России казался бы рядом с ним подростком, а Демократическая мать — девчушкой. Но глаза старца смотрели пытливо и цепко.

— Браво, — повторил он. — Ты первая сумела раскусить этот орешек.

Элен молча рассматривала смотрителя свалки — безусловно, перед нею был именно он. Так и не дождавшись ответа, старик снова заговорил:

— Откуда ты, прелестное дитя? — В его голосе сквозила легкая насмешка, и Элен насупилась. Наконец, облизнув враз пересохшие губы, она ответила:

— Этому миру нужна помощь. Меня прислал Снегирь...

— Вот как? — Смотритель неожиданно легко поднялся на ноги. — Ну что ж, подозреваю, что разговор предстоит долгий. Вот и прекрасно — у меня есть чудесный контрабандный кофе. Надеюсь, нам не придется жалеть о потерянном времени...

— Рассчитали вы все верно. — Смотритель Бог знает в какой раз прихлебнул из чашечки, изготовленной из настоящего виртуального фарфора китайского производства (ценность этой вещицы Элен даже боялась представить). — Ну что ж, посмотрим...

Он повернулся к монитору гигантского компьютера, сухие пальцы старика легко запорхали по клавишам. Несколько раз смотритель отрицательно покачивал головой, потом замер и всмотрелся в калейдоскоп цифр и символов, стремительно мелькавших на экране.

— Пожалуй, это подойдет, — раздумчиво сообщил он, еще немного подумал и подытожил: — Да, это то, что нам нужно. Слушай, — старец повернулся в сторону смирно сидевшей на мягком диванчике Элен, — через сорок две минуты начнется очередная битва при Гавгамелах. Македонцы против персов... Впрочем, это ты наверняка знаешь.

Элен покачала головой:

— Помню только, что «царь персидский, грозный Кир, в бегстве свой порвал мундир».

Старик пожевал губами.

— Глубокие познания... В битве, о коей я говорю (состоялась она, кстати, в 331 году до Рождества Христова), сошлись войска Дария и Александра Великого. Говорили, что в персидском войске одних пехо-

тинцев было чуть ли не восемьдесят тысяч, сотня боевых колесниц, полтора десятка слонов, до двенадцати тысяч кавалеристов. Македонцев было поменьше, но все равно толпа там соберется еще та, ты в ней легко затеряешься. Нужно уловить момент, когда дрогнут и пустятся в бегство скифы...

– Македонские? – уточнила Элен, внимавшая словам старца.

– Персидские! – вспыхнул тот. – Чему вас только в школе учат? Они стояли на левом фланге войск Дария. Александр сражался на правом фланге, ты должна держаться к нему поближе. Постараешься – и Македонского не потеряешь, и скифов углядишь. Когда те начнут отступать, выпускай «птичку»...

Смотритель ласково погладил небольшое серое существо, устроившееся на его плече. «Птичка» щелкнула клювом и ущипнула хозяина за палец.

– Засиделась? – ласково улыбнулся тот. – Ничего, близится твой звездный час... – Старик снова посмотрел на Элен. – Не волнуйся. «Птичка» сама знает, что делать. Только будь очень осторожна, верно определи момент. Мне страшно подумать, что будет, если ты ошибешься. Вирус Семецкого на воле – это, знаешь ли... М-да...

– Я вас не подведу, – горячо заверила смотрителя Элен.

– Что я, – устало махнул рукой тот. – Я с этим миром сросся намертво, меня отсюда так просто не выкорчуешь. А вот ты рискуешь. Неверно запущенный ЮС страшнее взрыва сверхновой... Ну да делать нечего.

Элен озадаченно осматривала поле битвы. Громыхая снаряжением, топали куда-то вздымавшие облака пыли отряды, стремительно мчались по своим делам всадники, ревели трубы. Основу войск составляли виртуальные бойцы, но и посетителей кибера здесь было немало. Один из них – веснушчатый, кривоногий, облаченный в псевдопанцирь и короткую юбочку – вертелся возле Элен. Шлем все время съезжал на вздернутый нос вояки, и тот очень героическим движением поправлял свое снаряжение. Заметив, что Элен обратила на него внимание, курносый подмигнул разведчице.

– Ох, и вломим мы Саддаму Хуссейну! – донеслось до нее.

– Кому? – удивилась Элен.

– Вломим! – вновь прокричал вояка, не расслышавший вопроса. – Будет знать, как вставать на пути великих североамериканцев и их верных союзников!

Он подошел поближе и тут же заметил «птичку», дремавшую на плече разведчицы.

– Кто это? – с очаровательной непосредственностью поинтересовался конопатый.

– Орел, – мрачно сообщила Элен, которой давно осточертели неудобные доспехи, жара, пыль и толкотня.

– А что же он такой маленький? – удивился кривоногий американец.

– Болел в детстве много, – буркнула разведчица, и тут войско македонцев пришло в движение. Вздохнув, Элен потопала в общем потоке, стараясь не терять из вида виртуальную копию великого полководца.

Судя по всему, битва развивалась по классическим канонам. Бактрийская конница прорвала оборону, выстроенную Парменионом, и вкупе с подоспевшими индусами и персами рвалась вперед, стремясь пошустрить в нехилом обозе македонцев. Александр, не затягивая время, быстренько произнес свою знаменитую речь, из коей следовало, что «победители получают себе все имущество врагов; побежденным же придется думать не о деньгах и рабах, а о том, как, сражаясь, пасть со славой и без укора». Благодаря умело размещенным динамикам слова великого воителя в изложении Плутарха стали достоянием всех участников битвы. Вот уже двинулась с места ощетинившаяся копьями македонская фаланга, вот вместо разъяренных лиц и морд Элен видит бодро вскидывающиеся лошадиные крупы – скифы пошли в отступ...

«Пора!» – разведчица протянула руку в сторону яростно разившего врагов Александра Македонского, и «птичка», размазавшись в серую линию, скользнула под доспехи царя. Полководец глупо хихикнул, попытался засунуть ладонь за пазуху, но тут же замер, привстал на стременах и из-под руки посмотрел вслед уходящим наметом скифам.

– За мной! – прогремел над полем боя призыв воителя. – Сарынь на кичку! Мочи их, братва!

Несколько мгновений македонская кавалерия растерянно топталась на месте, но потом перестроилась и помчалась за своим предводителем, в одиночку преследовавшим отчаянно удиравшее скифское войско.

Какой-то всадник зацепил Элен, и ее отбросило в сторону. Разведчица крепко приложилась головой о землю и уже не увидела, как серпоносные колесницы персов ударили во фланг начавшей разворачиваться фаланге македонцев...

Битва завершилась. Уже свысока поглядывающий на побежденных Дарий объехал по периметру поле боя, уже закончили суровые персидские пехотинцы сгонять в отары деморализованных солдат разгромленного войска...

Элен зашевелилась и со стоном ощупала голову. Даже шишки не было! «Виртуальная травма», – поняла разведчица и, собравшись с силами, достала плоский экранчик, который вручил ей на прощание смотритель свалки программ. Нажала нужную клавишу, всмотрелась...

По необъятным степям Причерноморья устало плелись остатки некогда великого войска. Враг ускользал, всадники на вислоухих мышастых лошадках маячили где-то на горизонте. Изредка подкрадывались они ближе, выпускали в измученных македонцев несколько стрел и снова растворялись в знойном мареве...

К Александру Великому приблизился гетайр.

– Государь, посол от Пармениона, – хрипло выдохнул он сквозь пересохшие губы.

Подъехавший всадник был покрыт слоем пыли, собранной на долгом пути от Тигра до Днепра. Он встретился глазами с непобедимым воителем и опустил голову.

– Неужто продули битву при Гавгамелах? – спросил Александр, хотя и так все было ясно.

– Да, Великий, – признался посланник.

– Чур меня! – возопил воитель. – Горе мне, душегубцу окаянному!

Он повернулся к стоявшему рядом стратегу, вперил в него тяжелый взгляд.

– Паки, паки... – растерянно пробормотал тот. – Иже херувимы... Житие мое...

– Какое житие?! – взревел царь Македонии. – Ты посмотри на себя, прыщ смердящий! Горе мне!.. Шведы Кемь взяли... И мальчики кровавые в глазах...

Картинка вдруг замерла. Элен быстро осмотрелась. Виртуальные воины застыли в нелепых позах, посетители кибера, наоборот, начинали приходить в себя и в недоумении крутили головами.

– Это безобразие! – визжал давешний саддамоненавистник. – За что я платил деньги?! Требую адвоката!

Его кривые ножки подкосились – давало себя знать слишком долгое пребывание в виртуальном мире. Разведчица подалась было в его сторону, но поняла, что теперь обойдутся без нее: невесть откуда появившиеся отряды спасателей торопились оказать помощь всем, кто в ней нуждался. Элен тряхнула головой и опустилась на землю, истоптанную сандалиями воинов и копытами лошадей.

– Молодец, девочка, – услышала она и подняла взгляд.

Рядом стоял шеф спасательной службы Главкиберстроя Самсон Давидович Напареули. Он улыбался.

– Отличная работа, – услышала разведчица и улыбнулась в ответ.

6. Чужой. И один в поле воин

Алекс знал, что рискует. Но времени не было, и он решил идти не по хорошо знакомым и проверенным темпоральным ветвям, а по *плети* времени. Она была тонкой, ненадежной, извилистой, свивающиеся в клубок петли грозили увести в прошлое, оторвать от привычной реальности. Однако Алекс чувствовал: по ней можно пройти к *нужной* точке. Как всегда, в минуты опасности включилось странное свойство его организма, которое сам темпор-штурмовик называл *внутривидением*. Он действительно *видел* временной поток, по которому шел, знал, где находится темпоральная точка, из которой можно выйти в непосредственной близости от Чужого.

Путь был нелегким. Темпор-волны *закручивали* штурмовика, сбивали направление, путали нейтронные связи в полушариях головного мозга. Пришлось *включить* давным-давно заблокированный эволюционным процессом крестцовый отдел спинного нервного ствола, довериться инстинктивному умению ориентироваться в пространстве и времени. Стало легче. Выдержав первые *темпоральные наезды*, тренированный организм приспособился, перешел в режим самозащиты. Теперь Алекс успевал улавливать уголками глаз странные призрачные картины, струившиеся по оболочке временной плети. То были варианты прошлого: и давно минувшего, и так и оставшегося нереализованным.

Место, где ему предстояло покинуть ненадежный временной поток, штурмовик определил *качественно*. Темпоральная плеть плотно обвивала одну из ветвей обратного времени, оболочка ее истончилась, создавая возможность перехода в нужную Алексу реальность. Смущало то, что рядом находилась бурно развивающаяся временная почка, готовая выбросить молодой темпор-росток, и Алекс *вошел в темп*, стараясь как можно быстрее пройти опасный участок. Это удалось, и вскоре он оказался там, где и планировал, — на безжизненной поверхности Ио, неподалеку от тускло блестящего купола законсервированной несколько лет назад темпор-станции.

Куколка спецкостюма мгновенно отреагировала на изменение внешних условий, превратившись в скафандр высшей защиты. На плечи навалилась тяжесть, но Алекс знал, что через десяток секунд неприятные ощущения исчезнут. Он дал команду организму справиться с избыточной перегрузкой и огляделся.

Грязно-бурый диск Юпитера наваливался на близкий горизонт, а на его фоне... Алекс присмотрелся. Да, он не ошибся! Рядом с куполом темпоральной станции возвышалось нечто, напоминающее не то сгла-

женный весенним солнцем сугроб, не то гигантского, лишенного рожек слизня. Чужой! Извечный враг, загадка, которую никому еще не удалось разгадать... Возникло ощущение, что внимательные глаза пристально следят за человеком, выжидая момент, чтобы уничтожить дерзкого штурмовика, стереть его в темпоральную пыль.

Алекс передернул плечами, отгоняя наваждение, и двинулся к «лысине» – так не без юмора называли исследователи купол станции, и впрямь напоминающий макушку тщательно обритого черепа.

Несмотря на то, что люди покинули станцию достаточно давно, автоматика оказалась в рабочем состоянии. Входная дверь, подчинившись приказу, отданному Алексом, скользнула в сторону, пропуская его в купол. Темпоральщик *стремительно* прошел через анфиладу комнат первого этажа, шагнул в кабину лифта, нажал нужную кнопку. Кабина мягко скользнула вверх, и через несколько мгновений Алекс оказался у пульта управления станцией. Быстро включил экран внешнего обзора, вгляделся в показания приборов и нахмурился. Чужой оказался гораздо ближе к станции, чем казалось со стороны. Его *укоренившаяся* часть находилась в каком-нибудь десятке метров от купола. Возникало ощущение, что странное существо пытается дотянуться до станции. Алекс быстро нашел временную ветвь, в которой находились его товарищи, и облегченно вздохнул. Юрка и Штефан сумели уйти из зоны темпоральной аннигиляции. Штурмовик прикинул, смогут ли они пробиться к ангару, где хранился медлительный, но надежный «Богомол». Шанс добраться до вездехода у друзей был, хотя и весьма призрачный. Но это все же лучше, чем ничего...

Алекс быстро защелкал клавишами, пытаясь установить связь с Управлением. С пятой попытки это ему удалось. На экране возникло осунувшееся лицо Сухова. Увидев темпор-штурмовика, Федор радостно улыбнулся.

– Ты? Жив! Ну, молодчина. Где находишься?

Понимая, что время дорого, Алекс ответил коротко:

– На Ио. Говорю со станции. Есть любопытная информация...

– Ты прости, – перебил его Сухов. – Мы готовим десант, запарка страшная. Немного разгрузимся, и я сразу с тобой свяжусь. Идет?

– Принято, – кивнул Алекс, отключая связь.

Негромкие хлопки в ладоши – звук абсолютно невозможный на безлюдной станции – заставили его резко обернуться. Та-ак... В нескольких шагах от пульта управления стоял давешний горбоносый кавказец и нехорошо ухмылялся. За его спиной топтались еще четыре типа с мрачными физиономиями профессиональных убийц.

– Добрался-таки, – произнес горбоносый, перестав аплодировать. – Правду говорили, что ты парень шустрый.

Алекс внимательно осмотрел его и холодно спросил:

– Кто вы?

Горбоносый дернул губами.

– А это имеет значение? Ах, да... Тебе ведь нужно как-то ко мне обращаться. Ну, что ж... Именуй меня Посредником. Да, именно так. Это соответствует истине.

– И кого же вы представляете?

– Не догадываешься? Странно. У тебя репутация проницательного человека. Так и быть, сообщу. Разумеется, Братство Обрезателей темпоральных ветвей. Причем не просто представляю. На меня возложено руководство всеми боевыми организациями Братства. Поэтому близкие друзья называют меня Генералом.

– Об этом я догадался. Но, похоже, это лишь одна сторона вашего... м-м-м... посредничества. А вторая?

– Всему свое время, – уклонился от ответа горбоносый. – У нас сейчас совсем иные, к тому же конкретные задачи. И первая – заполучить в свое распоряжение пульт, за которым ты так удобно расположился. Ты мне мешаешь. Поэтому отойди тихонечко в сторону, не заставляй нас применять силу.

– А если я не соглашусь?

Горбоносый нахмурился.

– Я человек где-то даже сентиментальный, ты мне ничего плохого не сделал. Пока. Зато мои соратники – люди грубые, причем очень умелые и решительные. Чужие мучения доставляют им наслаждение. Поначалу я планировал просто запереть тебя в каком-нибудь пустом помещении. В итоге ты туда все равно попадешь. Вот только ни за здоровье, ни за саму жизнь твою я не поручусь.

– Закир, хватит вести с этим козлом пустой базар, – вмешался в разговор один из спутников горбоносого.

И тут же другой бандит резко взмахнул рукой. Алекс увидел внутривидением летящую в него метательную звездочку. Штурмовик пригнулся, и сюрикэн со звоном врезался в металлопластиковую стенку купола.

– Браво! – кивнул горбоносый. – Но это тебе не поможет.

Он сделал шаг в сторону, и тут же в руках остальных громил появились короткоствольные пистолеты. Боевики извлекли их невероятно быстро, но что стоила их скорость в сравнении с *темпом*, в котором уже находился Алекс! Штурмовик *вошел* в сжатое время и метнулся к врагам. Человеческий глаз был не способен уследить за его движениями.

Голова бандита, стоявшего ближе всех к пульту, дернулась. Послышался хруст шейных позвонков, и безжизненное тело отлетело в сторону. Второй боевик получил жестокий удар, разорвавший ему селезенку и поджелудочную железу, третий остался без глаз и дико выл, катаясь по окровавленному полу, пока *направленный* удар не оборвал нить его никчемной жизни. Последний из спутников горбоносого успел спустить курок, но пуля так и не нашла цель, похожую на смазанную тень. Сюрикэн, подхваченный Алексом, врезался бандиту в переносицу и с хрустом углубился в череп.

Штурмовик вышел в реальное время и повернулся к горбоносому, который все это время независимо стоял в стороне, словно происходящее его абсолютно не касалось. Наконец, оглядев результаты побоища, он соблаговолил заговорить.

– Жаль мальчиков. Но сами виноваты. Упорно не хотели учиться. А ты, оказывается, кое-что можешь. Вот только пользы это не принесет. Ведь я и в самом деле Посредник...

Горбоносый развел руками и... исчез. В то же мгновение страшный удар обрушился на Алекса, за ним последовала целая серия. Темпоральщик не мог уследить за невероятно вертким и стремительным противником. Не хватало нескольких тысячных секунды – жалких крох времени, чтобы вписаться в *темп*, принятый горбоносым. Особенно сильный и точный удар потряс Алекса, и он потерял сознание. Когда штурмовик пришел в себя, то почувствовал, что лежит на полу, а его правую ногу разрывает острая боль.

«Двойной перелом костей голени, – понял Алекс, *проанализировав* свое состояние. – Плохо дело...»

Перебирая руками по стене, он с трудом поднялся. Чернота, стоящая перед глазами, медленно отступила. Алекс увидел стоявшего рядом горбоносого.

– Вот так, – удовлетворенно произнес тот. – Я предупреждал...

Договорить он не успел. *Ввинчивающийся* удар штурмовик наносил из неудобного положения, но уверовавший в победу противник подошел к нему слишком близко. Падая, Алекс извернулся и врезал горбоносому здоровой ногой ниже пояса.

– Мать твою... – с трудом выдохнул тот и сломался пополам.

– А вот это ты зря, – с угрозой пробормотал темпор-штурмовик. – Моя мама – женщина, достойная во всех отношениях, и я не позволю всякому дерьму поминать ее в подобном контексте.

Он дотянулся до шеи горбоносого, нащупал *нужную* точку и обездвижил противника. Уже теряя сознание, тот просипел:

– Идиот! Ты ничего не понял... Взгляни на экран...

С трудом добравшись до пульта, Алекс нажал соответствующую кнопку, перевел взгляд на экран внешнего обзора и оторопел.

Над плоской поверхностью Ио висел диск темпорального корабля-матки. Десантные боты вылетали из него, как пчелы из улья. Они окружали Чужого, штурмовики занимали сектора атаки. Но не эта грозная картина и даже не то, что Чужой успел подобраться к самой оболочке купола темпор-станции, – смутили Алекса. Что-то происходило с временной ветвью, по которой Чужой просочился на Ио. Внутривидение подтвердило первое впечатление: ветвь *скукоживалась*. Значит, Чужой не сможет уйти туда, откуда появился, застрянет в Солнечной системе! Атака темпор-штурмовиков заставит его обороняться, и чем все это закончится, никому не ведомо.

– Наконец-то до тебя дошло...

Алекс резко обернулся в сторону горбоносого. Тот по-прежнему лежал неподвижно, глаза его были закрыты, но говорил, несомненно, он. Вот только голос Посредника изменил тембр, стал ниже и грубее.

– Растерялся! Люди всегда были недалекими существами. Лучше взгляни сюда...

Экран мигнул, и изображение на нем изменилось. К ветви времени, привлекшей внимание Алекса, был пришвартован темпоральный грузовик. Ничего особенного – изрядно устаревшая модель, но было в нем что-то непривычное. В следующее мгновение Алекс понял, что его смутило. На верхней палубе грузовика была установлена странная башенка, и из нее изливались темпор-волны. Сила их была невероятна. Волны разбивались об оболочку ветви, буквально раздирая ее внешний покров.

Вновь зазвучал холодный жестокий голос:

– Еще четверть часа, и ветви каюк! Чужой навсегда останется здесь. И я не завидую обитателям этой системы...

– Кто ты? – уже *предвидя* ответ, спросил темпор-штурмовик.

– У меня много имен. Для тебя я олицетворяю Зло. Но что есть зло по отношению к врагам, как не доброта к себе и своим близким?

– Маркиз Тьмы, – презрительно бросил Алекс.

– Можешь звать меня и так. Мнение жалких червей никогда не интересовало таких, как я.

– За что ты ненавидишь человечество?

Громовой хохот отразился от стен купола.

– Человечество? Какое мне дело до вас, ничтожных муравьев, ползающих по куче мусора, которую вы в гордыне своей считаете Вселенной? Вы – убогая тупиковая ветвь эволюции, пожирающая себя изнутри. Нет, я ненавижу не вас, ибо недостойны вы такого сильного чувст-

ва. Мой враг — этот скользкий уродец, которого ты и подобные тебе инфузории нарекли Чужим. Бесчисленные годы я пытался расквитаться с ним, и месть моя наконец свершилась!

Алекс с отчаянием посмотрел на экран. Было ясно, что оболочка темпоральной ветви долго не продержится. Всю свою силу, всю ненависть к существам, вторгшимся в жизнь человечества, вложил темпор-штурмовик в этот взгляд, но ничего не произошло. Алекс слышал, что на Земле есть люди, способные придавать словам и взглядам невероятную *физическую* мощь, но, увы, сам он к этим Избранным не относился...

Внезапно рядом с кораблем Обрезателей ветвей появилась яркая точка. Алекс приблизился к ней *внутривидением* и разглядел темпоральный вездеход. «Богомол» приближался к терзающему ветвь времени грузовику. Алекс напрягся и ясно увидел высокий лоб, редкую шевелюру, жестко прищуренные глаза...

— Юрка! — выдохнул он.

А Семецкий уже направил тяжелый вездеход на судно Обрезателей. Сплющилась башня, извергающая темпоральные волны, грузовик завращало, потом он вспучился и лопнул ослепительно ярким шаром. Во все стороны разлетелись обломки, и тут же возвратная временная волна стерла все следы безобразия с полотна бездонного Космоса.

Боль утраты и радость от того, что грозная опасность ликвидирована, смешались в душе Алекса. Он повернулся к врагу и презрительно посмотрел на него. Тело горбоносого свивали судороги, его лицо перекосилось, из плотно сжатых губ вырывался не то рык, не то стон:

— Не-ет! Нет. Нет...

И в этот момент произошло еще что-то. Алекс почувствовал присутствие *иного* разума. Стенки купола дрогнули. Чужой добился известной только ему цели и *проталкивался* внутрь станции. Темпор-штурмовик представил, как странная студенистая масса хлынет через порог, заполнит комнату до потолка...

«Вот и все», — мелькнуло в голове, но в то же мгновение на плечо Алекса опустилась крепкая *человеческая* рука. Он поднял голову и встретился с так хорошо знакомым с детства взглядом серых прищуренных глаз.

— Отец... — растерянно выдохнул темпоральщик.

— Я. Мы гордимся тобой, сынок!

— Мы?..

Еще одна фигура появилась в дверях. Человек, заметно припадая на правую ногу, подошел ближе, улыбнулся Алексу:

— Здравствуй, внук.

Долгий хрип привлек их внимание. Тело горбоносого каким-то чудом поднялось на ноги, глаза, в которых клубилась беспросветная темнота, *невидяще смотрели* в сторону двери на длинное тонкое щупальце, осторожно перебирающееся через порог.

Древняя всепоглощающая тоска обрушилась на Алекса. В его голове мелькнули странные размытые видения: освещенная ярко-голубым солнцем глубь океана, колония разумных моллюсков, подползающие к ней черные тени... Отголоски тысячелетней вражды, докатившиеся до Солнечной системы из глубин Космоса.

Алекс перевел взгляд на горбоносого. Внутривидение проявило существо, укрывающееся в телесной оболочке человека, - мягкое, уродливое, напоминающее только что вылинявшего краба.

– Это... еще... не конец... – с угрозой выдавило оно.

Но дед уже сделал шаг вперед, протянул к существу руку и властно *произнес*:

– *Изыди!*

Раздался удаляющийся вой, мертвое тело горбоносого плюхнулось на пол. Щупальце мгновение поколебалось и исчезло. Дрогнула поверхность Ио, воцарилась тишина, и Алекс явственно услышал щелчок переборки внутреннего космогаража станции. Раздалось клацание магнитных подков, и в помещение вошли два темпор-штурмовика, поддерживающие третьего, тяжело повисшего на их плечах. Забрала шлемов поползли вверх, Алекс увидел покрытое грязными разводами лицо Семецкого и с облегчением вздохнул:

– Жив, курилка!

Юрка хитро улыбнулся:

– Ага. Обычная прогулка. Жаль только, Штефана помяло... Ну да ничего, оклемается. А смена у нас, скажу тебе, подросла неплохая.

Алекс посмотрел на третьего темпоральщика и с удивлением узнал Сидора Молотова. Семецкий же продолжал свой рассказ:

– Когда мы со Штефаном зависли в одном дырявом спасательном пузыре на двоих, думал: всё – хана! А тут, откуда ни возьмись, этот молодец...

Алекс перебил друга:

– Постой. Объясни лучше, как тебе пришла в голову идея протаранить судно Обрезателей?

Юрка наивно заморгал.

– Ты разве об этом не просил?

Вот и пойми, когда он говорит всерьез, а когда шутит! Алекс только рукой махнул.

– А Чужой опять улизнул, – прокашлявшись, сказал Молотов.

– Не улизнул, а ушел. – Голос отца вернул Алекса к действительности. – Ушел, но дорогу оставил. И пройти по ней предстоит тебе, сын.

– Мне? – Алекс грустно улыбнулся, осторожно пошевелил сломанной ногой и в недоумении вскинул брови: – А... – И тут же все понял, подошел к деду, обнял его. – Вот, значит, почему ты всегда хромал...

Тот отмахнулся.

– Брось. Меня в моем времени починили быстро. А тебе медлить нельзя. Нужно идти. *Дорога* ждать не будет.

Семецкий нахмурился.

– А мы?

– Сначала он, – твердо сказал отец. – Потом этим путем пойдешь и ты, и остальные...

Эпилог

Оген шлепнулся на живот и заскользил по тщательно натертому полу. Кто-то громко охнул. «Наверняка мама», – успел недовольно подумать он, но все звуки уже заглушил заливистый смех. Веселилась, конечно, Ленка. Она аж кулачками по парте постукивала от восторга. Лешка стоял у Звездных ворот – значит, только что появился – и тоже хмылился. «Ладно, я с вами еще поквитаюсь», – мелькнуло в голове Огена, но эта мысль тут же ускользнула куда-то на задний план. Он вскочил и радостно взмахнул пластмассовой саблей, которую все еще сжимал в руке.

Учитель, не скрывавший довольной улыбки, поднялся из-за стола. И все притихли, троица встала плечом к плечу и с трепетом ожидала приговора.

– Ну, что ж, Марья Ивановна, – не стал испытывать их терпение учитель. – Замечательные у вас дети. Умницы! Всем с чистой совестью ставлю «пятерки».

Счастливая мама была уже рядом. Поправила Леночкины косички, смахнула кусочек грязи со штанишек Женьки, пригладила непокорный вихор на макушке Алексея...

– Вам спасибо, – с чувством сказала она. – Что бы мы без вас, Аполлинарий Фомич, делали?

Семен Курослепов возвращался с работы усталый, но довольный. День прошел удачно: и перед заказчиками удалось себя показать, и зарплату выдали – купил сорванцам-близнецам «сникерсов-марсов». И то сказать, первый экзамен – запомнится этот день ребятишкам.

Дома главу семейства встретили восторженно. Неугомонная троица прыгала вокруг, дергала отца за одежду, без умолку верещала:

– У нас у всех пятерки! – Пятнадцать на троих! – Бабушка нас с иконой встречала! – А мама пирог испекла!

– Мы уж тебя не стали дожидаться, – шепнула жена. – Извини.

– Все правильно, умница, – ласково улыбнулся Курослепов. – Праздники откладывать не стоит.

Наконец все подарки оказались вручены, и виновников торжества отправили по спальням. В квартире воцарилась тишина.

– Все-таки непонятно мне, – заговорил Семен, откладывая в сторону газету. – Когда я учился, преподавали нам литературу от давнишних времен до наших дней. А сейчас все вперемешку. Какой в этом смысл? Может, ты, Сергей, пояснишь?

– Делать нечего, вот и мудрят, – успела вставить привычные две копейки теща.

– Видишь ли, папа... – Старший сын аккуратно закрыл толстый том «Поэзии Серебряного века». – Мне кажется, все правильно. Объем написанного растет, разве все можно изучить? Вот и пошли по единственно логичному пути: от простейшего – к более сложному. Ты ведь тоже поначалу на заводе болванки резал и только потом на детали перешел.

– Может быть, может быть... – не стал спорить Курослепов.

И уж когда решили расходиться, Сергей, потягиваясь, сказал:

– Вы все-таки малышню не очень захваливайте. Ну что это за предмет – «Русская фантастика начала XXI века»?! Да его любой пэтэушник сдаст. Особенно если компьютером обзавелся...

Алексей Бессонов

КРАСНЫЕ ПЕРЬЯ ЛЮБВИ

Алексей Бессонов — романтик. Его влечет черная бездна космоса, золото командирских лычек, белизна инопланетных снегов. Под его пером рождаются истории подъема и упадка галактических империй, истории верности и предательства их воинов (таковы книги «Алые крылья огня», «Змеи Эскулапа», «Черный хрусталь», «Наследник судьбы»). Обычно подобные сюжеты существуют в формате многотомных «космических опер». Но и жанр короткого рассказа для них не заказан, о чем свидетельствует это произведение.

Маневры закончились. Десант благополучно высадился на заранее намеченный плацдарм (двоих рядовых и одного унтера санитары споро утащили в реанимацию с переломами позвоночника, а один молоденький лейтенант умудрился свернуть себе шею, с разбега всунувшись в люк боевой машины), «синие» лихо отстреляли «красных» и подготовили плацдарм к приему тяжелых кораблей, после чего все пошло, как положено, то есть по плану. Офицеры от капитана и выше достали из сапог контрабандные фляги со спиртом, пьянство очень скоро перешло в феерическую стадию, но летальных случаев не наблюдалось.

Откланявшись, отбыли посредники из союзных миров. Маневры закончились: командующий поставил свою размашистую подпись под резолюцией, приложил к идентификатору ладонь и поднял голову — крупный, слегка погрузневший вице-маршал с гренадерским черепом над левым карманом темно-зеленого кителя.

Он смотрел на наблюдателя от военно-космических сил, седого, с висячими усами, генерал-коммодора, который сидел, прихлебывая лимонад, в соседнем с ним переносном креслице.

Генерал встал; синий мундир липко облегал его ладную юношескую фигуру.

– Благодарю вас, – произнес он, склоняясь над почтительно придвинутым к нему штабным документом.

Росчерк пера; маршал вскочил и протянул старику широкую пухлую ладонь.

– Нас ждет ужин, ваша милость.

– Польщен, старина. – Теперь, после того, как чернила легли на пластик тесным, трудно различимым узором, генерал позволил себе дружелюбную улыбку. – И чем же вы станете потчевать старика?

Коммодор был не тщедушен, а – узок, словно вытянувшийся от долгой службы канат. Здороваясь со штабным офицером, он неизменно касался пальцами его плеча, и молодой здоровяк с аксельбантским шнуром вытягивался в нитку, испытывая страстное желание пасть ниц перед этим стариком с Рыцарским крестом на небрежно завязанном узле черного форменного галстука.

Даже фуражка всегда сидела на нем как-то криво, фатовски, будто бы сдернутая ветром и небрежно водруженная на место.

В нескольких метрах от серебристого пенного блока штабного узла уже был накрыт стол. Слабый ветерок гнул бирюзовую траву – то был новый, недавно открытый мир, и вокруг штаба охрана рассыпала цепь силовых эмиттеров, отсекающих все живое. Впрочем, генераторы уже готовились отключить. Энергорота сворачивалась, на ее место заступали обычные караульные, а биологи клялись, что опасных насекомых здесь нет в принципе.

В прохладном, наполненном травяными ароматами воздухе витал запах жарящегося на огне мяса. Четверо поваров в белых халатах поверх формы колдовали над вертелами и мангалами, еще несколько их коллег поспешно проверяли, все ли приборы стоят там, где положено.

Офицеры, потягиваясь и перешучиваясь, высыпали на скошенную поляну. Под высокими ботфортами штабных хрустнули чужие камешки, поплыл сигарный дымок, и вице-маршал, улыбаясь, махнул рукой, призывая всех к столу.

Адъютант подвел генерала под правую руку командующего, но маршал вдруг замялся, глядя на старика в синем; тот мягко улыбнулся, обвел глазами стоящих у стола офицеров и разомкнул узкие губы:

– Прошу... леди и джентльмены.

Адъютант ловко поправил за ним стул. Гомон возобновился. Маршал налил наблюдателю полную рюмку виски и постучал по своему бокалу вилкой.

Шум стих – командующий, враз посерьезнев, встал, вроде бы нечаянно задел ножнами меча за столешницу и кашлянул.

– Первый тост – за нашего уважаемого гостя!

Командир отдельного дивизиона атмосферных машин, сидевший на противоположном конце стола, неожиданно поморщился. Вчера, после окончания учебно-боевых действий, старик вдруг попросил у него целую роту наблюдательных катеров и, прихватив с собой старшего офицера связи, умчался в неизвестном направлении. После десяти часов отсутствия связист рассказал ему, что они навертели бесчисленное количество витков вокруг планеты, разыскивая обломки какого-то старинного корабля. Ни обломков, ни вообще каких-либо следов катастрофы найдено не было, но вежливый старикашка заморил экипажи до такой степени, что люди едва добрались до своих коек. Не иначе, решил «атмосферник», он связан с флотской разведкой, а все эти маневры всего лишь ширма... настроения эта мысль ему не прибавила.

Выпивка привела штабных в приятное расположение духа, и поданный к столу шашлык был встречен одобрительным ревом. Седой генерал вполголоса разговаривал с командующим, сидящий напротив него начальник штаба от нечего делать рассматривал красивые руки главного энергетика – крупной, немного флегматичной блондинки, а фланги давно уже перестали обращать внимание на начальство и погрузились в размышления по поводу предполагаемых отпусков. Кто-то визгливо толковал о политике.

Неожиданно взгляд начштаба сосредоточился на лаково-черном кресте, висевшем чуть ниже левого кармана флотского старца.

– Ваша милость, – начал он, видя, что тот умолк и задумчиво глядит куда-то вдаль, – я вижу, вы участвовали в Винийском Побоище?

Коммодор недоумевающе взмахнул ресницами, словно не понимая, о чем его спрашивают, потом вдруг опустил глаза.

– Это было так давно... – негромко произнес он.

– Чуть меньше ста лет тому, – услужливо подсказал начштаба. – Ваш крест...

– Да, вы, конечно, правы... понимаете ли, я тогда был совсем молод...

Начштаба встал и поднял свою рюмку:

– Имею честь предложить тост! За вас, генерал!.. За то мужество, которое...

– Ах, что вы, – взмахнул рукой коммодор. – С этим временем связано слишком многое...

Он умолк, проглотил свою порцию и в задумчивости повертел вилкой с наколотым на нее куском мяса – но все сидящие рядом умолкли, поняв, что старик не просто «переполнен» своей памятью, нет, с черным крестом действительно связано нечто, во многом определившее всю его дальнейшую жизнь.

– Я командовал тактическим разведчиком... – Вилка мягко легла на тарелку, в зубах генерала сама собой возникла тонкая черная сигара, и командующий поспешил поднести ему зажигалку. – Это были маленькие кораблики, нас отстреливали от линкора-носителя, и мы шли – часто на верную смерть. Пять человек, стиснутые в крохотной, кое-как бронированной коробочке, мы не имели ни мощного оружия, ни моторов, способных унести нас от противника, – только аппаратура наблюдения и связи, ничего больше. Но – война: кто из нас выбирал?.. Я... мне было чуть больше двадцати, и у меня была она: мы росли с ней вместе, потом мы закончили одну и ту же академию и, так уж сложилось, получили назначение на один и тот же корабль. Она была моим штурманом; сейчас уже совершенно не важно, как ее звали... Я, знаете ли, не боюсь запутаться в событиях, я помню все так, словно это произошло вчера. Приблизительно в этом районе, может быть, в парсеке отсюда, ожидалась незначительная концентрация сил неприятеля. Знаете, как это бывает: аналитики предполагают... цель казалась слишком заманчивой, и нам следовало проверить, насколько их домыслы похожи на реальность. В таких случаях, как вы понимаете, не принято думать о жертвах и потерях. Задача ставится – и всё, тем более что бортразведчик есть единица расходуемая... изначально.

Генерал умолк и сам налил себе виски. Командующий и остальные слушатели поспешили сделать то же самое, но старик, по-видимому, не обращал на них ни малейшего внимания.

– Она была рыжая, даже, я бы сказал, красная: мутации Парадайз-Бэй, мы родились там, уже потом наши родители перебрались в другое место. В экипаже мы шутили, что ее необыкновенные волосы служат нам чем-то вроде талисмана. Удивительно: в ту прагматичную эпоху, очень далекую от сегодняшнего романтизма, мы не искали друг в друге выгоды, мы были друзьями... боюсь, сегодня это понять нелегко, мы вернулись к стародавнему идеализму, а тогда, уж поверьте мне на слово, хорошенькие девушки гнались за контрольными пакетами акций, а не за лейтенантскими погонами.

Кто-то негромко фыркнул. Генерал с улыбкой посмотрел на светловолосую женщину-энергетика и пригубил из своей рюмки.

– Мы не просто любили друг друга – мы жили только в те минуты, когда оказывались вместе. Нет-нет, мы не давали никаких клятв, тогда они были не в ходу, но все прекрасно знали, что наши отношения... э-э-э... далеки от предписанных уставами. Как ни странно, мы совершили несколько весьма удачных вылетов, не получив ни единой царапины. Нас считали удачливым экипажем, постепенно мы и сами поверили в собственную неуязвимость. Мы надеялись, что пройдем всю войну без

потерь... в тот день мы благополучно отстрелились и пошли к точке поиска. Операция была спланирована тщательно: нам следовало пройти на пределе разрешения поисковых систем, передать на борт полученную информацию и немедленно возвращаться обратно. Но на войне самые лучшие планы часто превращаются в ничто: в точке поиска никого не оказалось, и мы получили приказ следовать к этой системе. Тогда она была еще не исследована, никто не знал даже точного количества планет. Спустя сутки мы вытормозились после сверхсветового броска, и буквально через минуту были атакованы малым сторожевиком охранения. Мы огрызнулись (у нас были две легкие башни), и он слегка отошел, но следующим же залпом снес нам главную антенну. У нас была необходимая информация, однако передать ее мы не могли. Я понимал, что обязан вернуться на носитель любой ценой, но...

Шум за столом постепенно стих, и офицеры, немного удивляясь сами себе, завороженно слушали ровный, лишенный эмоций голос генерала. Он рассказывал свою историю так, словно читал академическую лекцию, – и в то же время громадная, странная для них сила его страсти заставляла штабных недоуменно щуриться, прислушиваясь к этому сухому, казалось бы, рассказу. Вокруг них едва слышно шумел травами ветер.

– Проблема заключалась в том, что на тактических разведчиках типа «Рифи» штурманский пост расположен в корме. Залп сторожевика уничтожил бортинженера и оператора систем наблюдения, вся средняя часть корабля была изуродована и перекручена, но мы с офицером информационного узла могли уйти и добраться до базы на отстреливаемой носовой части. Любимая оставалась в корме... В ее распоряжении находились двигатели и навигационное оборудование, но на сверхсвет она не перешла бы, так как залп сторожевика уничтожил главный генератор. Она могла двигаться в пределах этой самой системы, могла сесть – и даже, используя спасательную аппаратуру, подать сигнал. Возникал вопрос: мог ли я бросить ее?

– Уйти вместе вы не могли? – тихо спросил командующий.

Генерал пожевал губами, потом опрокинул в рот остатки виски и взял тлеющую в пепельнице сигару.

– «Рифи» был устроен по-дурацки, – ответил он, не поднимая на гренадера глаз. – Я убил бы того, кто его сконструировал. Генератор!.. До носителя могла дойти только носовая часть, но у нее... у нее, видите ли, не было возможности туда пробиться. Я... – Он глубоко вздохнул и провел рукой по лицу. – Я принял решение искать место для посадки. Тогда офицер обработки достал бластер и приставил его к моей голове. Я ударил его в висок, он отлетел в угол рубки и перестал

дышать. И через секунду я услышал ее последние слова... а потом – толчок, она отстрелилась.

Командир дивизиона атмосферных машин ощутил, как на лбу у него выступили капли пота. Он незаметно сплюнул себе под ноги и, схватив ближайшую бутылку с коньяком, налил себе полную рюмку – а потом, убедившись в том, что на него никто не смотрит, залпом отправил коньяк себе в глотку. Через несколько секунд очертания командующего приобрели не свойственную им четкость, комдив моргнул и дал себе слово сегодня же ночью напиться по-настоящему.

– И что же она сказала вашей милости? – осторожно поинтересовался вице-маршал.

– А? – Генерал облизал губы и ответил ему своей обычной вежливой улыбкой. – Она сказала: «Ты найдешь меня»...

– И что же, ее не искали? – удивилась блондинка-энергетик.

– Тогда не искали даже генералов, кто стал бы искать какого-то лейтенанта... Мой офицер обработки выжил, но не сказал ни слова; эта история забылась, и я...

Над столом повисло молчание. Некоторое время штабные сидели как истуканы, пораженные только что рассказанной драмой – сухой и короткой, однако же потрясшей их до того, что хмель неожиданно ушел, оставив после себя лишь тяжесть в сердце, – а потом генерал как ни в чем не бывало подлил командующему виски, и они опять тихонько заговорили о каких-то своих делах. Повара́ подали поросят, выпивки было достаточно, кто-то уже принялся целовать хохочущих дам, посреди стола икотно цитировали Мольтке, а далекое солнце разлило над бирюзовой степью спелую закатную медь. Небо приобрело удивительный, непривычный глазу лиловый оттенок, и вряд ли кто различил в нем небольшую тень, кругами снижавшуюся над серебряным куполом командной времянки. Начальник штаба спохватился только тогда, когда над столом промелькнуло ярко-красное пятно и довольно крупная птица с красивым, отливающим золотым блеском алым оперением неожиданно уселась на левое плечо генерал-коммодора. Начштаба вскинул бластер, но генерал вдруг предупреждающе поднял руку.

Птица наклонила свою изящную, украшенную черным хохолком голову к его уху и мелодично промурлыкала что-то. Командующий замер с рюмкой в руке – он смотрел на старика-генерала и видел, как разглаживаются лучики морщинок, разбегающиеся от его светлых, как у ребенка, глаз.

– Это... ты? – прошептал генерал, осторожно касаясь оранжево-красного крыла.

Дебют в «ЗД»

Макс Олин

ДЖЕК-ПОПРЫГУНЧИК

«Звездная дорога» представляет своим читателям дебютный рассказ молодого екатеринбургского фантаста Макса Олина. Автор пишет о себе так: «Родился в 1978 году. Смутно помнит, что был послан на Землю с Великой Целью, которую успешно забыл по прибытии и стал заниматься всяческой ерундой. Поэтому он: немного художник, немного скульптор, немного фотограф, немного писатель и немного журналист... хотя нет, журналист — слишком много. Образование полуразмытое. Характер скверный. Не был. Не привлекался. Не женат, но вдруг?» Добавить, кажется, нечего. Разве только то, что публикации в журналах, в отличие от жен, появляются далеко не вдруг...

Он сидит в мягком кресле напротив большого окна, за которым – шум городской толпы, перестук лошадиных копыт и скрип колес по булыжной мостовой Оксфорд-стрит. Рядом, на столике из полированного дерева, – свежий номер «Таймс» и курительная трубка, плотно набитая первосортным табаком. Где-то за спиной пьет утренний кофе Джессика, его будущая невеста. Они помолвлены. Через месяц состоится свадьба. Он слышит, как звенит, соприкасаясь с фарфоровой чашкой, маленькая серебряная ложечка. Словно колокольчик. И он улыбается, понимая, что все будет хорошо, несмотря на странное, гнетущее чувство где-то глубоко внутри.

Все будет хорошо, но...

Бывают мгновения, тонкие и невесомые, когда в бесконечной череде мыслей вдруг возникает провал. Черная, зияющая пустота, в которую норовит просочиться туман, густой и вязкий, вечерами расползающийся по сонному Лондону, проникающий в дом через дверные щели, оконные рамы, через камин, через погреб, через...

Большая белая комната.
Кровать, узкая, со спинкой из стальных прутьев.
Столик среднего размера, накрепко привинченный к полу.
Парочка стульев из пластика. Легкие, почти бумажные.
Ничего лишнего.
Даже окон нет.

Эта картинка вспыхивает в его голове, словно спичка в кромешной темноте ночи. Только на мгновение. Туман отступает, ведь он не мистическое чудовище, приносящее плохие сны, а всего лишь мельчайшие капельки рассеянной в воздухе влаги.

Он реалист. Он твердо стоит на ногах.

Чудесный бред и вещие сны – удел масонских лож и магнетизеров-одиночек.

Пока отсчитывает время Большой Бен, пока существует Лондон с его туманами и дождями, парками с аккуратными скамеечками для влюбленных, чопорными джентльменами, грузно опирающимися при ходьбе на фамильные трости, и бродягами, выпрашивающими полшиллинга, и пока существует он, сэр Джонатан Алекс Монро, мир может быть спокоен.

Мир может быть.

Ничто не украшало этот город так, как мог это сделать багровый закат, но и ничто более не делало его таким старым. Джонатан любил гулять по вечернему Лондону, особенно в обществе леди Джессики. Он не слишком опасался уличных крыс, хотя и признавал, что сумерки здесь страдают легким умопомешательством. Пару недель назад, во время одной из таких прогулок, их с Джессикой догнал какой-то бродяга. Он не просил денег, не жаловался на голодную жизнь и большую бедную семью, а просто бежал следом, иногда цепляясь грязными пальцами за край его сюртука, и повторял: «Пойми, Олег. Ты должен понять, Олег. Пойми, Олег!» У нищего был странный акцент, и он явно принимал Джонатана за своего знакомого, но быстро ретировался, едва на противоположной стороне улицы замаячил полицейский.

Сегодня Джонатан вышел на вечернюю прогулку один. Он собирал-

ся посетить мясную лавочку, перешедшую к нему по наследству от дяди, и обсудить кое-какие дела с управляющим. Лавочка приносила ему небольшой, но стабильный доход, к тому же он неплохо справлялся с биржевыми делами, считая своего маклера одним из лучших в Лондоне.

Сумерки плавно превратились в сырую мглу, озаренную лишь светом газовых фонарей на Седьмой авеню, когда Джонатан, покончив с делами, возвращался домой. Он почти заблудился в счастливых раздумьях по поводу будущей свадьбы, а потому не заметил, как из вороха теней в самом темном углу очередной подворотни выскочила и взвилась в воздух странная фигура в длиннополом сюртуке и мятом цилиндре. А минуту спустя сэр Джонатан Алекс Монро был сбит с ног запыхавшимся полицейским.

– Вы видели его, мистер? – Лицо полисмена блестело от пота, а глаза сверкали так, что Джонатан подумал, что к физической нагрузке здесь вполне мог примешаться страх.

– Кого?

– Джека-Попрыгунчика...

– Еще одного? – Джонатан вспомнил жутковатую историю трехлетней давности, когда убийца по кличке Джек-Потрошитель терроризировал лондонских шлюх. – Опять потрошит или только прыгает?

– Лучше пусть потрошил бы! – отмахнулся полицейский, – Тот, по крайней мере, был человеком. А этот... даже не убил никого! Пугает жителей до полусмерти, а они заваливают жалобами Скотланд-Ярд. Неужели вы не читали сегодняшний «Утренний вестник»? Именно там эту тварь окрестили Попрыгунчиком!

– Увы, я читаю исключительно «Таймс». – Джонатан покачал головой. – И, более того, я не верю в странных тварей.

Налетевший порыв холодного ветра заставил его поднять воротник сюртука и поежиться.

– Зря не верите! – воскликнул полисмен и помахал рукой куда-то в темноту проулка. – Шли бы лучше домой, мистер...

– Монро, – подсказал Джонатан. – Сэр Джонатан Алекс Монро.

Он обвел взглядом подошедших коллег полисмена – плотного бородача лет сорока на вид, для которого форма, кажется, была слишком узкой, и светловолосого коротышку с большой родинкой около носа.

– Вот, к примеру, Бэнкс, – кивнул полисмен в сторону бородача. – Не верил даже в Бога. А сейчас пересматривает свои взгляды, бедняга.

– Он прав, мистер Монро, – согласился Бэнкс. – Вы, конечно, не поверите в Попрыгунчика, пока сами его не увидите, но я вам этого и не желаю. Существо поистине странное и страшное, будто сам черт из

преисподней. Гонишься за ним, и вроде уже настиг, и впереди милый сердцу каждого полицейского тупичок за подворотней, а он ка-ак прыгнет через десятифутовую стену, и был таков!

– Чушь какая, – невольно поморщился Джонатан.

– Вам-то чушь, мистер Монро, а нам – работа. – Полисмен прищурил глазки. – Кстати, что вы сами-то делаете на этой темной улочке в столь поздний час?

Джонатан рассмеялся:

– Может, мне еще и попрыгать? Иду домой!

– Так идите, мистер Монро, идите. Не хватало еще, чтобы вы влипли в какую-нибудь пренеприятнейшую историю, а в этом обвинили трех лондонских полицейских.

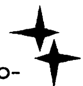
– Хорошо, буду рад последовать вашему совету, – улыбнулся Джонатан, – Удачи вам, господа!

– Удача нам понадобится, – процедил блондин с родинкой, и его коллеги закивали, словно фарфоровые японские статуэтки.

Оставив позади бригаду озабоченных полисменов, Джонатан с облегчением вздохнул. Дом был уже близко, поэтому он решил немного срезать путь, свернув на Ньюсворк-лейн, грязный переулок на северном берегу реки. Пару раз он оглядывался, услышав позади непонятные шорохи, но вскоре убедил себя, что это всего лишь ветер таскает по булыжной мостовой скомканные газеты и прочий мусор. Но, остановившись около закопченного фонаря, чтобы поправить шнурок на ботинке, а заодно прислушаться к подозрительным звукам, он внезапно обнаружил, что уличные тени ведут себя странным, неподобающим их природному положению образом. Так, две узкие линии, протянувшиеся от двух фонарных столбов, крутились по часовой стрелке, хотя никакого повода для таких метаморфоз Джонатан не находил. А одна из теней так и стелилась по мостовой, подбираясь все ближе и ближе, пока наконец не подползла вплотную к тому кругу света, в котором он находился, и не выпрямилась во весь свой немалый рост. Джонатан в испуге отшатнулся, благо вид визитера был самым что ни на есть адским: из-под помятого цилиндра на человека смотрели два багровых глаза, которые светились в темноте, будто старые лампы из фотомастерской, полы длинного черного сюртука трепал ветер, а упругая деревянная трость в руке незнакомца отбивала незатейливый мотивчик прямо на уличном булыжнике.

– Доброй ночи, мистер Монро, – произнес незнакомец. – Не правда ли, здесь хорошие ночи?

Джонатан машинально покивал головой, все еще не вполне осознавая намерения гостя, но и не рассчитывая ни на что хорошее. Все это

было странно, конечно, но в Лондоне, помимо грабителей, бесчинствовало достаточное количество шарлатанов, чтобы кто-то из них придумал столь эффектный розыгрыш для запоздалого прохожего.

– Не имею чести вас знать, – наконец выдавил Джонатан и сжал правую руку в кулак, уже прицеливаясь наглому шарлатану в челюсть.

– Некоторые называют меня Джеком-Попрыгунчиком, – улыбнулся незнакомец. – Говорят, это имя мне очень подходит.

– Что вам нужно?

– Не кипятитесь, мистер Монро. – Существо покрутило тростью и снова принялось отбивать на мостовой дурацкий мотивчик. – Мне нужно всего лишь уничтожить мир. Бессмысленный, грязный, прогнивший, погрязший в грехах и разврате мир, в котором вы существуете... И я это сделаю. Если конечно вы, мистер Монро, не убедите меня, что человечество должно жить дальше.

– Чушь какая! – в очередной раз воскликнул Джонатан и повернулся, чтобы уйти. Он даже сделал десяток-другой шагов, но тварь словно свалилась с небес, преградив ему дорогу.

– Не верите, мистер Монро? Я вижу это по вашим глазам. Как мне убедить вас? Глаза... глаза... Ваши глаза, мистер Монро, давно с вами, не так ли? С самого вашего рождения? Не хотите ли посмотреть на мир моими глазами... моими... чужими... чьими угодно... – Речь Джека-Попрыгунчика стала сдавленной, хриплой, словно он тонул во мраке и цеплялся за Джонатана, как за последнюю соломинку. – Глазами, мистер Монро? Всего лишь глазами других?

– Да, только отстаньте!

– Все те люди, в которых вы разочаруетесь, существование которых не имеет для вас смысла, будут исчезать, мистер Монро, так и знайте. А через неделю я буду ждать вас здесь в это же время, и вы скажете мне, стоит ли жить остальному человечеству. – Тварь рассмеялась. – Есть ли смысл в их жизни, мистер Монро, вот что вам надо понять. Понять и сказать об этом мне. А там посмотрим, мистер Монро.

И наваждение исчезло.

Доктора поставили Олегу неутешительный диагноз: шизофрения. Разумеется, они провели с пациентом кучу тестов, сделали всевозможные анализы, но никаких органических и эмоциональных причин для того невероятного состояния, в котором он пребывал, не нашли. Впрочем, его случай был настолько экстраординарен, что больного перевели из обычной лечебницы в специальную палату исследовательского центра, чтобы лучше изучить все особенности его удивительного недуга. Да и родственники были не против, поскольку такой пациент не способен

был находиться даже в кругу семьи, а уж пособие им выдали щедрое. Как ни крути, Олег работал на науку, пусть даже этот факт его самого нисколько не впечатлял.

Дело в том, что больной неадекватно воспринимал окружающий мир, а по большому счету, как отметил заведующий отделением лаборатории Петр Евгеньевич, не воспринимал его вообще. Олег жил в своей реальности, и доктора поставили перед собой задачу вывести его из тьмы заблуждения на свет Божий.

Как раз тогда, когда все традиционные методы лечения разбились о неприступную убежденность больного в своей правоте, в дружный врачебный коллектив влился новый кадр — молодой перспективный специалист Владимир Горелко. Узнав, что пациент живет не где-нибудь, а в придуманном им самим Лондоне позапрошлого века, Владимир понял, что настал его звездный час. В свое время, еще будучи аспирантом, молодой доктор написал диссертацию по английской психиатрии того самого века, поэтому чудесное совпадение воспринял как знак свыше.

Именно Владимиру пришло в голову, что любой придуманный мир можно разрушить и пациенту ничего другого не останется, кроме как вернуться в реальность и зажить нормальной человеческой жизнью. Так был создан «Проект Джек», а за основу взят персонаж из английских бульварных газет того времени — непонятная тварь по кличке Джек-Попрыгунчик. Врачи предлагали взять Джека-Потрошителя, но Владимир заметил, что такой деструктивный образ может недостаточно впечатлить пациента. Либо спровоцировать его на агрессивные действия по отношению к тому, кто будет играть эту роль (ведь докторам придется исполнить целый спектакль в палате Олега).

Спектакли были одной из главных составляющих его заболевания. Через одностороннее стекло Петр Евгеньевич частенько наблюдал за путешествиями Олега по вымышленному Лондону, за его беседами с невидимыми людьми и призрачной невестой. Санитаров Олег принимал за случайных прохожих, а иногда — за гостей в его «доме на Оксфорд-стрит». Человека, который приносил еду, — за рассыльного. Даже брошенную на столик бумажку он считал свежим номером газеты «Таймс». Периодически Олег вставал с кровати, упирался головой в стену и перебирал ногами, будто куда-то шел, — такими были его прогулки по прекрасному городу Лондону. Это было невероятное, но бесконечно угнетающее зрелище, которое Петр Евгеньевич просто не мог спокойно созерцать. Лицо же Олега было счастливым и, более того, блаженным, особенно когда его сопровождала «леди Джессика».

Но после того как Владимир ввел в эту безумную игру персонажа по кличке Джек-Попрыгунчик, все изменилось.

Олег стал бояться. Этот страх поселился в его больших черных глазах, как паук в паутине. Он все еще «гулял по Лондону», но призрачная невеста покинула своего возлюбленного на целую неделю. Чаще же всего Олег просто сидел на кровати, смотрел в пустоту и перечислял незнакомых людей с их недостатками. Бесконечно перечислял, словно стремился перебрать все знакомые ему английские имена.

– Сэр Артур Эштон Смит, – говорил Олег, – благообразный джентльмен с манерами светского льва. Посмотрим, посмотрим... В детстве разрезал палец собственной няне, потому что хотел посмотреть, как течет кровь. С тех пор боялся вида крови, но это не помешало ему вчера ударить жену тростью по голове, а потом посетить публичный дом, чтобы развеяться, потому что он имел такое право. Как и право выпивать бутылку виски каждый раз по пятницам, и в этом его смысл... Прощайте, сэр.

Он закрывал глаза, которые на минуту становились злыми, и качал головой, а затем...

– Сэр Монтгомери, которому не нравится собственная фамилия и нос его супруги, который болел в юности гонореей и убивал голубей, чтобы... Убил сестру, случайно, но считает, что она сама виновата... Прощайте, сэр... А вот мисс Натали Бертон, благообразная Натали Бертон, которая завтра выйдет замуж за студента-медика и надеется, что он не сможет понять, что она уже не мисс, а миссис. Причем неоднократно миссис. Она считает, что у студента-медика, которого зовут Уильям, очень богатый отец, а для развлечений в постели ей подойдет знакомый моряк... и знакомый моряка... и знакомый знакомого моряка... и что цель жизни – это хорошо устроиться. А любовь и верность – дерьмо вонючее. Прощайте, мисс Бертон!

Именно это он сейчас и проделывал, а Володя с Петром Евгеньевичем стояли за большим односторонним стеклом и вполголоса обсуждали грядущие перспективы.

– Как ты думаешь, Володя, мы не ошиблись в подходе? Не слишком ли много мучений? Ведь найти смысл жизни – тяжелая задача даже для одного человека. А уж о человечестве не стоит даже рассуждать.

– Нам нужно его вернуть. – Владимир пожал плечами, но чувствовалось, что он уже ни в чем не уверен. – Сегодня он должен сообщить Джеку свой вердикт, и, как я погляжу, он не питает иллюзий по отношению к людям. Может, в нем говорит его жизнь до болезни? И он убежал в придуманный мир от своих человеческих проблем?

– Это были очень большие проблемы, наверное. – Петр Евгеньевич поморщился. – Посмотри, он вернулся домой.

Пациент за стеклом действительно сделал вид, что открывает дверь,

снимает шляпу и верхнюю одежду, а затем садится в кресло и закуривает трубку. Кажется, то, что роль трубки играл большой палец правой руки, Олега нисколечко не волновало. Он нервничал по другому поводу: сегодня был не только день встречи с Джеком-Попрыгунчиком, но и день приезда Джессики. Олег несколько раз вскакивал со стула, пересекал палату быстрыми и резкими шагами и притворялся, будто слышит, как на призрачном «втором этаже» ходит его невеста.

– Джессика, – шептал Олег, – мои чертовы глаза... Я хочу верить тебе, но может так случиться, что мне придется вырвать их. Ах, если б я только знал, в чем смысл. Джессика... зачем ты приехала?.. Мне надо уйти. Я не хочу смотреть на мир твоими глазами...

Он вскочил, устроив очередное шоу с «надеванием» уличной одежды, и уперся головой в стену. Похоже, прогулка обещала быть недолгой: он очень быстро перебирал ногами.

– Пошли, выпьем по коньячку, – предложил Владимиру заведующий. – Тебе ведь сегодня опять наряжаться Джеком-Попрыгунчиком. А пациент пока подождет.

– Не откажусь, – выдавил Володя, с трудом отрывая взгляд от стекла.

Они перешли в ординаторскую. Петр Евгеньевич выудил из шкафчика под вешалкой бутылку трехзвездочного коньяка и две маленькие рюмки.

– Был тут у нас один псих в прошлом году, – начал рассказ Петр Евгеньевич, разливая по рюмкам ароматную янтарную жидкость. – Поймали его менты за попытку убийства собственных детей. Так вот, он считал, что Земля – разумное существо. Человечество, по его мнению, это такой специальный вид удобрения, которое матушка-планета создала себе для прикорма. Представляешь, какие мы вкусные мегатонны праха производим ежегодно, а, Володя? Себя этот шизофреник считал мессией, который должен помочь Земле побыстрее накормиться. Помер от эпилепсии, да и черт с ним: за такое кощунство и этого мало было. Ну, за успех?

– За успех, – кивнул Владимир. – Знаете, Петр Евгеньевич, а ведь он странный, этот Олег. Иногда у меня самого бегут мурашки, так он играет роль. Страшно.

– Что страшно?

– Убежденность его. Вчера я зашел в палату, чтобы у него перед глазами помелькать, так он... Он меня за прохожего принял и заговорил. Долго говорил, а потом прошептал: «Исчезни». И я ушел, потому что... правду он сказал.

– Какую правду? – Доктор рассмеялся. – Слушай, Володя, не заду-

мывайся об этом. Просто вышвырни из головы, иначе станешь таким же, как он. Ну, давай еще по одной, за жизнь!

– За жизнь! – согласился Володя, залпом выпил коньяк и, прихватив черный плащ, помятый цилиндр, парик и красные линзы, выбежал из ординаторской.

Время Джека близилось, и все чернее становилась ночь в глазах пациента из специальной палаты.

– Смысл в том, чтобы понимать свои ошибки! – твердил сэр Джонатан, а безучастная тень Джека-Попрыгунчика нависала над ним, собираясь разрушить мир.

– А когда вы осознаете все ошибки, тогда в чем будет смысл вашего существования? – не унималась тварь.

– В прогрессе, в способности творить, в любви, в мире...

– А когда вы добьетесь всего этого? Где будет смысл?

– А разве смысл – это какая-то конечная цель? Одно за другим, до бесконечности...

Глаза Джека-Попрыгунчика налились кровавым светом, и он засмеялся.

– Хороший смысл! Бессмысленный смысл!

– Черт тебя дери, сволочь! Ну, убей меня! – Джонатан разбежался и ударил кулаком по ближайшей стене, да так, что стекла на втором этаже дома задребезжали.

Он больше не боялся полицейских или бродяг, которые могут услышать его беседу с адским пришельцем. Он просто мог посмотреть на мир их глазами, вселиться на короткий миг в их измученные грехами тела, увидеть их гнилое нутро, их самодовольные, паразитирующие души, и эти люди исчезли бы в мгновение ока.

Никто сегодня не помешает сэру Джонатану Алексу Монро найти смысл жизни, и если надо – он выдернет его из глотки этой твари!

– Смысл должны придумать сами люди! – кричал Джонатан.

– Так придумай, об этом я тебя и прошу, – улыбался Попрыгунчик.

Наконец человек устало сел на булыжную мостовую и опустил голову.

– Может, смысл в том, чтобы каждый получил то, о чем всегда мечтал? – прошептал Джонатан. – Но о чем мечтает человечество? Может, найти бессмертие? Постоянную компоненту среди хаоса жизни и смерти? Я не знаю...

На секунду он призадумался, но затем вдруг расправил плечи и встал, а глаза его, пронзительные, черные, впились в алые светильники на лице твари.

– Но одно я знаю точно: тебя нет. Никакого Джека-Попрыгунчика нет. Мистическое создание из преисподней – так ведь тебя называют? Считай, что шутка удалась. Потому что я знаю только одно существо на всем белом свете, которое, получив жизнь как данность, способно спросить: «Зачем?» Неважно, чья это жизнь – собственная или чужая... Хочешь посмотреть на мир моими глазами, человек, такой же, как и я?

Когда Володя вышел из палаты Олега, его уже поджидал Петр Евгеньевич. Молодой специалист выглядел задумчивым, погруженным в себя и, когда заведующий поинтересовался состоянием пациента, не сразу смог подобрать нужные слова.

– Знаете... – Владимир запнулся. – Знаете, Петр Евгеньевич, нам с вами больше здесь делать нечего.

– В каком смысле?

– В прямом. Вы были правы. Я слишком увлекся играми с сумасшедшим. Я ухожу из этого проекта, да и вообще из института.

– Мальчик, приди в себя. – Петр Евгеньевич всплеснул руками. – Так же нельзя. Давай мы переведем тебя в другое отделение. Зачем губить свою карьеру из-за какого-то психа?

– Я уже ее погубил, Петр Евгеньевич. Он более нормален, чем мы с вами, этот ваш псих. Вот что я думаю.

– Он здоров?

– Нет. Просто мы проиграли.

По дороге домой, в теплом кресле маршрутного такси, Володя безуспешно пытался задремать. Но картина, стоявшая перед его внутренним взором, никак не давала покоя и требовала немедленного объяснения, которого... не могло быть.

Он видел узкие улочки с трехэтажными кирпичными домиками. Видел людей в старинных одеждах. Видел туман, расползающийся по улицам старого города, клубящийся в тусклом свете газовых фонарей.

Он видел Лондон.

Александр и Людмила Белаш

ПОЛЕТ ЯЙЦА ЧЕРЕЗ ДОЛИНУ

Очевидная параллель, которая приходит в голову при знакомстве с рассказами пермяков Александра и Людмилы Белаш, — творчество Евгения и Любови Лукиных. Такой же искрометный и едкий юмор, такие же странные, сюрреалистические ситуации, в которых оказываются герои... Один подзаголовок к «Полету яйца...» чего стоит: «Картина "укиё-э" в стиле "макурадзоси" по мотивам якутского и ханты-мансийского эпоса». И в то же время — ситуации узнаваемые, юмор естественный, а герои живут не где-нибудь, а в нашей с вами стране. С точки зрения «ЗД», это не парадокс, но признак подлинного таланта.

Когда я перородился восемью восемь раз в восьмидесяти мирах, и душа моя вновь повисла яйцом на ветви Мать-Дерева, что стоит у слияния шаманских рек на берегу покойницкого моря, я взмолился:

– О, белые удаганки, позвольте мне родиться в России!

Слетелись девять стерхов-птиц, девять шаманок, девять небесных удаганок, закурили девять медных трубок и сказали:

– Зачем, душа, в Россию хочешь? Там, однако, плохо.

А я рогом уперся:

– Хочу претерпеть и в терпении окрепнуть. Хочу, хочу, хочу!

– Какая душа страстная! Откуда, душа, про Россию знаешь? – спросили удаганки.

– Был я в сорок седьмом мире Дзян, где железное солнце, где правит медная идолица, и там дух, перородившийся утюгом, говорил мне, что тот не дух и не скиталец по мирам, кто не бывал в России.

– О-о-ох! – закачали головами вечно юные небесные шаманки. – Россия – далеко-о-о-о, в бедственном Нижнем мире, в Земле Где Об-

лизываются, в долине Чёртечох, где навыворот все живое. Ты, душа, туда не ходи! Давай мы тебя японцем в Калифорнии родим — хочешь?

И то, и другое предлагали мне, но я не унимался, день и ночь о России бредил. Утомились удаганки уговаривать меня, раскинули щепки и дохлые кости, стали спрашивать духов:

— О, дух-олень, дух-кабан и дух-жаба, как нам неистовую душу спровадить?

Слетелись духи, как на помойку мухи, закружились, загикали, заверещали:

— Дайте нам душу в когти, дайте нам душу в зубы, отнесем ее в Россию, кинем сверху вниз!

И полетел я стремглав с тремя духами; когда миновали мы семибездное голубое небо, стала видна Россия — стояла она на своем, словно лютый мороз, в клубящейся долине Чёртечох. Духи зубы и когти разжали, упал я в Россию, а они мне вслед напутствовали:

— Пусть расширится твоя голова! Пусть умножится печень твоя! Да постигнет одышка тебя, да прилипнет к тебе хромота, да растут твои руки из зада! Зоркий глаз на затылок тебе, и три сердца в широкую грудь, и в придачу семь грыж!

Отягощенный грыжами, летел я плохо и все время задевал за провода. Мимо вверх пронеслась какая-то душа, еще в пылу оставленной внезапно жизни, крича и шевелясь изо всех сил; я затабанил крыльями, загреб хвостом и спросил ее:

— Is it Russia?

— Мать, мать! — ответила душа невнятно и умчалась к изначальному Мать-Дереву. Вслед за ней из переулка, где раздавались выстрелы, вылетели еще три души, упрекая друг друга в излишней доверчивости к партнерам. Отчаявшись объясниться с ними, я грянулся оземь и воплотился.

— Мочи его! — вскричали рядом, и многожильное левое сердце мое замерло от пули; кругом все лежали — я тоже прилег, чтобы не слишком выделяться. Ближайшие ко мне тела еще теплились. Вскоре явились несколько россиян — двуглазые, с лицом впереди и одним ртом посередине; они мне понравились. Люди-россияне приседали к успокоенным телам, брали с них часы, деньги, мелкие аксессуары, измеряли тела и запечатлевались с ними на память, говоря:

— Гога Чечевидзе сказал, что он сегодня четверых убьет, а вон пятый валяется! Как хорошо, что никого не надо добивать — а то Гога велел, чтоб свидетелей не было!

А надо мной незримо реял дух-жаба и шептал проникновенные слова:

— Замри, душа, как неживая! Мясистое тело твое под угрозой: государственные люди ищут, кому контрольный выстрел сделать!

Но людям наскучило мертвое дело, они зевали и томились, пока не выразилась вслух идея выпить водки; закричали они от восторга, все бросили и укатили вдаль на завывающей машине.

Я встал — а вокруг простиралась Россия. Пылали пожары, сияла реклама; множество россиян бродило всюду, словно все что-то потеряли, а над миром в темной вышине горели огненные слова — ЭРОТИКА ВОЗБУЖДЕНИЕ. Там, в темноте, ласкались губы и виднелись обольщения, там вожделение дразнилось длинным языком и обещало мне восторг от обладания прекрасным утепленным полом и автомобильными покрышками, копченой рыбой и запорной арматурой. Едва не соблазнился я! Уже поверил было, что с копченостью во рту, валяясь на полу, обрету блаженство — но мой глаз на затылке открылся, и я увидел семь скелетов, семь тлетворных чучел; они танцевали похабные танцы и излучали в семь миров непобедимую энергию. Я сразу узнал их! Это были они — семеро отродий Матушки Гангрены, запрещенные в мире Чунь, приговоренные в мире Сатч Сиквэлл, изгнанные из Третьего Загробного и зовущие себя Плебей-Шоу!

— Граждане России! — воззвал я, встав на мусорный контейнер. — Берегитесь! Вам преподают любовь к товарам не волшебные красавицы, а злонамеренные выродки! Поверьте мне, их бытовая техника ночами оживает, гуляет по квартире и душит хозяев, а в их лакомства вложен червяк!

— Ура! — закричали столпившиеся россияне. — А то мы не знали! Дурак! Ты что, с Луны упал?!

— Нет, я из мира Дзян, где железное солнце, где мне рассказал утюг, что в России крепнет дух!

— И как тебе у нас понравилось? — интересовались на ближних подступах, а вдали шел рукопашный бой между моими сторонниками и моими идейными противниками. — Круто, да? Ты погоди, сейчас менты приедут, будет совсем ништяк.

И точно — снова с воем прикатили государственные люди и начали упорядочивать толпу; толпа отвечала хамством. Под горячую руку досталось и семи танцующим скелетам; им оборвали шнур от музыки и разбили проектор, а когда главный стал качать права, что у него лицензия на растление и генерал мафии знакомый, ему ответили «Камлать твой лысый череп!» — и откамлали, и по черепу, и всяко. Пришлось ему с собратьями убраться в преисподнюю!

А люди-россияне заступались за меня перед властями:

— Он дзяпонец, он не знает ничего! Он пьяный! Он больной!

Начальник пристально осмотрел меня:

– Не похож он на дзяпонца! Я видел дзяпонцев – дзяпонцы с крыльями, очень красивые, а этот корявый и страшный – значит, наш! Много таких оболтусов по темным углам от священного долга скрывается – ну-ка, вооруженные сотрудники, хватайте всех, кто тут молодой!

Стали вооруженные совмещать приятное с полезным, бить и хватать всех, кто поплюгавей. Мне показали дуло огнестрельного оружия:

– Ты молодой, а значит – ты повинен и священно должен! Давай сюда свою присягу! И жизнь свою нам отдавай; мы поиграем – и вернем, честное слово.

Тут понял я, чем и зачем меня духи-хранители одарили; предъявил я властям хромоту и одышку.

– Эка невидаль! – плюнули хором они. – Наша армия вся – из калек и уродов, ты лишним не будешь!

Но недаром мне духи расширили голову, словно котел. Я сказал:

– Убежден я оружие в руки не брать, потому что из зада растут мои руки!

Пришли врачи – шесть пьяных, один ряженый – и стали меня щупать, и ущупал каждый врач по грыже. Однако они усомнились – а правда ли то, что они ощущают? – и призвали на комиссию троих профессоров – слепого, криворукого и трясучего; пока те трое спорили, кто из них больше людей от правосудия спас, ряженый втихомолку за всех расписался и печать левой ногой поставил, что я в детстве инсульт перенес и попал под каток, а потом вытолкал меня в шею.

– Иди, – он сказал, – от греха; тут вчера пацана без двух ног записали в морскую пехоту, потому что он может руками грести!

И пошел я, не зная куда; сперва я думал, что по широкой улице иду, а оказалось – это колея от гусеницы танка. Тут и танк показался вдали.

– Да как же вам не страшно?! – спросил я россиян, торчавших в окнах. – Такой большой! Ведь он раздавит!

– Не-е, – стойко улыбнулись россияне, – он мимо проедет, потому что мы в это верим!

Мой дух крепчал с минуты на минуту; я чувствовал, как проникаюсь верой россиян в то, что всё по фиг, и подсознательно учился класть на всё. Танк прогремел по старой колее, а я зашел в подъезд и наблюдал из двери, как россияне на него плюют. Тут из тьмы дома вышли ужасные юноши и девушки.

– Глядите, какой человек интересный! – шептались они. – Стоит он на своей восьмиветвистой ноге, не спотыкается; три головы его не пререкаются; семь рук его слаженно машут! Эй, человек, откуда ты? Не хочешь ли курить? Мы угостим!

– Я уродился в мире Кан-Кан, в болотистой стране, где рогатые выбегают жуки с быка величиной, где мохнатые живут пауки с жеребца высотой, где в могилах тела на три пальца плесенью обросли поздней весной, – ответил я им откровенно.

– Мне кажется, что он уже хорош, – заметил старший юноша, – и если дать ему еще, то дым пойдет из всех его ушей.

– Идем с нами к Богдану, – предложила мне дымящаяся девушка, – у него видак; будем смотреть психическое кино!

Я подумал, что это послужит креплению духа, – и пошел. Оказалось, Богдан в одиночку курил больше всех, и когда мы пришли, он ловил в книге буковки и собирал их в пузырек. Начали мы состязаться с ним, но у меня дым уходил в спасительную грыжу, и когда все уже стали стягивать узор с обоев, я по-прежнему видел Россию в натуре, однако все прозреть был не в силах: мне мешали стены.

– Пипл, это не обряд! – сказал я решительно. – Я через дым не достигаю дна сознания! Как, подскажите мне, проникнуть в суть России до конца?

Они в ответ запели мантры вразнобой, а Богдан на память зачитал главу из «Бхагавад-гиты», но это мне почти не помогло – лишь смутно брезжило, что надо сразиться с чудовищным демоном, но не оружием, а душераздирающим смирением.

Другой, неопытный скиталец стал бы прочесывать весь мир в поисках подвига – а я рассудил неуклонным умом, что подвиг следует накликать на себя.

Вышел я на улицу и закричал во всю мочь:

– Я знаю, знаю: есть тут главный злыдень с шестизмеиной душой, чудовище-зверь, хозяин скотного двора, кружащийся над перевалами трех дорог! Объявись, покажись!

Кричал я с полчаса, пока не появились знакомые мне государственные люди на машине – они выскочили, грозя оружием и восклицая:

– Кто скажет слово или звук, тот будет лысый бурундук!

И стали ко мне придираться:

– Ты зачем дискредитируешь нашего богоданного и всенародного деда? А по какому праву ты на улице стоишь? А где твой документ?

Я же вел себя, как подобает герою, и отвечал им так:

– Ни в каком мире, ни во сне, ни наяву я вашего деда не знаю, а зову на волшебную битву духа-всегубителя, ужас этого мира, проклинаемый людьми!

– Как же ты его не знаешь, если ты его зовешь?! – возмутились они. – Ты ведь его имел в виду! Другого такого здесь нет! Совсем ты, видимо, отчаялся, если решил на улице публично разгласить три его име-

ни из девяти – придется тебя деду отдать! Эх, дерзновенная твоя душа!

Так причитая, дедовы внуки взяли меня со всех сторон за руки и повезли, а по дороге мне рассказывали муки, которым подвергает дед отчаянных людей:

– Настал конец твоей душе. Тебе не выдержать тех сладких искушений насмерть, которые живут у деда в логове. Ты лучше не противься! Ты всему поддайся! Душа из тебя тотчас выпорхнет, и дед ее сожрет. Без души как легко! Вот посмотри на нас!

Я глазом на затылке поглядел – и содрогнулся: внутри их тел зияла пустота! Этот дед умеет души изымать!! Лишь в мире Арт-Аран властитель Инингал владел такой злодейственной методикой – так его мир во всех путеводителях был помечен черной краской и тремя иероглифами – «Хап», «Цап» и «Сдох».

– Духи мои, духи-хранители! – взмолился я неслышно. – Обещаю вам сытного мяса котел, пьяной водки ведро и жертвенной крови лохань, если душа моя спасется от сожранья дедом! Я должен занести в путеводители правду об этом мире, остеречь блуждающие души!

– Ладно, как-нибудь выкрутимся, – посулил мне дух-жаба, скакавший за машиной вслед. – Попробуй одурманить деда Сычуаньской школой Лжи!

Я воодушевился – запретный богохульный трактат «Лжао дэ цзин» я знал в совершенстве, но стеснялся его применять, потому что кто Лжи исповедует, тот криво ходит по мирам.

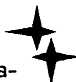
Между тем показалась и дедова крепость, околдованная по периметру мертвыми заклятьями; бронзовые пустотелые болваны на стенах единогласно возглашали деду славу и хвалу:

– Свят, свят, свят наш мягкий набивной дед Кукуй-Бабай, слева неживой, а справа мертвый!

А по воздуху носились пукисы хвостатые и несли на крыльях большие мешки денег. Темна была ночь вокруг нас и полна ужасов; изнутри крепость была украшена руками, головами и ногами; по стенам золотыми буквами всюду было выложено слово ВОДКА, а кое-где водка струилась, как вода из нор; из подземелий выбегали креатуры, лакали водку и закусывали друг другом; порой дорогу нам переползали существа, чей вид открыто попирал законы естества. Дед отличался тем, что он не ползал, а сидел и из него сыпались опилки.

Я, следуя «Лжао дэ цзин», сразу же стал его безудержно хвалить:

– Низко кланяюсь трем твоим черным теням, Кукуй-Бабай! Слух о тебе прошел по всем мирам, и я решил принять твою науку. Преподай мне ее! Из всех дедов ты самый добрый дед, ты самый мудрый дед, ты самый сексуальный дед, ты язва с ровными краями!

От похвалы дед одурел хуже, чем был. Мы семикратно облобызали друг у друга верхнюю губу, троекратно обнюхали нижнюю губу, после чего он закричал: «Внесите водку!» – и всем налили по ведру. Вот где понадобилась мне умноженная печень! Один за другим умирали от опоя храбрые государственные люди, а мы с Кукуй-Бабаем только подливали. Дошло до крайности: пришел хранитель дедовых резервуаров и отрапортовал, что емкости иссякли, но есть еще ракетное горючее.

– Ты кто – мужик или не мужик? – спросил серьезно дед.

Горючее щипалось в животе и отрыгивалось огнем, но понемногу я привык и даже охмелел.

– Ты крепок, – убедился дед, – но не вполне! Чтобы упрочиться и отвердеть, необходимо кражу совершить – лучше со взломом. Ну-ка, попробуй!

– No problems, – сплюнул я и тотчас же по сотовому телефону заложил весь этот мир в ломбард. Мы не успели обмыть сделку и поделить выручку, как появились оценщики с этикетными пистолетами и принялись клеймить всю живность и недвижимость наклейками «ПРОДАНО». Но недолго ликовал ломбард! Разверзся пол, и из пролома вышла саранча на землю, вся в броне, крича: «Объект не подлежит перепродаже!»

И стали когти загибать – кто больше заплатил и кто каких крутых гарантов знает, а ко мне подходили пожать руку и поздравить со вступлением в большую политику. Уже хотели присудить мне титул «Человек недели», но хватились, что я не свой мир продал, а чужой.

– Он еще маленький, и в нем душа жива! – объяснил мою оплошность дед. – Искусим его еще раз!..

Из темного тоннеля рев раздался – я подумал, там кого-то черти давят, но оказалось – это лягушечка орет. Начала лягушечка с хита «Жил-был один козленок, а рядом поросенок»; ей аплодировали и швыряли куски мяса. Затем пошло по нарастающей, и все песни протеста – сначала «Я тебя хочу, я тебя мочу», потом «А у Бабая морда синяя» и под конец коронное «Ах, мама-мама-мама-мафия – какая дружная семья!» – это пел уже весь зал, стоя, взявшись за руки и исполнившись гнилого ликования. Душа моя тревожно копошилась и скулила в тесном теле.

– Уйду я от тебя, уйду, – она стонала. – А то, может, вместе уйдем? Или хоть уши заткни!..

– Что, воротит с души? – шептал на ухо дед. – А ты сплюнь душу, сплюнь! Она бяка!

Но я терпел. Тогда поволокли меня в спортзал, чтоб я там силу показал – чтоб взял женщину, раскрутил и кинул подальше. Спортивные

снаряды в зале были как на подбор, иные сами в руки прыгали – но я легких побед не искал! Нашел такую, за которую никто не брался, а она мне и говорит:

– Зашвырни меня отсюда, не хочу я быть снарядом! Я тут по ошибке родилась, мне в другой мир надо.

– Ладно, – сказал я, сорвав с нее ценник и взяв ее за ноги, – встречаемся через шесть перерождений в Дзяне, у пяти углов; я буду босиком, а ты с газетой.

Женщина свистнула и улетела в бурное облачное небо.

– Бросок не засчитан! Разве их так бросают?! Их надо в грязь бросать! – возмутилось жюри. – Мы должны видеть ее падение!

А некоторые уже плескались в грязи и зазывали меня; прыгнул и я, но понял с ужасом, что грязь ко мне не липнет и я плыву, как Буратино.

– Он чистеньким быть хочет! – ужаснулся истэблишмент. – Чтоб потом разговориться! А судьи где?!

– На этот счет у нас строжайшая свобода, – промолвил дед, багром достав меня из высших кругов. – Кто не с нами – тот козел; суд пусть пишет приговор – выбить дух из тебя вон!

Я же и глазом не моргнул, словно и не обо мне речь шла.

– Ну, теперь ты доволен? – спросил дух-жаба, сидя на чьей-то лысине, как на кочке. – Душа-то у тебя как окрепла!.. Ладно, до встречи у покойницкого моря!

Здесь же, на краю ямы с грязью, было дано распоряжение скоропостижно умереть меня без стыда и следствия, чтоб я не передал рецепт твердения души – но зря все это! Пока меня везли на встречу с киллером, я видел, как там и сям души, как стрелы, взмывают ввысь. Это те, кто умел путешествовать, отправлялись в далекий круиз. Я еще встречусь с ними! Вместе мы впишем в путеводитель большую главу о России, и Россия станет популярным туристическим объектом; целыми стаями будут слетаться сюда странствующие души, и дед Кукуй-Бабай в конце концов запутается – кто его подданный, а кто приблуда со стороны; а мы оснуем тут свой бизнес и будем показывать деда за деньги, и это будет стабильный доход, потому что дед слева неживой, а справа мертвый, и износу ему нет.

Пока я так размышлял, киллер уже вышел на позицию и нацелил убойное орудие.

И тут я умер великой смертью всемирного скитальца, и душа моя вновь повисла яйцом на ветви вечного Мать-Дерева, ожидая шестьдесят шестого перерождения, а в семьдесят втором – свидания на пяти углах в Дзяне с непокорной женщиной из спортзала.

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Евгений Прошкин:

«Без человека на Земле был бы рай»

Постоянные читатели «ЗД» помнят, что именно с повести Евгения Прошкина «Эвакуация» началась в прошлом году новая жизнь нашего журнала. Этот выбор сейчас кажется далеко не случайным: Прошкин молод, пишет все лучше и лучше (сравните его книги «Война мертвых», «Зима 0001» и «Слой Ноль»), к тому же напрочь лишен житейских иллюзий... Примерно такой редакция хотела бы видеть «Звездную дорогу» в целом. Правда, тексты Евгения, на наш вкус, все же чересчур мрачны. Может быть, слишком мало премий пока присудили писателю?

— Вы недавно получили «Меч Бастиона» — первую литературную премию в вашей жизни. Что вы почувствовали, когда ее получили?

— Почувствовал то, что каждый автор должен чувствовать постоянно, — что тексты пишутся не в пустоту, что кого-то это волнует, кого-то цепляет, кому-то, может быть, активно не нравится — это тоже нормально. Книга, которая нравилась бы всем, не написана — и не будет написана никогда... Так вот, в этот момент я увидел: то, что я пишу, интересует кого-то еще, кроме меня. Тиражи, даже миллионные, этого ощущения не дают. Там совсем иное удовольствие...

— Тогда еще немного об удовольствиях... Есть такое мнение, что писатель не может творить исключительно ради своего удовольствия, удачная книга — это компромисс между интересами автора и интересами читателя.

Как вы относитесь к этому мнению?

– Могу только подтвердить, конечно... Потому что книга, написанная исключительно для себя, не будет интересна больше никому. И если человек пишет роман или рассказ исключительно для себя, зачем пытаться его где-то опубликовать? Написал, получил удовлетворение – и пиши дальше... Это одна крайность.

С другой стороны, писать, исходя лишь из того, что интересует массу, – такая же крайность, ничего хорошего в итоге не получится. Здесь вот в чем вопрос: кого понимать под читателем? На мой взгляд, под читателем понимается человек, созвучный автору в мировоззрении, в интересах и так далее... То есть если автор считает, что он пишет для себя, – не факт, что он кривит душой, он может писать для таких, как он, для себе подобных. И сколько окажется ему подобных, столько и будет у него читателей.

— Но если автор пишет для своего читателя, каким бы он ни был, он его так или иначе себе представляет. А кто такой «читатель Евгения Прошкина»?

– Кроме отражения в зеркале, ничего представить не могу. Я своего читателя не видел, у меня не было каких-то глобальных встреч. То есть я знаю людей, которым мои тексты нравятся, которым не нравятся, – но они остаются для меня отдельными людьми, у каждого из них своя, отдельная история. А увидеть вот эту массу, которой бы я нравился, у меня еще не получалось.

— Тогда начнем сначала. Как вы докатились до жизни-то такой — книги писать?

– Писать что-то я начал в 12 лет. Естественно, то, что я писал, было чем-то странным... это не было вообще ничем. Я не умиляюсь от того, что писал в юности, и мне непонятны люди, которые, заработав имя, пытаются вытащить свои школьные опусы...

А как я начал писать? Да неизвестно! Все это в генах, конечно, заложено... Есть старая мысль, что не надо «ковырять» ребенка на предмет его способностей: способности будут «ковырять» его самого, они не дадут ему покоя. То, что заложено, – обязательно проявится. А если у человека не один дар, а четыре – ему же хуже. Значит, его одновременно будет тянуть и в музыку, и в химию, и будет он мучиться всю жизнь. Один дар – и то кара, а если больше – это уже все, это приговор.

— Вы — уже сформировавшийся автор, у вас уже шесть книг... То, как вы живете сейчас, работая над своими книгами, — это близко к идеалу или вы хотели бы заменить все это чем-то другим?

– То, как я живу сейчас, меня не удовлетворяет совершенно. Стопроцентно не удовлетворяет. Такое чувство неудовлетворения у меня было, пожалуй, только в ар-

мии. В армии я понимал, что нахожусь не там, где должен быть. Примерно то же и сейчас: меня отвлекает масса вещей, совершенно бытовых... По-моему, это вопрос о счастье – то, о чем вы сейчас спросили?

— Ну, так в принципе и есть...

– А счастье недостижимо. Счастье – это не процесс, а миг, и он осознается, когда он уже позади. Человек, который говорит, что вот сейчас, в данный момент, он счастлив... Либо он ошибается, либо пьян, либо ему надо срочно умирать, потому что больше ему не к чему стремиться. А так... да, мне не нравится моя нынешняя жизнь, и я хотел бы ее изменить.

— Вам не нравится, что нечто мешает писать или что приходится писать вообще?

– Ну, второй вариант абсурден, потому что мне не приходится писать, меня никто не заставляет. Я это делаю сам.

— Если взглянуть на ваши книги от первой до последней, то получится, что Евгений Прошкин — это шикарная иллюстрация линейной функции...

– Это как?!

— ...в том смысле, что у вас каждая книга ровно настолько лучше предыдущей, насколько последующая лучше этой. Хорошая такая прямая получается... Вы не боитесь «сломаться»?

– Ну, вы мне льстите... Значит, через некоторое время я либо напишу книгу, которая затмит Библию (если эта линейность будет продолжаться), либо просто умру – чтобы не написать такой книги. То есть Гомеостазис не позволит мне создать этот текст... А какой вопрос-то был?

— Не боитесь ли вы «сломаться» в этом ритме?

– Ритма-то у меня нет, я же не пишу по графику – три книги в год, четыре книги в год... А что касается нарастания качества – я его осознаю. Мне тоже кажется, что профессионализм не падает, а растет, но искусственно я его никак не стимулирую. Я и не знаю, как его стимулировать. Я просто продолжаю учиться. Не могу сказать, что сейчас я – Мастер с большой буквы, что я овладел всеми приемами, что я все знаю... Для меня в каждой книге какие-то открытия случаются постоянно: «а вот это можно сделать так, и будет лучше». Я не халтурю, мне не то чтобы стыдно это делать, просто я не вижу в этом смысла. Каждый день я пишу настолько хорошо, насколько способен. На чем мне «ломаться»?

— Все ваши книги достаточно мрачны...

– Я надеюсь...

— ...это преднамеренно или, что называется, «само получилось»?

– Намеренное здесь одно: я пишу то, что мне нравится, и так, как мне нравится.

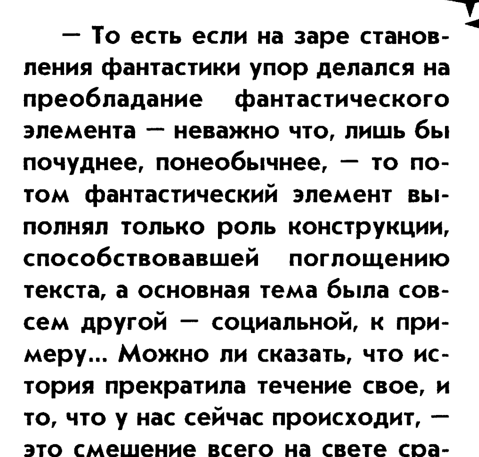
— Вы по натуре мрачный человек?

— В быту я не мрачный... кажется... А если о мировоззренческих вещах говорить, то ничего хорошего я не вижу — вообще в жизни. Человек — прости, Господи! — создан зря. Если бы человека на Земле не было, Земля была бы счастлива. Без человека — с птичками, со всякими обезьянками, с естественным отбором и нормальной экологией. Наверно, это и есть рай... Без человека на Земле был бы рай, это точно...

— А какие вы видите перспективы роста современной российской фантастической литературы?

— Вопрос заключается не в самой фантастике, а в ее читателе. Вот от этого все и зависит. Сейчас — я могу ошибаться, но мне так кажется — происходит разделение фантастики, причем не на фэнтези и НФ, которой уже и нет вовсе, а на фантастику, в которой фантастический элемент довлеет и часто является самодостаточным, и фантастику, в которой этот самый элемент сведен к минимуму. В качестве примера приведем «Выбраковку» — а в чем там фантастика, собственно говоря? С точки зрения 60–70-х годов это же и вовсе не фантастика. Нет там ни космолетов, ни гиперболоидов.

На мой взгляд, именно тут проходит граница. Часть читателей идет за довлеющим элементом — за звездолетами и так далее, а другая часть вместе с фантастикой приходит в литературу. Просто в литературу.

— То есть если на заре становления фантастики упор делался на преобладание фантастического элемента — неважно что, лишь бы почуднее, понеобычнее, — то потом фантастический элемент выполнял только роль конструкции, способствовавшей поглощению текста, а основная тема была совсем другой — социальной, к примеру... Можно ли сказать, что история прекратила течение свое, и то, что у нас сейчас происходит, — это смешение всего на свете сразу?

— Смешение, безусловно, происходит. Может быть, фантастика «возвращается, сделав круг»?.. То есть сначала возникла фантастика как литературный прием, потом — потому что он жутко привлекателен — этот прием начал довлеть. И роман о полете на другую планету был ценен самим фактом этого полета, встречи с какими-нибудь зелеными человечками и прочими чудесами. Авторы и читатели забыли, что все эти чудеса — все-таки прием, и он не может быть целью написания текста. Это лишь декорации — другая планета и все такое прочее. Так вот, читателю показывали шикарные декорации... но в декорациях ничего не происходило. А сейчас прием исчерпал себя. Ничего нового в фантастике давно не открывается — много говорилось уже о кризисе, все это известно. И сейчас — я вижу эту тенденцию! — прием снова минимализируется, авторов снова

начинает интересовать человек, то есть то, что и должно быть в центре.

— Что можно сказать о перспективах Прошкина-писателя?

— Если бы я знал, что будет со мной через три года, через пять или через десять, если бы я мог это определенно сказать — не имело бы смысла не то что писать, а вообще что-либо делать. Жизнь — это все-таки поиск, а не езда по колее.

Беседовал
Максим Тимонов

Рецензии

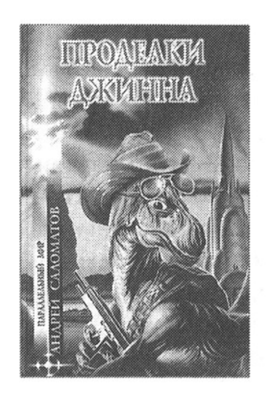
И там, и тут

Саломатов А. Проделки джинна: Повести, рассказы. – М.: Вече, 2003. – 416 с. – (Параллельный мир). 5000 экз. (п) ISBN 5-94538-283-3

Андрей Саломатов – писатель пограничья: ни детский, ни взрослый; не реалист – и не фантаст; не заумный и не простецкий. Про другого можно было бы сказать «ни там, ни тут», с Саломатовым же дело обстоит с точностью до наоборот: он и там, и тут, неуловимый и вездесущий, как газ флогистон. Вольготно чувствует себя на конвентах фантастов – и получает премии «толстых» литературных журналов. Выпускает книги для подростков – и издается во Франции как яркий представитель современной российской «большой литературы». Сочиняет забавные истории про домашних роботов – и тягостные повести про пациентов психиатрических клиник...

В последнее время в серии «Параллельный мир» опубликовано немало авторов, чьи имена, бывшие на слуху в конце 80-х – начале 90-х, оказались почти забыты издателями, причем, как правило, незаслуженно. В какой-то мере это касается и Андрея Саломатова, дебютировавшего еще в 1985 году: «Проделки джинна» – первая книга его «взрослых» фантастических повестей и рассказов. Фантастика, как и наука, «умеет много гитик» и бывает самая разная – от «Превращения» Кафки и «Носа» Гоголя до «Звездных королей» Эдмонда Гамильтона. Судя по этому сборнику, внутренне Саломатов тяготеет к сюру и абсурдистской прозе, но, несмотря на это, каким-то чудом умудряется остаться своим и для представителей традиционного фэндома. Удивительное дело: одни его произведения вызывают мгновенную симпатию (например, заглавная повесть сборника

«Проделки джинна, или В будущем году я буду лучше»), другие – тягостное недоумение (повесть «Г»), хотя созданы все они вроде бы с применением одних и тех же литературных технологий. Очень многое тут зависит от авторской интонации, от настроения, которое Саломатов хочет передать читателю. Апокалипсическое «Время Божьего гнева», где подробно и красочно описывается быт людей, чьи предки несколько поколений назад поселились в катакомбах под войсковым стрельбищем, надолго вышибает из седла (кстати, концовка этого произведения по сравнению с журнальным вариантом принципиально изменена), грустные и смешные «Проделки...», напротив, поднимают настроение. Эффект поразительный, тем более что на самом деле пишет Андрей Васильевич достаточно просто, без постмодернистских загибов. Что, замечу, не мешает ему оставаться эрудитом и охотно делиться своими познаниями. Цитаты из классических художественных, философских и психологических текстов раскиданы по всем его произведениям щедрой рукой – это одно из проявлений индивидуального почерка Саломатова, своего рода фирменный знак писателя.

Василий Владимирский

Раздолбаи Земли

Фантастика-2002: Сб. Вып. 3. – М.: АСТ, 2002. – 621 с. – (Звездный лабиринт). 15 000 экз. (п) ISBN 5-17-016371-1

Общая задумка сборника может быть высказана цитатой из рассказа Романа Афанасьева «Вечер теплый, вечер талый»: *«Мы убиваем друг друга и самих себя. Мы одновременно добро и зло, мы мечемся от одного к другому»*. То есть «Фантастика-2002/3» повествует не о том, как мы гадим в собственном доме – на планете Земля (но и об этом), не о том, как мы рушим и ломаем все, к чему прикоснемся, просто из глупой прихоти (хотя и об этом), не о том, как же мы безответственны по отношению даже к собственной жизни, не говоря уже о чужой (и об этом тоже). Нет. Скорее, о нашей людской безалаберности, из которой и проистекают все самые страшные проблемы человечества.

Огромная заслуга составителя – Николая Науменко – заключается в том, что самые безысходные и мрачные произведения находятся в начале

сборника. «Животное» Сергея Герасимова, «Чемпионка» Дмитрия Воронина, уже упомянутый «Вечер теплый...» не оставляют у читателя никаких иллюзий по поводу homo sapiens. Будь то привыкший убивать солдат («Вечер...»), вечно пьяный фанат-геймер («Возможны варианты» Екатерины Некрасовой) или ленивый студент («Какукавка готовится» Юлия Буркина) – результат практически одинаков. Никто из них не способен ничего создать. Разрушение – флаг этих персонажей, их рекламный слоган. Кстати сказать, два рассказа Василия Головачева – «Край света» и «Смотритель пирамид» – единственные произведения, выбивающиеся из названной концепции. Противостояние ну о-очень плохих и ну о-очень хороших наследников гиперборейской цивилизации кажется настолько мелким на фоне проблем нашего проклятого, наверное, всеми богами времени, что становится даже неудобно за подобное «мелкотемье».

И все же к середине сборника дышать становится легче. Пусть герои «Рока на дороге» Владимира Васильева опять же почти ничего не сумели сделать сами – но они хотя бы принесли в свой мир песни «Воскресения» и «Машины времени». Пусть в «Узорах для умных и тупых» Андрея Плеханова персонажи не смогли осчастливить человечество, избавив его от глупости, – однако оно было избавлено от участи гораздо худшей.

Окончательно перевести дух позволяет «Антарктида online» Владимира Васильева и Александра Громова. Это только начало будущего романа, но уже видно, что вещь будет забористая, а главное – смешная. Как говорил Михаил Жванецкий: «Не можешь предотвратить – возглавь». Видимо, именно этим лозунгом руководствуются персонажи, провозглашая *«суверенную Антарктическую республику»*. Хотя, конечно, пьяницы и раздолбаи, что лишний раз подтверждает главную идею сборника.

Раздел «In memoriam» на сей раз посвящен утрате совсем недавней: Алексей Свиридов умер меньше года назад. В «Фантастике-2002/3» опубликованы его, видимо, последние произведения – рассказы «Те, которые знали», «Скоро нас будет меньше» и «Новая компьютерная игра». Тема та же: мы, люди, чертовски несовершенны, мы, возможно, вредны сами себе. Но у нас есть надежда. Мы постараемся.

Финал сборника – публицистика. И тут уж разброс просто гигантский. Воспоминания Евгения Войскунского «Научная фантастика в Баку» – нежнейшая ностальгия. «Официальные представительства» Дмитрия Ватолина – руководство по писательским сайтам «для чайников». «La

femme cherche» Дмитрия Володихина и Игоря Черного – краткий (несколько даже «галопом по Европам») обзор отечественной женской фантастики. А завершающая (во всех смыслах) статья Дмитрия Байкалова и Андрея Синицына «И это все о нем» в иронично-хулиганской форме повествует об одной из литературных традиций – ритуальном убийстве Юрия Семецкого, каковое, как известно, должен совершить в своей книге каждый уважающий себя писатель-фантаст. Как ни странно, это эссе тоже имеет отношение к главной теме, ибо в финале его авторы выражают надежду, что *«ни один Семецкий больше не будет убит»*. Может, и впрямь – хватит убивать? Мы уже столько натворили, ребята. На Земле срочно нужны дворники и ассенизаторы.

Даниил Мартин

Романтик в поисках смысла

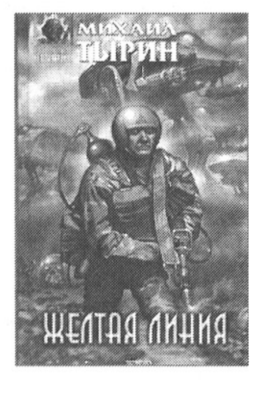
Тырин М. Желтая линия: Роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 480 с. – (Абсолютное оружие). 12 000 экз. (п) ISBN 5-699-01475-6

У Михаила Тырина богатая биография – во всяком случае, для человека сравнительно молодого. И филфак успел закончить, и в армии послужить, и в милиции поработать, и журналистских харчей хлебнуть. Но главное – книги Тырина, которых на сегодняшний день насчитывается с полдюжины. За первую из них, кстати, писатель получил уральский «Старт» – одну из старейших и престижнейших наград, вручаемых за лучший фантастический дебют. В последнее время Михаил пишет немного, примерно по роману в год, но для него это, видимо, оптимальная скорость: получается с каждым разом все лучше и лучше. И «Желтая линия» – тому подтверждение.

...Все мы рано или поздно задумываемся о том, ради чего пришли в этот мир. Так уж устроен человек. Поиск смысла жизни – что может быть банальнее и в то же время естественнее? Однако главного героя романа, непризнанного поэта, служащего в театре разнорабочим, этот поиск приводит на далекую планету, входящую в состав некоей супернавороченной Цивилизации. На первый взгляд перед новообретенными гражданами Цивилизации открываются широчайшие перспективы, уж тут-то поэт без труда отыщет достойное место – но романтически настроенного героя-повествователя ждет скорое разочарование. Никакой романтики не находит он ни на инопланетных приисках, ни на войне, ни даже в тайном противостоянии Системе – ибо Система изначально построена с учетом неизбежности такого противостояния. На страницах «Желтой линии» Тырин показывает нам

совершенно удивительную штуку – общество, начисто лишенное идеологии. То есть формально идеология тут имеется, но вся она сводится к вульгарной экономике: будешь хорошо и много работать – получишь высокий общественный статус, получишь высокий статус – будешь иметь доступ ко всем благам цивилизации. Так что арбайтен, господа хорошие, арбайтен: труд делает свободным. Загадкой остается, правда, каким образом Цивилизации удалось достигнуть таких высот технологического развития. Как показывает опыт, на одном наемном труде, даже очень хорошо оплачиваемом, далеко не уедешь – особенно в государственном масштабе...

Результат получился довольно странный: вроде бы персонажи Тырина побывали в достаточном количестве передряг, чтобы целиком и полностью разочароваться в жизни, ан нет – не разочаровываются, даже, наоборот, учатся находить удовольствие в самом процессе. В определенном смысле «Желтая линия» – история инициации, постижения человеком смысла бытия. Прошедшему огонь, воду и медные трубы герою можно даже позавидовать: он нашел ответ на вечные вопросы – ответ, который его полностью устраивает. Ради этого, на мой взгляд, и стоит читать новый роман Михаила Тырина. А все приключения галактических рейнджеров среди страхолюдных инопланетян, экзотические пейзажи далеких планет и технологии космического века – это так, мишура, детали антуража.

Анатолий Гусев

«Спас» – это по-нашему

Берег И. Сейвер: Романы, повесть. – М.: Вече, 2003. – 480 с. – (Формула победы). 5000 экз. (п) ISBN 5-9533-0004-2

Книга Игоря Берега «Сейвер» вместе с романом Татьяны Грай «Лотос пришлого бога» открыли серию «Формула победы», в которой планируется выпускать произведения, относящиеся к боевой фантастике.

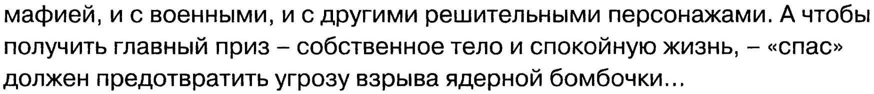
Не могу сказать, чтобы боевики относились к моим любимым книгам, во многом – из-за частых погрешностей против логики. Понимаю – гипербола, понимаю – прием, но все должно иметь свои границы! Когда главного героя в 372-й раз «изо всех сил шваркают головой о стену» или простреливают ему очередную конечность, а он еще половину романа

преследует злоумышленников, просто становится жалко этого супермена. О «законах жанра», своеобразии боевика, которое в этом якобы и заключается, даже не говорите... Зато, прочитав «Сейвер», еще раз убедилась, что когда за дело берется профессионал (и в литературе, и в том, о чем он пишет), все получается и логично, и убедительно.

Действующие лица первых двух частей книги родом из цикла рассказов, опубликованных в 1989–1991 годах в сборниках ВТО МПФ. Спасатели в минуту опасности мгновенно перемещают свое сознание в тело клиента и выручают его из беды. Делают они это при помощи мощного компьютера... «Ну, такое уже было!» – может возразить кто-то из читателей, перечислив ряд произведений и даже импортный телесериал «Квантовый скачок». Тогда я еще раз подчеркну, что идея перемещения сознания именно для **спасения** была высказана автором более полутора десятилетий назад...

Как водится, сначала фирмы, занимающиеся подобным спасением, появляются за рубежом, где специалистов этого дела называют «сейверами», а затем уж и у нас. Открывающий книгу рассказ «Настоящее дело» во многом задает и тон, и проблематику произведений о спасателях. *«Он жалел теперь о том, что сейверу нельзя отказываться от задания: взялся – выполняй. С каким удовольствием он засунул бы тогда сознание этого щенка в его собственную шкуру! Выбирайся сам, пожинай плоды своей глупости, ненависти, корысти...»* До какой степени спасатель может вмешиваться в жизнь клиента? Как быть с разницей в этических нормах? Об этом же и роман «Спасти обязан», впервые приходящий к читателям.

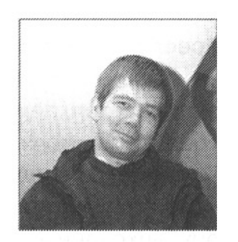
Главный его герой – Глеб Жуков, один из «спасов», как их кличут в России, – после выполнения задания, вопреки всякой логике и к собственному изумлению, остается в теле клиента. Ему придется столкнуться и с мафией, и с военными, и с другими решительными персонажами. А чтобы получить главный приз – собственное тело и спокойную жизнь, – «спас» должен предотвратить угрозу взрыва ядерной бомбочки...

Современному читателю знаком указанный на обложке псевдоним (у писателя выходило под этим псевдонимом несколько детективов), любителям фантастики «со стажем» более привычной может показаться настоящая фамилия, приведенная в выходных данных: это Игорь Пидоренко, запомнившийся благодаря сборнику «Две недели зимних четвергов» и блестящему роману «Про “зайцев”», тоже вошедшему в книгу. Что ж, остается только поздравить с возвращением и автора, и всех нас.

Оксана Дрябина

Николай Караев

СТОЯЩИЕ НА МОСТУ

Субъективные заметки об эстонской фантастике

В последнее время в Эстонии популярен лозунг: «Наша страна – мост между Востоком и Западом!». Оставляя в стороне вопрос о сходимости киплинговских мировых первоначал, скажу только, что в плане фантастики сей незатейливый лозунг вроде бы работает: эстонское книгоиздание находится на стыке фантастики русско- и англоязычной, пока – с явным преобладанием последней.

Проблема фэна в маленькой стране

Эстонская ССР в плане книг была местом уникальным. Скажем, «Триумфальную арку» Ремарка на русском в магазинах было не достать, зато на эстонском она нетронутой лежала на витринах книжных киосков. А в большом магазине иностранной литературы «Дружба» (ныне он называется «Аполло») можно было внезапно обнаружить толстенный – и дорогущий! – том Муркока с дивным названием «Byzantium Endures» и главным героем русского происхождения...

Я слышал о том, что в советское время Эстония была как бы на особом положении: уже «пере-СССР», хотя еще и «недо-Запад». Сложно

Николай Караев родился в 1978 году в Таллине, где живет по сей день. Работает репортером в газете «День за днем». Опубликовал несколько рассказов (в журналах «Звездная дорога», «F-хобби», сборнике «Фантастика-2002/2»).

сказать, так ли оно было на самом деле, но в смысле выпуска фантастики эстонские издательства одно время, особенно в начале 90-х, даже обгоняли российские. Обгоняли, естественно, не по тиражам и не по количеству наименований, но по такой милой сердцу фэна категории, как долгожданность. Вспомните, сколько ждали вы русского «Нейроманта»? Между тем на эстонском эта книга была издана еще в начале 90-х годов, и я лично видел небольшой том с бьющим по нервам именем William Gibson на дешевой распродаже, где его, конечно же, никто не замечал. То же и с Иеном Бэнксом: «Вспомни о Флебе» и другие романы из цикла о Культуре появились на эстонском задолго до того, как их издали в России. Переводы сравнивать не берусь, но вполне возможно, что эстонский текст читабельнее русского: когда переводы штучны, они, как правило, филиграннее.

Проблемы эстонских книгоиздателей российским, видимо, малопонятны. В маленькой стране всего немного: денег, читателей, фэнов, переводчиков. Крохотный ареал распространения эстонского языка не дает любителям фантастики никаких шансов на книгоиздание, сравнимое с американским или хотя бы русским. Если говорить о зарубежной фантастике, которая и в России долго была главной пищей фэна, то на эстонском она, на взгляд избалованных россиян, издается крайне скудно. Хотя эстонский перевод «Девяти принцев в Янтаре» появился на прилавках уже давно, в настоящее время переводчики дошли только до «Дворов Хаоса». Изданы также толкиновская трилогия вкупе с «Сильмариллионом», трилогия Гарри Гаррисона о Язоне динАльте, Дэн Симмонс (остановились на «Эндимионе»), романы азимовского «Основания», сборник Брэдбери, несколько романов Урсулы Ле Гуин, почти весь Пелевин и, как ни странно, Бэнкс.

Немудрено, что в условиях «нехватки кислорода» в лучшем положении оказались фэны, владеющие русским и английским языками. Несколько лет назад, посетив каталог рецензий на сервере Таллинского технического университета, я был поражен обилием отрецензированных книг, которых никогда не видел ни на эстонском, ни на русском. Оказалось, все просто: фэны вынуждены учить иностранные языки.

Тоже, кстати говоря, вариант.

«Сталкеры» на хуторах

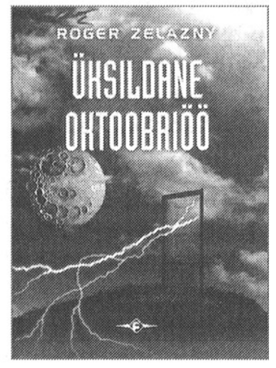
Переходя от фэнов к писателям, скажу сразу, что русской фантастики в Эстонии нет. Правда, есть «русская фантастика из Эстонии в России», представленная, насколько мне известно, единственным автором – Вик-

тором Косенковым, «половинкой Виктора Бурцева». Сомневаюсь, однако, что эстонские фэны знают о том, что живет в Эстонии такой писатель. Еще есть Михаил Веллер – но тут комментарии излишни.

Эстонских фантастических книг в Эстонии издается крайне мало – несколько романов и антологий в год. Зато у нас имеется Эстонское общество любителей фантастики («Eesti Ulmeuhing», далее – ЭОЛФ), основанное 25 марта 1995-го. Управляется общество правлением из четырех человек, включая одного президента – в настоящее время это Антс Миллер. Внимание, реклама! Чтобы вступить в ЭОЛФ, достаточно заполнить простенькое заявление и отослать его по адресу: Эстония, Тарту, ул. Аардла, 132-19, 50415 (электронный адрес: esfa@obs.ee).

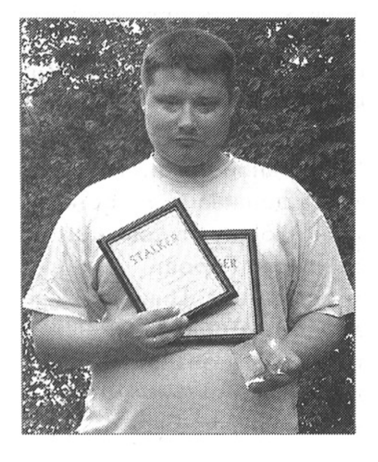
ЭОЛФ организует жизнь фэндома, пусть немногочисленного, зато достаточно активного. В Эстонии в этом смысле «все как у людей» – например, есть своя премия с подозрительно знакомым названием «Сталкер», вручаемая за лучший фантастический роман и сборник на эстонском языке (на практике в этих категориях оказываются почти сплошь переводные вещи), а также – отдельно – за лучший перевод и «лучшие оригинальные» книгу, повесть и рассказ (номинации специально для эстонских авторов).

В 2002-м «Сталкера» в категории «Лучший роман» получила книга Роджера Желязны «Ночь в одиноком октябре», опубликованная в серии «F» издательства «Варрак» – наиболее продуктивной «фантастической» серии Эстонии; в прошлый раз романом года была признана вышедшая в ней же «Игра Эндера» Орсона Скотта Карда. Ни один роман эстонских авторов в номинации представлен не был; среди получивших баллы книг – «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» Филипа Дика, «Где-то летать» Чарльза де Линта, «Жук в муравейнике» Стругацких, «Знак единорога» Желязны, «Выбор оружия» Бэнкса, «Хорошие знамения» Пратчетта и Геймена, «Заводной апельсин» Берджесса, «Чапаев и Пустота» Пелевина, «Проклятие черного меча» Муркока...

«Лучшим сборником» признан перевод «Большого пламени» Нормана Спинрада, а рассказ «Дневники чумных лет» из этого сборника получил премию как «лучший переводной рассказ». Интересно, что в номинации наряду с Диком, Борхесом, Суэнвиком и Лавкрафтом встречаются и русские имена: «Быль о маленьком звездолете» Александра Громова на третьем месте, «Вернуть посох» Ника Перумова – на четвертом.

«Лучшей оригинальной книгой» назван роман Индрека Харглы **(на фото)** «Девять случаев пана Грповского» (этот же автор в позапрошлом году стал лауреатом «Сталкера» за лучшую повесть – «Восьмое путешествие Синдбада»), повестью – «Вяэндру» Марата Файзиева, рассказом – «Счастье на карту, старая!» Эркки Кылу. Характерно, что виртуализация затронула и эстонский фэндом – две последние вещи были опубликованы в интернет-журнале «Элджернон», издающемся с ноября 1998-го.

Вручаются «Сталкеры» на мероприятии, называемом «Estcon» и проходящем летом, в июле, где-нибудь «на природе» – например, в охотничьем домике в местечке Вяэтса. «Гвоздем» программы «Эсткона» обычно становятся церемония награждения и доклады. Скажем, «Потаенные убийцы и батальные панорамы: О буме псевдоисторической фэнтези, сосредотачивающейся на дворцовых интригах и ведении войны». Или: «Следы Франкенштейна на киноэкране: Об "андроидной фантастике" в кино». Кроме того, участники «Эсткона» смотрят фильмы, заслушивают «планы издательств», обсуждают перспективы эстонской фантастики, парятся в сауне и едят неизменные кровяные колбаски, сосиски-гриль и «капусту мульги» – замечательное во всех отношениях блюдо из квашеной капусты, свинины и перловки.

А еще в Эстонии активно разводят африканских страусов. Но это уже не совсем фантастика...

Герои и Чудовища

Поскольку книги эстонских фантастов российские издательства издавать пока не спешат, для того чтобы понять, что же такое эстонская фантастика, нужно просто выучить эстонский язык с его четырнадцатью падежами, тремя прошедшими временами и двумя склоняющимися по падежам неопределенными формами глагола.

Для тех, кто отчего-то еще не решился на этот шаг, рискну предложить в качестве примера современной эстонской фантастики отрывок из романа (по объему – скорее большой повести) Вейко Белиалса и Марка Симпсона «Экзистерион». Начинается роман с того, что безы-

мянный герой, обнаруживший Вселенский Разум, задает ему главный вопрос – о смысле бытия. Разум, будучи не в силах дать прямой ответ, начинает рассказывать герою истории; точнее, герой всякий раз переносится в новую реальность и ощущает себя в шкуре очередного странного персонажа. Вот одна из самых коротких историй Разума:

«Я помню, что когда-то я был молод. Так должно было быть. Я был молод. И красив. По меньшей мере, так говорили.

Я подавал надежды.

То было время, когда подходил к концу очередной Цикл. То было время, когда должен был замкнуться Круг, когда должна была остановиться Вращающаяся Башня, чтобы могло выйти наружу Чудовище. То было время, когда Мир должен был получить нового Героя.

Так должно было быть и так должно было оставаться. Цикл за Циклом, Круг за Кругом. Герои. Славные имена, великие примеры.

Счастливы были те, кому было дано жить в Годы Начала и Конца, те, кому была дана возможность стать Героем.

Я был молод. Я подавал надежды. И я жил в правильное время. Для меня этого было достаточно. Это должен был быть я. По-другому просто не могло быть. Я знал это.

Именно из меня должен был получиться Герой. Именно я должен был позаботиться о том, чтобы Круг не разорвался, чтобы Начало и Конец в назначенное время стали одним. Меня ждала большая работа. Это я тоже знал.

Я помню, как я стоял и ждал, когда Башня остановится. И Башня остановилась. Я помню Чудовище. Нет, я не помню, каким оно было. Это я забыл. Хотел забыть. Конечно, я бы не смог...

Я убил его. Точно. Этого я тоже не помню, но это, верно, так и было. В любом случае, из меня получился Герой.

Тогда я был молод. И красив. Теперь я стар. Очень стар. Так стар, что всего уже и не помню. Но это больше не важно. Важно, что снова пришло время, когда Круг начинает замыкаться. Цикл закончится, и Вращающаяся Башня остановится; Мир получит нового Героя. Мир нуждается в Героях – без них он никуда.

Моя работа начинает завершаться, служба подходит к концу. Долго, очень долго стоял я на страже, чтобы Круг не разорвался; теперь я получу наконец успокоение.

Он уже ждет. Он молод. И красив. Как я когда-то. Башня останавливается. Время Началу и Концу становиться одним.

Время.

Я выхожу, чтобы он смог убить свое Чудовище.

Чтобы из него получился Герой...»

Николай Басов

НАС ЕСТЬ ЗА ЧТО УВАЖАТЬ

На фестивале «Роскон-2003» первый приз в номинации «Критика, публицистика» достался харьковскому писателю Андрею Шмалько (Валентинову) за статью «Фэндом, фэны, фэнье». Выбор этой кандидатуры был далеко не случайным: писатель довольно часто выступает с трибуны и в печати с острыми материалами о положении дел в русскоязычной фантастике. Так, на фестивале «Звездный мост» минувшей осенью он прочитал доклад «А за что нас любить?» (впоследствии опубликованный в журнале «Питербук»), в котором упрекнул коллег по перу в засилье «глянцевой» банальности, что пагубно сказывается на развитии жанра в целом. Этот доклад вызвал несогласие московского фантаста Николая Басова...

Люблю статьи Андрея Шмалько, даже на ресурс «Звездного моста» захожу за этим товаром. Понимаете, толково думать – не у всех получается. И слишком мало у нас теоретиков в фантастике, все больше «критико-рецензенты» резвятся... А Шмалько – почти всегда теоретик, причем острый, вдумчивый, доказательный. Честь ему за это и хвала.

Должен признаться, на «ЗМ-2001» как-то попал я под зонтик уличной кафешки, где сидел он с каким-то из своих исторических доцентов (кажется) и глаголили они интереснейшие вещи. Например, как было бы здорово, если бы Сагайдачный взял-таки Москву с поляками, вот бы и не стало проклятого москальского влияния на их «ридну Украину», и много чего еще в том же духе. Я слушал с восторгом. Такие вещи в изложении умных и знающих людей непременно интересны, пусть даже и диковато это звучало для моего-то «москальского» слуха.

Потом выяснилось, что у Андрея просто «запал» такой приключился, в других беседах он проявлял другие настроения, далекие от национальной упертости. Поэтому я «расшифровал» про него так: в этом

человеке заложено мышление только «на границе», на интеллектуальном «фронтире» рассматриваемого постулата... И с этим ничего не поделаешь, а кто не хочет этого понимать, пусть проходит мимо.

Вот и недавний доклад Шмалько «А за что нас любить?» показался мне из той же породы рассуждений. К тому же он уже вышел в виде статьи, а значит... Все-таки славная штука – письменный текст, дает возможность доказательного спора или даже опровержения. О том и речь.

Начало «пятой волны» русскоязычных фантастов Шмалько датировал 1996 годом. В принципе верно, хотя «предыдущие» из ныне здравствующих мэтров издавались и ранее (Борис Натанович, Булычев, Головачев, Гуляковский, Павлов и др.). Но если представить себе ситуацию той поры, то... Вот ведь какая штука. Есть закон биологии, который гласит, что вытоптанный до последней травинки пустырь начинает зарастать не просто так, не с бухты-барахты, а сначала служит «местом» только для самых простых и очень выносливых трав – лопухов и подорожников. То есть, каким бы плодородным ни был этот самый пустырь, на нем взойдут только эти травы, и лишь спустя весьма немалое время на взрыхленной и «освоенной» ими почве появятся другие, более уязвимые и менее выносливые. Они и создадут подлинное разнотравье, которого этот бывший пустырь заслуживает. Но только после травяных «пионеров», и никак иначе.

Значит, не могло у нас сразу «после коммунизма» возникнуть изобилие очень уж «развитых» книг, не могло «вскипеть» подлинного разнотравья. Не было условий для саморазвития системы, хорошими приходилось полагать книжки, продолжающие то, к чему был приучен рынок, – и космооперы, и про «баронов с драконами», и даже не вполне точные (вольные) исторические альтернативы. Эта-то особенность того периода, кажется, и позволила не умеющим писать чувствовать себя комфортно. Они просто откликнулись на рыночные нужды, избежать чего было просто невозможно.

Андрей и сам признает такое положение вещей (правда, как-то не очень явственно), когда говорит, что эти «первоцветы» обеспечили выживание русскоязычной фантастики. Сразу же делается акцент на том, кстати, что неплохо обеспечили. Доказательств этого постулата он почему-то не приводит, а ведь это очень интересно. Кажется, тут-то и возникает первая аберрация в его построениях.

У меня имеется вот какой аргумент. Известный критик из Польши Павел Лауданский, выпускающий один из интереснейших ресурсов «Framzeta», опубликовав статью «Что прозвучало в российской фантастике A.D. 1999», откровенно позавидовал русскоязычному изобилию,

насчитал 125 новинок при том, что даже такая развитая в обсуждаемом жанре страна, как Польша, едва подобралась к двум десяткам книжек. И произошло это в год (статья обнародована осенью 2000-го), когда Польша, постаравшись изо всех сил, организовала «Еврокон». То есть, братцы, нам завидуют, нам есть чем гордиться и даже хвастаться.

Далее. Вы только представьте себе, в течение нескольких лет, предшествовавших этому бурному «старту», на головы почитателей жанра валилась подборка лучшей, самой развитой англо-американской фантастики. Причем с системой внутренних оценок, указывающей, кто из этих фантастов и произведений какого места заслуживает. Вот тут бы нашим и загрустить: ну, в самом-то деле, как с этими «зубрами», десятилетиями тренируемыми рынком, соревноваться? Но ведь смогли, «вырулили» ситуацию почти в свою пользу. Странно, что этот подвиг (без иронии) Шмалько не отметил, а ведь следовало бы.

Ведь (исходя из этой ситуации) не о падении планки следовало бы говорить, а, наоборот, о том, что эта группа авторов вколотила собственную фантастику в «потребительскую корзину», а это куда как непросто было сделать. Суть тут даже не в том, что авторы, а с ними вместе и читатели у фантастики какие-то не такие, как хотелось бы, а в том, что это была почти запредельная задача (недаром было так много выступлений с «похоронным» звоном, что Андрей снова признает, просто не хочет обсуждать этот аспект). По той простой причине, что фантастика как жанр, как часть литературы обладает очень странными свойствами. Рассмотрим некоторые из них.

Из теории известно (я всего лишь повторяю общепризнанные положения), что фантастика требует трех непременных для собственной живучести и саморазвития условий:

– согласия с правилами игры;

– едва ли не беспредельной эрудиции в рамках жанра;

– экстремизма в развитии всех литературных элементов каждого произведения.

Понимать это следует так. Первое условие требует приятия поэтики необычного, даже запредельного для каждого из читателей фантастических произведений. Рассматривая эту «необходимость несуществующего», фантастика делает ставку на ситуацию, а не на персонажи, на сюжет, а не на его трактовку, что для русскоязычного автора (и читателя), воспитанного на «советско-классической» литературе, куда как непросто. К тому же фантастику отличает обобщающая, увязывающая произведения в единое целое стилистика доверительности. (Ах, как хочется каждый из вышеназванных элементов «расписать» подробно, но

золотое правило литспора требует, чтобы объем «контрстатьи» был не больше, чем «исходник», вот и приходится экономить!)

Анализ второго элемента выглядит чуть проще. Еще Джеймс Ганн вывел total recollection для постижения фантастики, ориентируясь на все, что было сделано до 70-х годов. И получил... более ста томов. Сейчас для того, чтобы элементарно рассуждать об этом жанре, кажется, принята цифра в «полтыщи» произведений. Мне и она кажется заниженной, с учетом произведений славянских авторов требуется раза в полтора больше, а это уже труд, который автоматически при любой выносливости читателя растягивается лет до десяти.

Зато это позволяет уже не только ориентироваться в стилистике произведений, но и включать такой важнейший элемент, как «погруженность» в мир фантастического. Только тогда читатель сможет не страдать от неудачного выбора произведения, а осмысленно подбирать себе книгу, исходя из персональных предпочтений. Читать не просто известного и признанного, а того, чья фантастика – не любимая даже, а просто необходима как воздух, вода, хлеб или любовь.

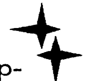
Экстремизм как свойство жанра вполне можно считать синонимом интеллектуализма, который в трудах некоторых теоретиков на Западе трактуется как запрещение «излишних» (не работающих на сюжет) спекуляций или как требование жанровой чистоты. В целом третье условие неплохо коррелирует с признаваемыми Шмалько огрехами в описательной, «прикладной» части фантастических произведений.

Здесь автор «А за что нас любить?», вероятно, прав. Хотя и тут возможны весьма «резиновые» условия, которые писатель может себе поставить, а без признания этой писательской свободы говорить о прочих условиях... как-то малоэтично.

Итак, фантастика во всех основных схемах рассмотрения запротоколирована как литература «не для всех». Даже не для «элиты», а для профессионалов, недаром фэнское движение только и имеется в этом жанре, остальные ветви литературы просто не тянут на подобное.

Но если это настолько сложная литература, что же нам делать? Может, ее вообще следует игнорировать? И как в такой ситуации вышла из положения американская, самая массовая на сегодняшний момент фантастика? И есть ли вообще выход, либо снова – похоронные интонации и осознание беспочвенности надежд на развитие и расширение сферы влияния?

Как раз американцы с такой ситуацией уже сталкивались... и прекрасно с ней разобрались. Случилось это, если кто-то помнит историю жанра, в конце 50-х, в некоторых разновидностях фантастики – ближе к середине 60-х.

Именно тогда «золотой век» НФ некоторым образом... иссяк. Вернее, иссякла фантастическая многофункциональность и массовость воздействия.

То есть, чтобы читать новые книжки жанра, требовалось знать уже слишком много старых произведений, и обстановка «погруженности» не всегда действовала, и правила игры казались массовому читателю куда более сложными, чем, например, в комиксах.

И возник очень серьезный даже на посторонний взгляд кризис. Но вдруг... Только не смейтесь... Старджон запустил «Star Trek»! И все, кто не был способен прорваться через сложности жанра, не был приучен к его системе изображения, как-то мигом прозрели. Все сразу стали всё понимать. И накатила волна нового поклонения фантастике. Завершения которой «у них» не видно по сию пору!

Любой читатель, знакомый с этим сериалом, возможно, только плечами пожмет. Сериал-то плох, причем очень плох. И персонажи там не слишком «выпуклые», и интерес вызывает с нынешних позиций весьма вялый. А в то же время – классика именно популярного изложения фантастических коллизий!

Да вот именно потому и классика, что мигом приучил зрителей или читателей (на самом-то деле и тех, и других одновременно) к «изысканному» жанру. И даже если нынешнему фэну «ST» не нравится, этой заслуги у сериала все равно не отнять. Просто некуда деться, только и остается, что согласиться – и следить за его продолжениями, которые и сегодня цветут пышным цветом (даже так можно сказать, очень многие из начинающих спешат «отметиться» именно в этом сериале).

Так вот. Этой временной, служебной, едва ли не «санитарной» заслуге (преимущественно) плохой литературы, ее способности свести «высоколобость» жанра с насущными потребностями рынка, ее возможности «рассосать» кризис, причем нешуточный, от которого другими способами не избавиться, – тоже следует отдать должное.

И что же в таком случае получается? Да то, что вопрос следует ставить не так: за что же нас не любят? А вот в какой форме: возможно, поменьше именно фантастики? Чтобы потенциальным читателям жанра стало понятнее? И, разумеется, как это ни кощунственно звучит, нужно признать, что вот эту-то функцию плохая (по определению Шмалько) фантастика решает куда лучше, чем отличная, примеры которой в статье с удовольствием приведены.

Нет, я и сам не люблю, когда вместо какого-то отточенного, ясного и захватывающего читателя от пяток до макушки произведения у меня в руках оказывается нечто неряшливое, когда (повторяя Шмалько)

приходится читать «Галактического кретина»... Но куда же деваться, если по всему получается, что и «кретин» необходим? И еще может оказаться – ха-ха! – классическим произведением, потому что будет нужен как подножье для другого произведения, которое из этого некрасивого «всхолмления» вдруг да взрастет подлинным Эверестом?

Отсюда же и побочная тема, затронутая автором рассматриваемой статьи, а именно – печальная тенденция, когда сильные и уже многого в жанре достигшие фантасты не способны писать в прежнем головокружительном темпе. И констатация того, что они теряются в этом «глянцевом» море, что их все менее заметно, мол, они погружаются в болото...

На самом-то деле авторы, которых Шмалько внес в «зал славы» нашей фантастики, и не способны сейчас быть заметными, потому что эстафета «ведущего» временно перешла к авторам... не слишком мощным. А они-то пишут как умеют, по-другому у них не получается. Вот и теряет фантастика свои достижения, вот и уступает, казалось бы, уже завоеванные вершины.

Но с этим необходимо примириться. И не потому даже, что не существует «правильного», академического отношения к фантастике, и не потому, что возникла некая усталость, которую следует просто переждать. А потому, что фантастика явственно разделилась на два русла – на «хорошую» (достойную) и «глянцевую» (хотя термин неточен, потому что «ЭКСМО» выпускает книги Валентинова и вообще всех под лавсановой пленочкой).

И возникает встречный вопрос: ну и что в происходящем такого уж ужасного? Ведь важны не мифические «эталоны качества», даже не произведения, признанные вершинами фантастики и оказывающие наибольшее воздействие на публику. Сейчас куда важнее и интереснее развитие жанра в целом. Суть-то в том, чтобы мы эту наступательную динамику сохранили.

А вот с этим, кажется, перспектива совсем неплоха. Возникшее положение достойными издателями постепенно признается нежелательным. Они-то, издатели, полагали, что «море безбрежно». А оказалось, что «воды» мало, что без деления авторов на brand-name, продающих книги как бы «сами по себе», и на тех, кого необходимо «впаривать» рынку, возникает слишком много ошибок – с тиражами, с гонорарной политикой, со всем прочим.

Прибавим к этому ошибки, которые возникают не только «внутри» жанра, но и в конкуренции фантастики с другими массовидными ветвями литературы (детектив, романс, боевик и проч.). Прибавим к этому увеличение числа переводных произведений, что еще не выглядит «вол-

ной», но свидетельствует, что переводческие подразделения издательств, кажется, снова начинают «бить наших». По крайней мере, есть сигналы, что растет контингент, который читает только переводы, – хотя бы потому, что при таком выборе меньше вероятность за свои кровные получить очередного «кретина».

Вот на этом интереснейшем и насущном аспекте Андрей и не захотел «позиционироваться». Возможно, потому, что необходимо было прогнозировать. А это вступило бы в противоречие с остальной частью статьи.

Еще раз: необходимость «глянцевых» книг представляется органичной в нашей еще весьма далекой от зрелости фантастике потому, что, как ни странно, оставляет больше вариантов экспансии, собственно, оповещает о нормальном развитии. И второе: изумительно точно поставленный диагноз почему-то не получил «продолжения», остались не указаны ожидаемые реакции рынка и действия издателей.

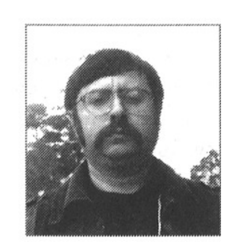
А реакции эти будут таковы. Уменьшится количество книг, принимаемых к изданию из самотека. Возрастет число переводных произведений. Исчезнут «дробные» наименования серий, в которых даже специалисты уже теряются. Жестче станет внутрииздательская дисциплина, что необходимо для того, чтобы издатели отбивали свои деньги на более «внятном» жанровом пространстве. Уменьшится набор писателей, которые «на слуху»; разгорится более суровая борьба за престижные премии, которые еще не изжили своего авторитета.

Фантастика, скорее всего, выйдет из «гетто», но я сомневаюсь, что ей сразу понравится на отвоеванном оперативном просторе. В целом, подготовка «наших» книг станет делом более хлопотным, но и неточностей в них будет поменьше (хотя, признаю, это относится скорее к пожеланиям, чем к прогнозам). Зато и пресловутого «экстремизма» (собственно фантастики) в них может быть больше, что опять же будет способствовать появлению качественных, «продвинутых» произведений.

Возможно (но не обязательно), к нашему жанру «подведут» рекламные механизмы, чего в настоящее время почти не наблюдается, но с чем неизбежно придется примириться (для некоторых авторов, поверьте, болезненная процедура). Надеюсь, это пройдет почти нормально, потому что «накачка» денег в наш жанр в условиях обострения конкуренции сделается необходимостью.

Итак, кажется, впервые за последнее десятилетие следует признать, что фантастика обзавелась «подкидной доской» (тот самый «глянцевый» поток) и способна рвануть вверх почти по схеме «вертикального прогресса», который знаком каждому поклоннику жанра. Да и чего бы мы стоили, если бы не использовали свои идеи для своего же блага?

Арбитмания

ГЕНЕРАЦИЯ ПУСТОТЫ

Тем серьезным гражданам, кто пожелает оспорить все нижеследующее, сразу дарю для эпиграфа две разоблачительные цитаты. Первая: «А, может, его вообще нет? – сказал Роман голосом кинопровокатора» (А. и Б.Стругацкие). Вторая: «Нет, уж это положительно интересно, – трясясь от хохота, проговорил профессор, – что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!» (М.Булгаков). Теперь, когда с благотворительностью покончено, приступим к главному блюду. К раскрытию заговора.

Еще каких-нибудь 50 лет назад на Парнасе было скучно. Бытие определяло сознание, базис кое-как рожал надстройку, а литературной критике (в том числе и фанткритике) дозволено было существовать в природе лишь в силу того, что существовала литература. Критик по определению считался созданием насекомым: супротив даже плохонького писателя он был все равно что плотник супротив столяра. Критику дозволялось плодиться и размножаться не ближе людской в господском доме, и по первому зову «Чеаек, абслужи!» – он обязан был мелкой пташкой метнуться и обслужить Его Превосходительство Писателя. Рецензией, статьей, предисловием или хотя бы речью на юбилее (похоронах). Конечно, критика по своему лакейскому обыкновению частенько пыталась напакостить барину. В недоброй памяти советские времена разгромные статьи в «Правде» и «Литгазете» были формой мелкой мести критики за свое подчиненное место в литературной иерархии, за неясный статус, полупризрачный modus vivendi и гонорары, сильно уступающие писательским. Не без помощи обиженной критики было выковано знаменитое ждановское постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» – наглое торжество интерпретации над интерпретируемым; как известно, три четверти всех цитат из

Зощенко в данном постановлении были не просто искажены, но вообще выдуманы (кстати говоря, оставшаяся четверть была взята не из «Приключений обезьяны», а из философско-фантастического романа Олдоса Хаксли «Обезьяна и сущность», в ту пору на русский язык еще просто-напросто не переведенного).

Во времена более вегетарианские, чем прежде, тихая борьба критики за самосуществование протекала не в такой острой форме. Время от времени вспыхивающие дискуссии в «Литгазете» (типа: «Агропромышленный роман – бугры или рытвины?», «Фантастика – родная дочь крылатой мечты или падчерица прогресса?», и тому подобная чушь) казались легкой психической атакой на сюзерена. Литература, над которой отныне уже не висел дамоклов меч опасных постановлений, отругивалась от своего критического литсобрата довольно лениво, по-хозяйски, сквозь зубы (да, бугры, да, дочь мечты, отвяньте!). Со стороны же это забавное противостояние и вовсе выглядело разновидностью средневекового теологического спора – кто более матери-истории ценен, курица или яйцо? И если все-таки яйцо, то с какого, извините, конца его надлежит разбивать? Очень немногие в ту пору осознавали, что дело не сводится к возне под пыльным литфондовским ковром за бесплатные путевки в Малеевку и возможность лечь под оркестр на Ваганьково. Что борьба идет не за чечевичную похлебку, а именно и только за право первородства. В течение целых десятилетий подкоп под фундамент устоявшихся иерархий осуществлялся по всем правилам саперного искусства. И вот, наконец, дело было сделано.

Примечательно, что из всей писательской братии правду разглядел лишь один фантаст – да и тот не россиянин, а гражданин вольного города Кракова. Пан Станислав Лем. Не случайно его книгу-прозрение «Абсолютная пустота» так долго публиковали у нас лишь фрагментарно, выборочно, а когда она все-таки вышла на русском в собрании сочинений издательства «Текст», то тираж этого конкретного тома был сознательно занижен в несколько раз.

Читая сегодня «Абсолютную пустоту», понимаешь, что в начале третьего тысячелетия уже невозможно отрицать преимущество одной противоборствующей группировки над другой. Ибо, с одной стороны, романы «Ты» Раймона Сера, «Идиот» Джанкарло Спалланцани, «Корпорация "Бытие"» Алистера Уэйнрайта могли считаться полноценными текстами, оригинальными концептуально и художественно (думаю, никто не станет оспаривать тот факт, что «Одиссей из Итаки» Куно Млатье по всем параметрам превосходит роман «Одиссей покидает Итаку» Василия Звягинцева). С другой

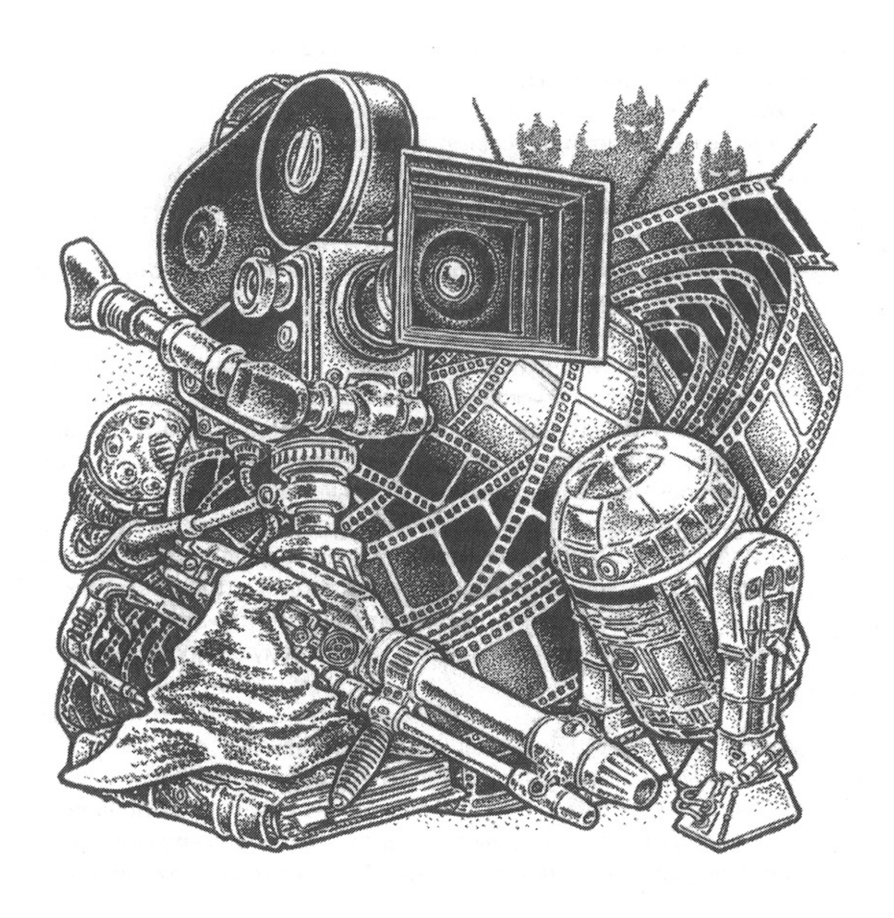
стороны, ни романов, ни самих писателей, ни их концепций вовсе не существовало, поскольку они оказывались лишь хитроумной выдумкой автора-рецензента. «Романы» Млатье, Сера, Спаллацани и других, прекрасно укладываясь в несколько рецензионных страничек, чувствовали себя в таком качестве более чем комфортно. Мятеж закончился удачей: критика могла праздновать освобождение от зависимости, поскольку закрепляла за собой права генерировать воображаемый текст и спокойно подвергать его профессиональной вивисекции. «В таком случае, простите, – словно бы говорила победительница побежденной с усмешкой Остапа, – но у меня есть все основания полагать, что я и одна справлюсь с нашим делом».

Понятно, что обитатели писательской, некогда господской, половины литературного особняка сильно занервничали. Вдруг обнаружилось, что критика-мятежница давным-давно начала исполнять свои угрозы и действительно одна справляется с литературным делом. Пока писатели барски-снисходительно наблюдали за шуточками вроде квазииздательства «Новая Космогония», настоящий прорыв затевался в других местах – и отнюдь не в тех закутках, что были специально отведены для окололитературного стеба. Выяснилось, что многие сочинения, над которыми критики в притворном азарте скрещивали шпаги, есть фантомы чистейшей воды. Восемь последних романов Макса Фрая, например, оказались простыми издательскими болванками с намертво склеенными страницами (тиражи, надо заметить, неплохо продавались). А под обложками всех книг трех разных Юриев – Никитина, Петухова и Полякова – обнаружился один и тот же текст: повторенный сорок девять раз подряд бунинский перевод «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло, где индейцы были тупо заменены древлянами, кривичами и ольгичами. Испуганные писатели-следопыты, предприняв судорожные раскопки в поисках текстов многих раскрученных коллег, по большей части не находили в итоге ничего – кроме вороха аннотаций, фрагментов и интервью...

В отличие от писателей, читатели довольно легко смирились с новым раскладом. После того как крупные издательские «проекты» приучили граждан к мысли о том, что большинства писателей, чье имя стоит на обложке, в природе не существует, читателям оставалось только приучить себя к тому, что и текстов никаких тоже нет. Оказалось, это удобнее: проще и быстрее прочитать три странички, чем триста. К тому же освободившееся от долгого чтения время можно теперь с толком потратить на компьютерные стрелялки. Или, на худой конец, просто пойти погулять. Весна, как-никак.

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО

Фабриканты грез

Традиционный Фестиваль фантастических фильмов в Жерармере (Франция) прошел в конце января – начале февраля уже в 10-й раз. Наряду с обширной программой киносеансов на юбилейном форуме работали выставки НФ-картин и комиксов, был проведен семинар «Страх в кино», вручили литературную награду за лучший дебют (она досталась Максиму Уильямсу за книгу «Пятое царство»).

А премии кинофестиваля получили:

Гран-при – «Темные воды» (Япония, реж. Хидео Наката);

Приз жюри – «Малефик» (Франция, реж. Эрик Валетт) и «Сборище» (Великобритания, реж. Брайан Джилберт);

Приз международной критики – «Темные воды»;

Приз молодежного жюри – «Темные воды»;

Приз за премьерный показ – «Май» (США, реж. Лаки Макки);

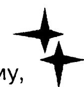
Приз публики «Mad Movies» – «Забытые воспоминания 2009-го» (Южная Корея, реж. Си Мун Ли);

Гран-при для короткометражной ленты – «Кровавое Рождество» (Франция, реж. Мишель Лерай).

Знаменитый режиссер Терри Гильям («Бразилия», «12 обезьян») в июне приступает к съемкам картины «Братья Гримм», где заняты такие звезды, как Мэтт Деймон, Хис Леджер и Робин Уильямс. Первые двое будут играть самих братьев, которые путешествуют по Германии, собирая народные сказки, но вскоре оказываются вовлечены в страшные и волшебные события. Робину же Уильямсу досталась роль злодея...

Остается надеяться, что Гильям не спасует перед трудностями и доведет работу до конца. К сожалению, его предыдущий фильм о Дон Кихоте так и не был снят, а вместо него появилась документальная лента «Затерянный в Ла Манче» – своеобразный отчет режиссера о том, почему он отказался от своих планов.

Ричард Роксбург, запомнившийся зрителям по фильму «Мулен-Руж», скорее всего, сыграет графа Дракулу в новой ленте студии «Universal», которая получила название «Ван Хелсинг». Сценаристом и режиссером этой картины выступит Стивен Соммерс («Мумия»), и в центре его внимания окажется именно фигура знатного вампироборца Абрахама Ван Хелсинга. Щедрый Соммерс сулит, что вампироборца ждут схватки не только с Дракулой, но и с другими известными персонажами ужа-

стиков – Чудовищем Франкенштейна и Человеком-волком. Судя по всему, фильм обещает быть достаточно ироничным.

Студия «Miramax» не намерена так просто забыть о принадлежащей ей торговой марке «Хеллоуин»: из неофициальных источников стало известно, что летом 2004 года на экраны должен выйти 9-й фильм из этого киносериала. Правда, ни постановщик, ни актеры еще не известны, но это, согласитесь, мелочи. Главное – что прошлогодняя картина «Хеллоуин: Воскрешение» о возвращении маньяка-убийцы Майкла Майерса из мира мертвых собрала в прокате 28 млн. долларов (для сравнения: сборы самого первого «Хеллоуина» – 47 млн., сборы ленты «Хеллоуин: 20 лет спустя» – 55 млн.). А это значит, что мистер Майерс еще принесет студии кругленькую сумму.

Лоренс Фишберн («Матрица») назначен компанией «Warner Bros.» на место сценариста, режиссера и актера в картине «Алхимик», которая будет представлять собой экранизацию мирового бестселлера – одноименного романа бразильского писателя Пауло Коэльо. История испанского пастушка, который совершает «философское путешествие» к египетским пирамидам и встречает человека, умеющего обращать железо в золото, может обрести вполне достойное кинивоплощение.

Знаменитый канадский режиссер Дэвид Кроненберг («Муха», «Автокатастрофа») категорически отверг слухи о своей причастности к грядущему римейку его картины 1981 года «Сканнеры». «Это, может, было бы и неплохо в том смысле, что мне заплатят денег, – заявил он. – Но я бы предпочел, чтобы мои фильмы не переделывались. Это как с Кубриком. Он снял "Сияние", а потом появился сериал "Сияние". Я снял "Мертвую зону", а теперь есть сериал "Мертвая зона". По-моему, никому неохота видеть еще одну версию того, что ты сделал». Тем не менее решение переснять «Сканнеров» уже принято...

Компания «Paramount Pictures» рассматривает вопрос о своем участии в экранизации романа Артура Кларка «Свидание с Рамой». К этому ее склоняет знаменитый актер и совладелец продюсерской фирмы Морган Фримен («Цепная реакция», «Ливень»). Ставить фильм согласился Дэвид Финчер («Чужие-3»). Судя по тому, что проект этот задуман уже давно, в случае отказа «Paramount» Фримен и Финчер продолжат поиски инвестора.

По материалам «3Д-информ».

Своими глазами

Из ребра режиссера

Симона (S1m0ne). Производство «New Line Cinema» и «Jersey Films» (США), 2002. Режиссер и сценарист Эндрю Никкол. В ролях: Аль Пачино, Уайнона Райдер, Кэтрин Кинер, Рэйчел Робертс. Слоган картины: «Создание звезды». 117 мин. В российском прокате – с 16 января.

В этом фильме нет ничего, чего бы наш зритель не видел. Он развлекался буднями голливудской тусовки в «Игроке». Он радовался, глядя на то, как виртуальный Ричард Никсон любуется раненой задницей Тома Хэнкса в «Форресте Гампе». Он наблюдал в «Атаке клонов» стопроцентно виртуального Йоду, который в кадре выглядел живее всех живых. В конце концов, была и полностью компьютерная «Последняя фантазия»...

Поэтому – с точки зрения такого зрителя – режиссер Виктор Таранский не придумал ничего экстраординарного. Ну, снял в главной роли в своем фильме виртуальную актрису, компьютерную супермодель. Не оригинально. Было.

Зритель дожует попкорн, попыхтит – и уйдет. Ему будет не прикольно.

Мне тоже было не прикольно. Мне было просто до безумия интересно, где же, когда же создатели фильма начнут врать. На каком этапе Симона, созданная из воображения режиссера, словно Ева из Адамова ребра, превратится из воздушного создания во вполне монстряческую чудищу и укушает своего создателя в лучших голливудских традициях...

А не сбылось! Голливудские традиции оказались гибче, чем мерещилось вашему рецензенту. Все получилось куда забавнее.

Виктор Таранский мудро забыл сказать публике, что Симона – это лишь компьютерная модель. А сказать по чести: какая зрителю, собственно, разница? Компьютерная, не компьютерная – все равно публике не суждено щупать руками актрис, которые снимаются в главных ролях в популярных фильмах. Их все равно приходится воспринимать с экрана – или широкого, или голубого, или сверхплоского, если кому подфартило. В этом смысле Симона не более виртуальна, чем Одри Хепберн.

Поэтому зритель, посмотревший фильм Таранского и увидевший там девушку красивую и внезапно талантливую (ибо роль за нее сыграл вызывающе талантливый Таранский), не мог не зафанатеть. И зафанател – да так, что Голливуд затрясло. Где она? Кто она? Что это за псевдоним – Симона? Почему она прячется? Почему не дает интервью? Где она живет?

Продюсеры сходят с ума. Звезды меркнут прямо на асфальте знаменитого тротуара киносветил.

Рэи Тоэи из гибсоновского «Идору» была более милосердна к своим поклонникам: о ней, по крайней мере, было известно, что она виртуальна. В том, что Симона существует на самом деле, не сомневался никто. Даже когда обман Таранского начал тяготить его самого и он открыл людям сияющую во всей своей наготе истину – люди ему просто не поверили. Таранский, наивная душа, даже представить не мог, насколько настоящую, подробную, тщательно наведенную массовую галлюцинацию он соорудил.

От такого умницы, вообще-то, можно было ожидать большей сообразительности.

Два часа я наблюдал, как на экране анатомировалась информационная цивилизация. Это были два часа интеллектуального и эстетического экстаза. Я сопел и подпрыгивал. Я восхищался и предвкушал. Я ожидал откровений. Де Ниро и Хоффман в «Плутовстве» выдали секрет военной фантомистики – Аль Пачино в «Симоне» переключил внимание публики на фантомистику бытовую. Смотрите, сказал Таранский его голосом, информационная цивилизация тотальна. Она вышла на тот уровень, когда вступает в действие один из законов Кларка и развитая технология становится неотличима от магии.

Когда Таранский поддался на собственный обман и стал воевать с Симоной, словно она действительно существовала, настал перелом. Творец все-таки пошел на поводу у созданной им самим иллюзии.

И тут создатели фильма струсили. Логика развития сюжета привела их к парадоксу, отыграть который по-честному им не хватило пороху.

Вот этот парадокс: если Симоны нет, то почему она существует?

Само собой, парадокс кажущийся, ибо Симона существует на тех же самых основаниях, что и прочие фигуры, определяющие судьбы этого мира. Во всех своих проявлениях она ничуть не менее реальна, чем, извините, Усама бен Ладен, которого человечество вот уже несколько лет наблюдает только в видеозаписи... В общем, признать факт существования Симоны режиссер и сценарист фильма Эндрю Никкол не решился. Может, он ортодоксальный католик и для него акт творения – исключительная прерогатива Бога, так что он просто побоялся впасть в ересь... Да что это я! О ком это я? Ведь Никкол – сценарист и продюсер «Шоу Трумана»! Режиссер и опять же сценарист «Гаттаки»! Откуда же эта шелковая поступь, умение уводить акценты от самого главного?

Жаль. Как, черт побери, жаль. Именно у него мог получиться действительно хороший фильм...

Алексей Д. Садецкий

Сергей Бережной

ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ

«Звездная дорога» публикует окончание очерка об экранизациях классического романа Мэри Шелли «Франкенштейн». Начало было напечатано в 1-м и 2-м номерах нашего журнала за этот год.

«Месть Франкенштейна» вышла уже в следующем, 1958 году. Питер Кашинг снова появился на экране: его герой избег гильотины, подставив вместо себя под нож исповедника. Помог ему в этом горбун Карл, которому барон пообещал подарить новую жизнь в новом теле.

Через три года герой живет в городке Карлсбрюке под именем доктора Штейна – он успешно изображает «доброго доктора» и лечит бедняков, в то же время всеми правдами и неправдами добывая части человеческих тел для нового эксперимента. В самый неподходящий момент, когда все уже почти готово к операции, его узнает Ганс Клеве, молодой врач из родного города Франкенштейна. В качестве платы за молчание Клеве требует права участвовать в операции – и получает его. Вдвоем они создают новое человеческое тело и пересаживают в него мозг Карла.

Их создание получилось вовсе не таким отвратительным, как Тварь из «Проклятия Франкенштейна», – «переделанный» Карл выглядит как обычный человек. Он сохранил свою личность, но вскоре начинается отторжение тканей, несчастный быстро деградирует в психопата-каннибала и умирает на глазах великосветской тусовки, успев прохрипеть: «Спаси меня, Франкенштейн!» Тайное становится явным – и разобла-

ченный барон погибает от рук собственных пациентов. Клеве успевает спасти только мозг Франкенштейна... и помещает его в новое тело.

Так традиционная ошибка массового сознания – смешивание Франкенштейна с его творением – приобрела точное киновоплощение: Франкенштейн действительно стал собственным созданием.

На протяжении всей истории «франкенштейниады» тема сотворения «нового человека» шаг за шагом вытеснялась темой пересадки мозга – и в этом фильме замещение стало полным. Если прежде барон занимался созданием живого человеческого тела, а при нем **протеза личности**, то теперь он озаботился перенесением одной личности в тело другой, то есть созданием **протеза тела**. Акценты сместились. Франкенштейн больше не посягает на божественные прерогативы и не стремится в полном смысле слова создать нового человека. Он лишь пытается исправить несовершенства конкретного организма, то есть решает вполне осмысленную медицинскую задачу... И его несомненные преступления теперь носят характер не религиозно-богоборческий, как раньше (помните: «Теперь я знаю, что значит чувствовать себя богом!»), а прежде всего социально-этический. Франкенштейн по-прежнему преодолевает барьер между смертью и жизнью, но если в картине 1931 года Генри выразительно швырял лопатой могильную землю в лицо костлявому пугалу, то Виктор в фильме Фишера занялся вещами гораздо менее демонстративными – чем-то вроде пересадки сердца... В конце концов, мозг – это просто один из органов человеческого тела.

Правда, в то же самое время мозг – это еще и метафора души...

Хотя «Месть Франкенштейна» и делалась в большой спешке (новый фильм нужно было быстро выпустить на экран), по отточенности режиссерской, актерской и операторской работы она затмила «Проклятие Франкенштейна» и по праву считается одной из лучших картин в «хаммеровской» серии.

В том же 1958 году свой ответ на успех британской постановки дал Голливуд. Фильм режиссера Говарда Коха был сварен из старых продуктов, но на новой закваске: с учетом растущей популярности научно-фантастического кино действие было перенесено в будущее. Внешне это будущее не слишком отличалось от тогдашнего настоящего, поэтому по ходу съемок мнение кинематографистов менялось: то они считали, что события происходят в 1960 году, то – в 1975-м... В итоге лента получила название «Франкенштейн-1970». Впрочем, самое главное в будущем осталось на месте, в том числе и готический замок, в котором обосновался барон Виктор фон Франкенштейн (последнее появление Бориса Карлоффа во «франкенштейниаде»).

В этот замок к стареющему барону приезжают телевизионщики, которые страсть как хотят снять здесь фильм, они даже согласны ему заплатить. Барон соглашается: деньги ему нужны затем, чтобы купить для своих опытов ядерный реактор (!). Целью опытов, понятное дело, является создание искусственного человека. А киногруппа становится чем-то вроде ходячего донор-банка, поставляющего для будущего гомункула органы...

Картина не имела никакого успеха – во всяком случае, ничего похожего на бум, поднявшийся вокруг «хаммеровского» фильма, в данном случае не наблюдалось. Казалось, Голливуд потерял навыки «доить» эту старую и в прошлом хорошо себя зарекомендовавшую корову... Слегка поправили дело «молодежные» ужастики Германа Коэна и Герберта Строка, которые начали с ленты «Я был подростком-оборотнем» (1957) и продолжили лентой «Я был подростком Франкенштейном» (1957), которые вызвали массу подражаний и за три года «съели» тему напрочь.

В то же время «Hammer» не проявлял бурного желания стричь купоны со столь удачно заявленной темы. В отличие от американских кинематографистов, англичане решили не зацикливаться на бесконечных сиквелах и пошли по пути сохранения успешных творческих союзов – например, дуэта Питера Кашинга и Кристофера Ли – и применения их опыта в новых декорациях. В 1959 году появились цветные «Собака Баскервилей» и «Мумия», которые ставил тот же Теренс Фишер по сценариям того же Джимми Сангстера. В 1960-м за ними последовали «Два лица доктора Джекила» и «Проклятие оборотня»...

Но и без сиквелов «Франкенштейна», конечно, не обошлось. В 1964 году студия «Universal», за несколько лет изрядно поубавившая гонор, приняла участие деньгами в постановке фильма «Зло Франкенштейна» – и разрешила англичанам использовать созданный Джеком Пирсом образ Создания.

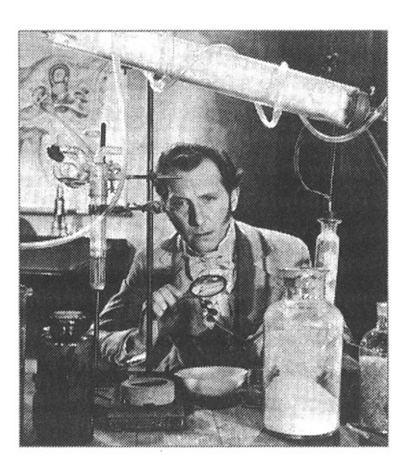
У студии «Hammer» возник соблазн снять картину, которая объединила бы маску бессмертного «американского» монстра и образ не менее бессмертного «английского» Франкенштейна-Кашинга. Сценарий фильма написал сам продюсер Энтони Хиндс, а режиссером согласился стать один из лучших «хаммеровских» операторов Фредди Фрэнсис. Конечно, это не было продолжение предыдущих английских картин – скорее, продолжение всей кинотрадиции как таковой.

Барона Франкенштейна судьба гонит из города в город: люди не могут ему простить создание чудовища. Он возвращается в свой замок возле Карлштадта, но и там его ждут судейские исполнители. Барон вынужден бежать в горы, находит там пещеру, в которой живет немая

девушка и пребывает давным-давно вмерзшее в ледник Существо. Чудовище удается снова оживить благодаря Золтану – сильно пьющему гипнотизеру, которому неожиданно понравилась роль «хозяина» монстра. Он сначала отправляет послушное его воле Существо безобразничать в город, а затем приказывает ему убить Франкенштейна. Существо, однако, решает иначе и убивает самого Золтана.

За исключением традиционно сильной и убедительной игры Кашинга и отличной эпизодической роли немой девушки (Кэти Уайлд), других достоинств за фильмом не обнаружилось. Киви Кингстон, игравший Существо, «ничего нового не внес в историю охоты». Энтони Хиндс оказался далеко не столь одаренным сценаристом, как Джимми Сангстер; режиссура Фредди Фрэнсиса сильно уступала режиссуре Теренса Фишера... Единственное, с чем в этом фильме было лучше, так это с бюджетом. И, как это часто бывает, на пользу искусству лишние деньги не пошли. В одном из отзывов даже горько прозвучало, что Хиндс обладает редким умением придать дешевой картине вид дорогой, а дорогую заставить выглядеть дешевой...

К этому времени «франкенштейновская» тема уже расползлась по всему миру – даже в Японии появился «Фуранкеншитэн», национальная версия образа, хотя и сыгранная совершенно в духе «Годзиллы». Вышли даже несколько фильмов, где слово «Франкенштейн» присутствовало только в названии, – например, «Франкенштейн встречает Космическое Чудовище» (1965). В картине «Джесси Джеймс встречает дочь Франкенштейна» (1966) потомки барона увлеченно пересаживали мозги жителям штата Нью-Мексико... Налицо была прогрессирующая инфляция образа.

Явление шестое: Киномания

Но в 1967 году в легенду вернулся режиссер Теренс Фишер и снял «Франкенштейн создал женщину» (с явно вредительским намеком на название знаменитого фильма Роже Вадима «И Бог создал женщину»).

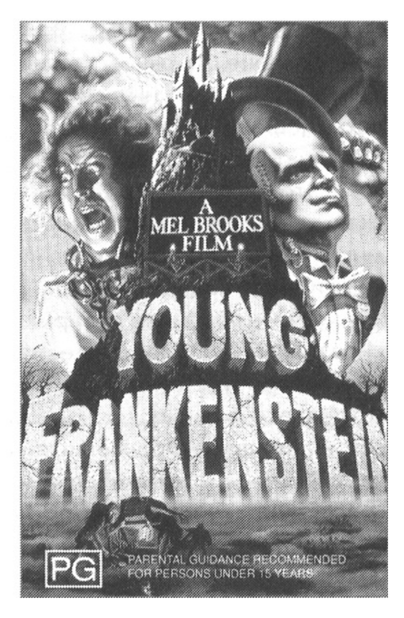
Питер Кашинг **(на фото вверху)** играет на этот раз... в целом положительного Франкенштейна! Он из самых добрых побуждений вмеши-

вается в историю любви, которая закончилась трагически, и изменяет ее финал – как выясняется, напрасно.

Ганс, помощник Франкенштейна, любит девушку с изуродованным лицом – Кристину. Над ней постоянно издеваются несколько молодых аристократов, которые в конце концов доходят до того, что убивают ее отца и делают так, что в этом убийстве обвиняют Ганса. Молодого человека казнят, Кристина в отчаянии кончает с собой. Но Франкенштейну удается пересадить душу (не мозг, а именно **душу**) Ганса в тело Кристины, заодно исправив ей лицо. Однако в союзе тела и души главным становится то, что этот союз создало, – смерть. У нового существа нет осознанной памяти, но есть цель – месть настоящим убийцам...

Теренс Фишер и написавший сценарий фильма Энтони Хиндс перетащили из второго смыслового слоя в первый значение метафоры с пересадкой мозга – на самом деле, конечно, имелось в виду перемещение души. Всегдашняя главная забота Франкенштейна в этом контексте также предстает в ином ракурсе: он постоянно (и безуспешно) ищет способы убрать «фильтры», которые мешают душе вернуться к полноценной жизни... Но его деяния неизбежно оказываются деяниями Демиурга: созданная им живая материя всегда отягощена злом.

Следующая лента симптоматично называлась «Франкенштейн должен быть разрушен» (1969). Фишер снова сделал барона холодным и циничным экспериментатором, который использует собственных коллег как материал для опытов. Как водится, материал это терпит только до времени, а потом... ну, в названии все сказано. Об этом фильме спорят до сих пор – достаточно он хорош или нет. Никаких особенных последствий, кроме традиционного запрета на прокат в Финляндии (там неизменно запрещали все «хаммеровские» ужастики), картина не имела.

«Ужас Франкенштейна» (1970) был первым принципиальным отступлением студии от своей основной «франкенштейновской» политики: во-первых, барона играл не Кашинг, а Ральф Бейтс; во-вторых, фильм был задуман как комедийный молодежный парафраз на тему «Проклятия

Франкенштейна». Срежиссировал картину сценарист всей «хаммеровской» классики Джимми Сангстер, он же, естественно, сочинил и сценарий. Итог его усилий оказался катастрофически плох – плох настолько, что фильм даже не стали запрещать в Финляндии. За ненадобностью. Единственное его достижение – использование в роли Твари Дэвида Проуза, который стал знаменит в другой маске: он сыграл в «Звездных войнах» Дарта Вейдера.

Как будто для того, чтобы подчеркнуть, что тема выдохлась, Фишер и Хиндс в 1973-м сняли «Франкенштейн и Чудовище из ада»; все действие этой ленты разворачивалось в сумасшедшем доме. Кашинг в последний раз, уже явно через силу, сыграл барона, который скрывается от правосудия, а заодно занимает пост главного врача психбольницы и опять собирает из запчастей очередную Тварь. Монстра опять сыграл Дэвид Проуз.

Закрытие темы «Хаммером» совпало по времени с появлением других интересных для нас фильмов. В Америке Уильям Леви снял «афроамериканскую» версию «Блэкенштейн» (1973). В Европе итало-французская команда под руководством Пола Моррисси и Антонио Маргерити выдала на экраны безжалостно авангардную ленту «Франкенштейн Энди Уорхола» (1973) по сценарию Моррисси и Тонино Гуэрра и с Удо Киром в роли Франкенштейна.

А Мел Брукс в 1974 году поставил одну из своих лучших комедий «Молодой Франкенштейн». Пересказывать комедии, особенно хорошие, – верх идиотизма, мы в него не впадем. Достаточно сказать, что это была не просто пародия с набором «левых» гэгов, а именно комедийная версия сюжета романа Мэри Шелли с упором на новшества, которые привнесли в него фильмы 30–40-х годов. В роли приехавшего в родовой европейский замок американца Фреда Франкенштейна выступил Джин Уайлдер (он же помогал Бруксу со сценарием), Создание сыграл Питер Бойл, в фильме снялись также Тери Гарр и Марти Фельдман. А роль слепого отшельника, который радушно принял сбежавшее Создание в своей хижине и быстро довел его до изнеможения, опрокидывая на него суп и пытаясь поджечь его палец, принятый за сигару, – досталась еще молодому Джину Хэкмену...

Брукс не просто по-доброму (что для него, в общем, совершенно не характерно) посмеялся над «Франкенштейнами» производства «Universal», он сделал это стильно, с тактом и полностью выдержав ностальгический тон. «Молодой Франкенштейн» был черно-белым; операторская работа, оформление монтажных стыков, мизансцены – все это было тщательно скопировано с фильмов 30-х годов. Брукс даже нашел в каких-то запасниках лабораторную машинерию, которую снимал в

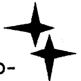
своей картине Джеймс Уэйл! Ощущение узнавания классики в сочетании с полной инверсией смысла отдельных эпизодов создавали роскошный комедийный эффект.

Фильм получил премию «Хьюго» как лучшая фантастическая постановка года и, по иронической логике судьбы и таланта, стал по-настоящему этапной лентой во всей «франкенштейниаде».

И еще одна пародийная комедия должна быть непременно упомянута в связи с нашей темой – «Шоу ужасов Роки Хоррора» (1975), основой для которого стал почти одноименный культовый мюзикл. В отличие от фильма Брукса, «Шоу...» не было «легкими танцами» – это был авангардно-фантастический парафраз, авторы коего прицелились в совершенно иные мишени. Прежде всего режиссера Джима Шармана и сценариста (и по совместительству – композитора) Ричарда О'Брайена интересовала тема актуальной в 70-е годы сексуальной революции, осуществить которую их герой решил при помощи искусственных «нравственно свободных» существ. Фильм довольно быстро стал культовым, но для нашей темы он остается периферийным, и (как ни жаль) подробно останавливаться на нем мы не будем.

На фоне неизбежного в 70–80-х годах «затухания» темы после ухода из нее Питера Кашинга и студии «Hammer» и успеха блистательной пародии Брукса у нас остается лишь несколько вышедших за эти годы заметных картин, развивающих кинотему.

«Невеста» (1985) стала редкой попыткой «сбросить счетчик» традиции обратно на 1935 год: этот фильм оказался снятым через 50 лет своеобразным сиквелом «Невесты Франкенштейна» Джеймса Уэйла, хотя сценарист Ллойд Фонвайл и счел нужным слегка изменить имена персонажей. Чарльза Франкенштейна изображал Стинг, а в роли Создания выступил Клэнси Браун, только что сыгравший Кургана в «Горце». Все действующие лица избежали гибели – но порознь. Франкенштейн обучает Еву (Невесту), предполагая создать из нее идеальную женщину, но скрывая истинное ее происхождение, а Создание встречает в лесу горбуна Ринальдо, который дает ему имя Виктор (!) и учит его образу жизни отверженных. Между двумя Созданиями Франкенштейна – Виктором и Евой – устанавливается телепатическая связь, и в конце концов, когда ученый пытается силой овладеть Евой, та призывает Виктора на помощь, создатель сражается со своим созданием – и погибает. Фильм, несмотря на довольно занятную задумку и насыщенность символическими ситуациями, много потерял из-за слабой драматургической реализации, тем самым, помимо иных последствий, лишив великолепного Клэнси Брауна возможности стать новым классическим Созданием Франкенштейна...

В 1986 году вышла интересная картина Кена Рассела «Готика», сюжет которой разворачивается в ту самую судьбоносную ночь на Вилла Диодати на берегу Женевского озера, когда Перси и Мэри Шелли, ее сводная сестра Клэр Клермон, лорд Байрон и его личный врач Джон Полидори начали развлечения ради придумывать страшные рассказы. Ночная магия воплощает образы, порожденные их воображением, и до самого утра они живут с ощущением того, что впустили в мир нечто ужасное... В фильме снялись Гэбриел Бирн, Джулиан Сэндз, Наташа Ричардсон и другие.

Цикл замкнулся в 1990-м, когда вышли сделанная Роджером Корманом экранизация романа Брайана Олдисса «Франкенштейн освобожденный» – и тщательный короткометражный римейк самого первого фильма 1910 года – «Франкенштейн Эдисона», снятый Робертом Дэвидом...

Глубже копать было уже некуда: подняты были и пласты, связанные с рождением литературного «Франкенштейна», и пласты, связанные с рождением «Франкенштейна» в кино.

Поэтому кинематографистам оставалось только найти такой ход, который убрал бы с их пути окостеневшие стены некогда живых, а ныне безнадежно мертвых традиций...

Стоит ли удивляться, что ходом этим оказалось обращение к классике.

К первоисточнику.

Явление седьмое: Демиург

Мифологический и фольклорный мотив преодоления смерти приобрел благодаря «франкенштейниаде» связь с темой Демиурга, который никак не может преодолеть зло, заражающее каждое его творение. Воскрешение Христом Лазаря было деянием Бога и было деянием свободным от зла, но любые старания Франкенштейна (во всех его воплощениях) оборачивались злом с неизбежностью той же смерти...

Тема эта прочно вошла в культуру второй половины XX века. Отягощенными смертью возвращаются «с той стороны» персонажи «Кладбища домашних животных» Стивена Кинга, умирающий Иоханн Смит организует пересадку своего мозга в новое тело в романе Роберта Хайнлайна «Не убоюсь я зла», кинематографисты с завидной периодичностью – раз в десять лет – ставят три версии «Мозга Донована», лучшего романа Курта Сьодмака (кстати, одного из корифеев фантастических ужастиков 40-х годов и сценариста «Дома Франкенштейна»)... Фан-

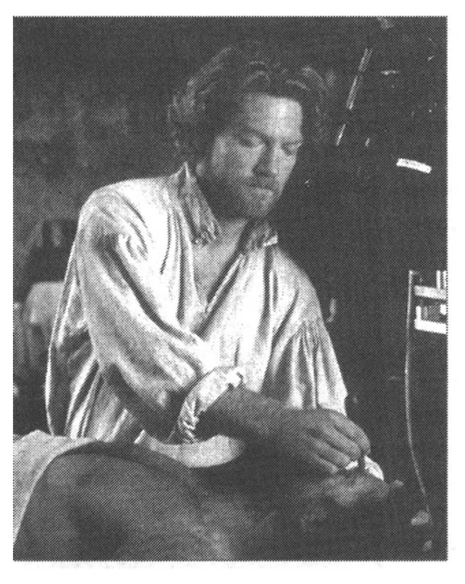
тастика полна киборгами с человеческим мозгом и механическим телом. Личности великих ученых переписываются в память компьютеров, дабы они могли продолжать работать и после смерти... «Робокоп» Верхувена во многом такой же прямой потомок «Франкенштейна», как и восстающие на своих создателей репликанты Филипа Дика и Ридли Скотта.

Да и Дракула – разве не та же самая демиургическая тема возникает каждый раз, когда вампир пытается создавать себе подобных?

Попытки **по-новому** рассказать историю Творца и его Творения на материале романа Мэри Шелли предпринимались с начала 70-х – а если точнее, с 1972 года, когда на телеэкраны вышел четырехсерийный фильм Джека Смайта по сценарию Дона Бакарди и Кристофера Айшервуда «Франкенштейн: Подлинная история» (вдвое урезанный для кинопроката). Виктор Франкенштейн – английский студент, приехавший в Лондон и увлекшийся опытами эксцентричного ученого Генри Клерваля, который сначала оживляет животных, а затем пытается создать из фрагментов мертвых тел живое человеческое существо. Клерваль, однако, умирает, успев лишь подготовить эксперимент, провести который суждено Франкенштейну. Виктор использует для операции мозг самого Клерваля – и эксперимент завершается полным триумфом. Рожденное Существо не только прекрасно, но и не утратило интеллекта ученого! Франкенштейн вводит его в общество, все идет замечательно – однако тело Существа начинает деформироваться, доходя до полного уродства. Остановить процесс деградации Франкенштейну не удается. Потеряв надежду на нормальное существование, Существо пытается покончить жизнь самоубийством, бросившись со скалы, – безуспешно. Его выхаживает слепой лесник. Существо влюбляется в его внучку Агату, которая, увы, погибает из-за несчастного случая в лесу. Существо приносит ее тело в лабораторию Франкенштейна, надеясь, что ее удастся оживить. Однако в лаборатории их встречает доктор Полидори (!), который шантажом заставляет Франкенштейна пересадить голову Агаты на непознанный женский труп – и оживить ее. Новое существо прекрасно, однако, в отличие от первого, отягощено злом. Полидори мечтает с ее помощью установить тайное мировое господство, Франкенштейн же в нее влюбляется. Однако первое Существо в порыве ревности убивает второе. Эта смерть открывает целый ряд убийств: следом Существо убивает Полидори, затем жену Франкенштейна – и пытается скрыться в арктических льдах. Франкенштейн настигает его там – и оба погибают под ледопадом... В фильме снимались Леонард Уайтинг (Франкенштейн), Майкл Сарразин (Существо), Джейн Сеймур (Агата) и другие.

Сериал был интересен в нескольких аспектах. Впервые два акта творения Существ не были равноценны – каждый из них оказался «демиургичен» по-своему: первое Существо было отягощено проклятием внешнего уродства, второе – проклятием уродства нравственного. Деградация облика Создания и духовная деградация Франкенштейна, запущенные «в параллель»; привлечение в сюжет третьей силы – изначально злой... Это была попытка нащупать новые возможности в старой сюжетной канве.

Второй шаг был сделан только через двадцать лет: в 1992 году вышел авторский телефильм Дэвида Уикса «Франкенштейн: Настоящая история». Уикс попытался сделать более-менее верную экранизацию романа Мэри Шелли, убрав оттуда самый архаичный мотив – «сборку» тела Создания из фрагментов трупов. Вместо этого Франкенштейн Уикса «выращивает» Существо в котле с биологическим раствором, клонируя свою собственную ткань. В остальном же фильм весьма последовательно излагает сюжет романа. Похоже, слабость крылась именно в этом: драматургия романа, которая жестко задавала связи между персонажами и логику событий, не давала возможности хоть сколько-нибудь осовременить тему. И это при том, что актерские работы (Рэнди Куэйд в роли Существа, Патрик Бергин в роли Виктора Франкенштейна) были, безусловно, профессиональны...

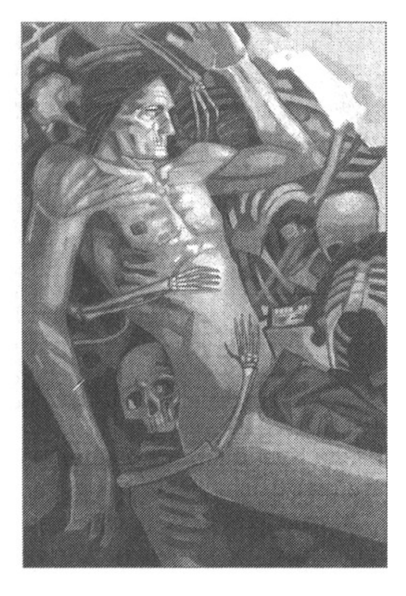
В том же 1992 году Коппола выпустил на экраны «Дракулу Брэма Стокера». Эксперимент, по общему мнению, обернулся впечатляющим успехом. Коппола, вдохновленный этим достижением, взялся за новую версию второго из классических киноужастиков – но на этот раз не как режиссер, а как продюсер. Сценарий картины «Франкенштейн Мэри Шелли» (1994) написали Фрэнк Дарабонт (создатель «Побега из Шоушенка» и «Зеленой мили») и Стивен Лэйди, а постановщиком стал Кеннет Брана **(на фото вверху)** – питомец Шекспировского театра, человек, глубоко понимающий все нюансы подлинной драматургии, умеющий вписать сильный характер в любой сюжет, мастерски выстраиваю-

щий мизансцены... Ему нужно было только найти повод для вдохновения в трагической истории Виктора Франкенштейна.

И Брана такой повод нашел – судя по тому, что его «Франкенштейн» смотрится с подлинно шекспировским трагизмом и глубиной, диалоги насыщены почти мильтоновским философским размахом, а мастерская операторская работа Роджера Пратта создает поразительно изысканный изобразительный ряд, который подчеркивает все драматургические нюансы истории...

Несмотря на заключенную в названии фильма декларацию верности первоисточнику, его создатели не отказали себе в удовольствии привлечь в сюжет мотивы, прижившиеся в кино начиная еще с лент Уэйла. В книге Шелли чудовище потребовало, чтобы Франкенштейн создал для него подругу, но Виктор, поначалу согласившись, затем категорически отказался – что привело к гибели Клерваля и Элизабет. По сюжету фильма Виктор после казни Жюстины и гибели Элизабет все-таки создает Невесту – не для умиротворения Существа, но надеясь вернуть к жизни свою любовь. Однако стоит возрожденной девушке понять, что с ней произошло, как она в отчаянии разбивает над головой керосиновую лампу и гибнет в огне...

Картину Копполы и Браны вообще отличает повышенная трагедийность, для которой роман Мэри Шелли дает множество поводов. И одержимость Франкенштейна работой, и безнадежные поиски Созданием хотя бы крох человеческого тепла, и беззаветная любовь Элизабет – все это в книге было, а создатели фильма эти мотивы усилили и возвысили. Кеннет Брана сам сыграл Франкенштейна, роль его отца досталась Иену Хольму, Хелена Бонэм Картер создала совершенно изумительный образ Элизабет, а Роберт Де Ниро стал Существом, воплотившим все философские противоречия этой истории...

Мать Виктора умирает, рожая его младшего брата, и с этого момента юноша воспринимает смерть как личного врага. В университете Ингольштадта он встречает профессора Вальдмана, который когда-то работал над оживлением мертвой материи, однако задумался о нрав-

ственной стороне проблемы и отказался от дальнейших опытов. Несмотря на его предупреждения, Франкенштейн продолжает его работу. Во время эпидемии холеры Вальдман погибает – его убивает невежественный нищий калека, который думает, что это именно доктора заражают народ. Потрясенный новой трагедией, Франкенштейн решается на эксперимент, для которого он использует снятое с виселицы тело того же калеки и мозг гениального Вальдмана (кстати, еще один традиционный только для кино мотив – Шелли ничего не пишет о том, откуда взялся мозг Существа), соединяя тем самым убийцу и его жертву...

Почти половина романа – это монолог Создания. В фильме от него осталось всего несколько фраз, плюс дюжина реплик, дописанных сценаристами... Тем не менее Де Ниро удалось сказать с экрана все, что было нужно и важно.

После того, как Создание убивает маленького Уильяма и Виктор находит убийцу своего брата на альпийском леднике, между ними происходит главный диалог.

– Где же моя душа? – сурово спрашивает Существо. – Или, создавая меня, об этой малости ты позабыл?..

Согласитесь, душа – это гораздо больше того, что можно требовать от человека. Но для Создания Виктор гораздо больше, чем человек. Он – Творец. В романе чудовище десятки раз говорит Франкенштейну: раз ты меня создал, значит, ты в ответе передо мной. Этот рефрен сведен в картине буквально к паре фраз, которые выводят тему на уровень диалога Демиурга и созданной им живой Материи.

Виктор Франкенштейн познал неудачу, но не ощутил нравственного поражения. Он по-прежнему был убежден, что поиск победы над смертью оправдывает его опыты, что его цель – превыше всего.

Так бы оно и было, если бы не последствия, к которым привели его труды, если бы не горестный демон, выпущенный им в мир, если бы не смерть Уильяма, Жюстины, Элизабет, отца... Именно за это Франкенштейну и предстоит ответить – ответить перед своей совестью...

Эпилог

Для человека двадцатого века – а теперь и для человека века двадцать первого – имя Франкенштейна стало нарицательным. Трудный и архаичный для современного читателя роман Мэри Шелли кинематограф сделал достоянием массовой культуры и массового сознания. При этом сюжет, тема, идея, урок романа то извращались, то игнорировались, то толковались наново, то восстанавливались в якобы первоначальном

смысле... который, впрочем, ушел в прошлое вместе с эпохой высокого романтизма.

Франкенштейн – остался. Кино делало его то незадачливым гением, то безумным ученым, то расчетливым убийцей, то чудовищем, то жертвой. Каждое такое изменение (или почти каждое) отражало перемену господствовавших в обществе взглядов на то, что движет этот мир в будущее. На прогресс. На науку. На перемены вообще...

По большей части люди боятся перемен. Наивная вера во всесилие науки погибла в мировых войнах, электрическая лампочка и высадка на Луну не решили социальных и экономических проблем, а достигнутые Европой относительные благополучие и достаток породили зависть всего «третьего мира», которая отозвалась взрывом 11 сентября...

«Все к лучшему» – давно уже не лозунг, оптимизм – давно не руководство к действию.

Образ Франкенштейна впитал в себя неизбежное зло, которым отягощен каждый решительный шаг за грань привычного.

Этот шаг всегда необходим – потому что, во-первых, остановка означает застой и смерть и, во-вторых, потому что невозможно обнаружить грань, не переступив ее.

Этот шаг всегда опасен – ибо за гранью привычного лежит неизвестность.

Этот шаг всегда требует мужества и готовности платить за риск.

Франкенштейн – это воображаемый разведчик, которого человечество посылает проверить, насколько велика может быть плата за тот или иной решительный шаг. Как и любой, кто берется за необходимую, но чертовски грязную работу, он не может требовать, чтобы мы его бурно любили. Напротив, скорее уж мы его с восторгом и рвением осудим, забросаем камнями, отдадим гильотине...

Но поверять нравственную цену прогресса опытом Франкенштейна как минимум гуманнее, чем осознавать то же самое с помощью опытов доктора Менгеле, который с такой готовностью платил за прогресс чужими жизнями.

Что там у нас на очереди? Клонирование? Генное конструирование? Искусственный интеллект?..

Нам снова нужна ваша виза, господин Франкенштейн из Женевы.

В первой части статьи автором была допущена ошибка: Колин Клайв не снимался в фильме «Дракула» (1931). Автор и редакция приносят извинения читателям.

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Эдуарда Геворкяна,

Клайва Баркера,

Льва Вершинина

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

